

Г-70

Социалистическая Федеративная Советская Республика

Пролетарии всехъ странъ, соединяйтесь!

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

КРАТКИИ
ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО
МУЗЕЮ

Составленъ Ученой Коллегіей Музея

2-е издание

исправленное и дополненное



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1921.

Г-70

С. П. Григорьев 70

Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика

Пролетаріи всѣхъ странъ; соединяйтесь!

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РОССІЙСКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ

ИЗ КНИГ
С. П. Григорьев

КРАТКІЙ
ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО
МУЗЕЮ

Составленъ Ученой Коллегіей Музея

2-е изданіе

исправленное и дополненное



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1921.

23 ОКТ 2009

БИБЛИОТЕКА

БИБЛИОТЕКА
Н. М. С. 102

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГИЗ № 1241.

Р. В. Ц. (Москва).

5.000 экз.

32-тип. Полиграф. Отд. Московск. Совѣта Нар. Хоз. (б. Синод.).
Никольская, 9. Тел. 6-22.

Государственный Россійскій Историческій Музей

открытъ для обозрѣнія публики
(входъ съ Красной площади)

Въ зимніе мѣсяцы:
ежедневно, кромѣ понедѣльника,
отъ **11** до **3** час.

Въ остальное время года:
по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ
отъ **11** до **3** часовъ,
а по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, смотря
по свѣту, отъ **2** до **5** или отъ **3** до **6** час.

Экскурсіи допускаются въ тѣ же часы
по предварительному соглашенію съ администраціей Музея.

Во всѣ дни желающимъ даются объясненія.
Въ экстренныхъ случаяхъ, какъ перевозка
значительныхъ коллекцій и т. п., Музей можетъ
быть закрытъ, о чемъ вывѣшивается
особое объявленіе.

Научные Отдѣлы Музея:

1. Отдѣлъ Древностей Первобытныхъ и Курганныхъ.
2. Отдѣленіе Древностей Греко-Римскихъ и Византійскихъ.
3. Отдѣлъ Историческаго быта.
4. Отдѣленіе монетъ, медалей и печатей.

5. Отдѣленіе древностей религіозныхъ.
6. Отдѣленіе памятниковъ народнаго творчества.
7. Отдѣленіе исторической географіи и картографіи.
8. Отдѣлъ памятниковъ прикладнаго искусства.
9. Отдѣлъ иноземныхъ памятниковъ.
10. » памятниковъ иконографіи.
11. » рукописей и книгъ старой печати.
12. » архива бытовыхъ и историко-литературныхъ матеріаловъ.
13. Отдѣлъ ученаго секретаріата.
14. Отдѣленіе музеевѣдѣнія и регистраціи историческихъ памятниковъ.
15. Отдѣленіе научно-техническаго функціонированія показательной части Музея—
открыты для научныхъ занятій
отъ 11 до 3 часовъ.

Библиотека Музея

открыта отъ 11 до 3 часовъ.

Большой читальный залъ Музея,

по освобожденіи отъ занимающаго его нынѣ Историко - революціоннаго Архива, будетъ открытъ отъ 10 час. утра до 10 час. вечера.
(Входъ съ Забѣлинскаго проѣзда).

Филіальное отдѣленіе библиотеки Музея:

Библиотека Бывшаго Московскаго Археологическаго Общества, Берсеневская набережная, 18.

ВВЕДЕНИЕ

къ „Путеводителю Россійскаго Историческаго Музея“.

Россійскій Историческій Музей является центральнымъ музеемъ исторіи Россіи и ея быта, матеріальнаго и духовнаго, и принадлежитъ къ общему типу культурно-историческихъ музеевъ, подобно Баварскому Національному музею въ Мюнхенѣ, Историческому музею въ Базелѣ, Государств. Историческому музею въ Стокгольмѣ и др.

Необходимость имѣть въ Россіи подобный музей, который отвѣчалъ бы одновременно насущнымъ потребностямъ исторической науки и запросамъ любознательности широкихъ массъ, начала сознаваться еще въ XVIII столѣтіи, а съ начала XIX вѣка мысль о такомъ музеѣ, на широкой національной основѣ, стала облекаться уже въ болѣе или менѣе опредѣленные формы различныхъ проектовъ и предположеній.

Фактическому созданію центрального историко-бытового музея въ Россіи предшествовалъ весьма продолжительный періодъ напряженныхъ, хотя и не всегда опредѣленныхъ исканій. Однимъ изъ выразителей ихъ былъ знаменитый русскій археологъ гр. А. С. Уваровъ, который еще въ 60-хъ годахъ пришелъ къ мысли о необходимости основанія въ Москвѣ Историческаго Музея. Покойный, посвятившій всю свою жизнь историко-археологической дѣятельности, всѣми мѣрами старался пробудить и развить въ русскомъ обществѣ интересъ и любовь къ родной исторіи, къ русской старинѣ и искусству. Этой цѣли—распространенію историко-археологическихъ знаній — и должно было служить Всероссійское Національное Древлехранилище, строго научное, но въ то же время ставящее своей задачей наглядно и въ общедоступной формѣ представить всю исторію Россіи, всѣ области и стороны развитія жизни страны и народа, во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Идея созданія такого Національнаго музея нашла живой откликъ въ русскомъ обществѣ; съ особымъ же сочувствіемъ отнеслись къ ней устроители Севастопольскаго Отдѣла Московской Политехнической выставки 1872 года. Этотъ отдѣлъ

выставки, по ея окончаніи, принесъ нарождавшемуся музею и первый весьма цѣнный даръ, а именно: собраніе древностей Херсонеса и собранія вещей, картинъ, предметовъ и пр., иллюстрирующихъ оборону Севастополя.

Въ самомъ началѣ 1873 года утверждены были и общія основанія устройства Музея. Разработку всѣхъ вопросовъ, касающихся ученой части его, принялъ на себя гр. А. С. Уваровъ.

На призывъ къ содѣйствию вновь учрежденному Древле-хранилищу первой откликнулась Московская Городская Дума, постановившая 15 апрѣля 1874 года предоставить безвозмездно для постройки Музея лучшее мѣсто на Красной площади.

На небольшія средства, оказавшіяся въ распоряженіи управленія музея, начата была постройка зданія по проекту академика В. О. Шервуда и инженера А. А. Семенова. Закладка зданія послѣдовала 20 августа 1875 года.

Въ 1881 году музею было присвоено наименованіе «Россійскій Историческій Музей», а 27 мая 1883 года состоялось открытіе первыхъ одиннадцати залъ Музея.

Съ этого времени ведется Музеемъ энергичная работа, главнымъ образомъ, по собиранію необходимыхъ ему коллекцій русскихъ древностей и по ихъ описанію, а также по послѣдовательному оборудованію музея въ отдѣльныхъ частяхъ.

Денежныя средства, отпускавшіяся музею на приобрѣтеніе памятниковъ, до самаго почти послѣдняго времени были, однако, очень незначительны, даже ничтожны, но тѣмъ не менѣе, въ теченіе 37 лѣтъ существованія Музея ему удалось собрать — и покупкой по мелочамъ, и путемъ обильныхъ даровъ — огромное собраніе памятниковъ, представляющихъ въ своей совокупности обширнѣйшій и цѣннѣйшій матеріалъ для возсозданія довольно полной картины исторіи русской жизни и быта.

Особенно значительнымъ и цѣннымъ вкладомъ въ сокровищницу Музея (собранную, главнымъ образомъ, благодаря широкой отзывчивости русскаго общества, въ лицѣ собирателей родной старины) былъ щедрый даръ Петра Ивановича Щукина, который еще при жизни своей, въ началѣ 1905 года, передалъ въ собственность Историческому Музею весь свой музей, созданный его неустанными заботами въ теченіе 20 лѣтъ съ затратой на это значительнѣйшихъ суммъ.

Обезпеченный, такимъ образомъ, собраніями по всѣмъ главнѣйшимъ отраслямъ русской культуры, матеріальной и духовной, Россійскій Историческій Музей съ полученіемъ новыхъ штатовъ 1912—14 гг., особенно же послѣ проведенія въ жизнь утвержденныхъ Народнымъ Комиссаріатомъ по Просвѣщенію смѣтъ 1918—20 гг., вступилъ въ новую пору своей дѣятельности и, благодаря сравнительно увеличенному личному составу, могъ начать планомѣрную разборку, классификацію, описаніе и изученіе всѣхъ накопленныхъ матеріаловъ.

Свою основную задачу—представить точную картину русскаго быта, начиная отъ древнѣйшихъ временъ, Историческій Музей выполняетъ въ двухъ направленіяхъ: въ общеобразовательномъ (наглядно-показательномъ) и спеціально-научномъ,—путемъ открытія, съ одной стороны, показательныхъ залъ, а съ другой—спеціально оборудованныхъ научныхъ отдѣловъ и отдѣленій.

Между тѣмъ, при созданіи Историческаго Музея весь онъ мыслился, какъ учрежденіе, главнымъ образомъ, наглядно-показательнаго характера: весь матеріаль, имѣющій поступать въ Музей, предполагалось распредѣлять, въ цѣляхъ просвѣщенія и удовлетворенія любознательности широкихъ массъ, по заламъ, которыя должны были соответствовать важнѣйшимъ эпохамъ развитія русской жизни; каждая изъ этихъ залъ имѣла задачей представить, подборомъ разнообразныхъ памятниковъ, въ подлинникахъ или въ копіяхъ, общую картину быта въ ту или другую эпоху, при чемъ архитектурное убранство залъ, для завершенія цѣльности общей картины, должно было выполняться сообразно съ характеромъ представляемой эпохи.

Однако, въ послѣдующемъ, Музей неизбежно долженъ былъ стать также и научно-ислѣдовательскимъ учрежденіемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, дальнѣйшее развитіе Музея привело къ мысли о необходимости ограничиться для показательныхъ залъ выставленіемъ въ нихъ исключительно характернѣйшихъ, типическихъ, предметовъ для того, чтобы экспонируемый матеріаль не подавлялъ рядового посѣтителя своимъ внѣшнимъ обиліемъ, но создавалъ дѣйствительно ясную, четкую и удобобозримую картину.

Одновременно съ этимъ выяснилась потребность, при представленіи общей картины быта въ ту или другую эпоху, принимать въ соображеніе различія въ бытѣ тѣхъ или другихъ

общественныхъ классовъ и соотвѣтственно съ этимъ, по крайнѣй мѣрѣ, для двухъ послѣднихъ столѣтій, изображать для каждой опредѣленной эпохи быть различныхъ классовъ общества въ отдѣльности.—Съ другой стороны, на-ряду съ этими показательными залами, представляющими картины быта различныхъ эпохъ, въ ихъ послѣдовательности, признана была необходимость созданія второго ряда показательныхъ залъ, каждая изъ которыхъ представляла бы внутреннее развитіе той или другой отрасли быта (ткани, посуды, мебели и пр.). Такимъ образомъ показательная часть музея, по современнымъ предположеніямъ его, должна состоять изъ показательныхъ залъ двухъ параллельныхъ рядовъ, основанныхъ на двухъ различныхъ принципахъ: «синтеза быта» (общія картины быта той или иной эпохи въ цѣломъ или по отдѣльнымъ классамъ общества) и «эволюціи бытовыхъ формъ» (картины развитія отдѣльныхъ отраслей быта).

Всѣ открытыя до сего времени залы Музея принадлежатъ къ первому изъ двухъ указанныхъ параллельныхъ рядовъ и при томъ относятся лишь къ древнѣйшимъ эпохамъ—до конца XIV вѣка. Въ этихъ залахъ выставлены наиболѣе типичные памятники бытовой исторіи русскаго народа и древнѣйшихъ его предшественниковъ, на занимаемомъ имъ въ настоящее время пространствѣ,—какъ въ подлинникахъ, такъ частью и въ копіяхъ, при соотвѣтствующихъ пояснительныхъ надписяхъ, картограммахъ, картинахъ, моделяхъ и т. п.

Открытіе послѣдующихъ залъ перваго ряда, а также и залъ второго ряда стоитъ на очереди.

Что же касается остальной массы памятниковъ, не вошедшихъ въ открытыя до настоящаго времени залы, въ томъ числѣ и предназначенныхъ для залъ, имѣющихъ открыться въ будущемъ, то эти памятники хранятся непосредственно въ Отдѣлахъ и Отдѣленіяхъ, гдѣ, соотвѣтственно характеру этихъ памятниковъ, производится научная систематизація ихъ, каталогизація по особо выработанной карточной системѣ, описаніе, изученіе и пр.

Въ виду недостаточности помѣщенія, впредь до весьма желательной передачи музею двухъ сосѣднихъ домовъ бывш. Городской Думы и Губернскаго Правленія, музею не представляется возможности развернуть всѣ эти собранія съ необходимой наглядностью для наиболѣе продуктивнаго обозрѣнія

ихъ публикой. Однако, они вполне доступны и при настоящихъ условіяхъ для изученія всѣмъ спеціально занимающимся тѣмъ или другимъ вопросомъ: научнымъ дѣятелямъ, художникамъ, артистамъ и другимъ работникамъ въ той или иной области. Всѣмъ этимъ лицамъ, желающимъ заниматься въ Отдѣлахъ и Отдѣленіяхъ, предоставляются всякаго рода удобства какъ въ отношеніи полученія ими требуемыхъ коллекцій и литературныхъ пособій, такъ и въ отношеніи необходимаго для работы покоя. Въ указанныхъ отношеніяхъ вполне оборудованы въ настоящее время лишь Отдѣлы Древностей первобытныхъ и курганныхъ, Рукописей и книгъ старой печати, Архива бытовыхъ и историко-литературныхъ матеріаловъ и Читальный залъ бібліотеки.

Въ своей современной структурѣ Историческій Музей включаетъ въ себѣ слѣдующіе Отдѣлы и Отдѣленія:

Отдѣлъ древностей первобытныхъ и курганныхъ, заключающій въ себѣ древности періодовъ каменнаго и металлическаго (бронзовой и желѣзной эпохъ). Богатѣйшія собранія этого Отдѣла широко представлены въ открытыхъ залахъ Музея и, кромѣ того, занимаютъ обширное помѣщеніе самого Отдѣла. Выставленныя въ открытыхъ залахъ коллекціи размѣщены въ порядкѣ преемственности культуръ съ доисторическихъ временъ до эпохи образованія Московскаго государства, остальные же коллекціи—въ помѣщеніи самого Отдѣла—въ порядкѣ алфавитно-географическомъ. Въ общей совокупности эти собранія представляютъ исключительную по богатству и полнотѣ картину древностей тѣхъ народностей, которыя когда-либо обитали на территоріи Россіи, и смѣны культурно-бытовыхъ теченій на ея пространствѣ съ древнѣйшихъ временъ до конца XV вѣка и, такимъ образомъ, составляютъ введеніе въ исторію матеріальнаго и духовнаго быта русскаго народа и ея первыя главы.

Въ тѣснѣйшей связи съ этимъ Отдѣломъ стоитъ Отдѣленіе греко-римскихъ и византійскихъ древностей, заключающее въ себѣ древности колоній по Сѣверному побережью Чернаго моря, съ которыми находились въ постоянномъ и непосредственномъ общеніи жившія въ предѣлахъ Южной Россіи народности.

Отдѣлъ памятниковъ историческаго быта, являющійся однимъ изъ основныхъ Отдѣловъ Музея, по отношенію своему къ общему заданію Музея, и занимающій одно изъ первыхъ мѣстъ среди

другихъ Отдѣловъ и Отдѣленій, какъ по количеству, такъ и по значенію собранныхъ въ немъ памятниковъ. Собранія Отдѣла представляются весьма разнообразными и относятся къ различнымъ сторонамъ русскаго государственнаго и общественнаго быта въ его вещественныхъ памятникахъ. Лишь небольшая сравнительно часть этихъ собраній выставлена въ открытыхъ до сего времени залахъ Музея, посвященныхъ систематическому воспроизведенію древнѣйшихъ эпохъ исторіи русскаго народа, большая же ихъ часть классифицирована и размѣщена въ запасныхъ залахъ Отдѣла, откуда, въ порядкѣ открытія дальнѣйшихъ показательныхъ залъ, должны быть въ эти залы выдѣлены необходимые для нихъ памятники.— Въ силу чрезвычайной сложности и разнохарактерности собраній этого Отдѣла, въ его первоначальномъ видѣ, изъ общаго состава его выдѣленъ цѣлый рядъ особыхъ Отдѣловъ и Отдѣленій, а именно:

а) Отдѣленіе монетъ, медалей и печатей, заключающее обширное собраніе этого рода памятниковъ; въ будущемъ оно должно быть оборудовано по образцу крупнѣйшихъ нумизматическихъ кабинетовъ Западной Европы.

б) Отдѣленіе древностей религіозныхъ, содержащее обширное собраніе иконъ и другихъ предметовъ религіознаго быта; въ этомъ же Отдѣленіи хранятся собранія аллегорическихъ картинъ и временно—масонскихъ предметовъ.

в) Отдѣленіе памятниковъ народнаго творчества, заключающее памятники быта и искусства русскихъ народныхъ массъ (бытъ русскаго крестьянства въ его исторіи, по мѣстнымъ особенностямъ); въ этомъ Отдѣлѣ хранится богатѣйшее собраніе бытового дерева, являющееся однимъ изъ крупнѣйшихъ среди существующихъ въ Россіи собраній этого рода, большое собраніе тканей, вышивокъ и пр.

г) Отдѣленіе исторической географіи и картографіи, содержащее собраніе картъ, плановъ, чертежей и другихъ картографическихъ матеріаловъ, какъ рукописныхъ, такъ и печатныхъ, являющихся существенно-важными источниками и пособіями для изученія и нагляднаго воспроизведенія исторіи Россіи и ея быта.

д) Отдѣлъ памятниковъ прикладнаго искусства (художественнаго быта), ставящій своей задачей изученіе и воспроизведеніе развитія отдѣльныхъ бытовыхъ формъ, отложившихся въ па-

мятниковъ, и художественнаго содержанія, вложеннаго въ нихъ геніемъ русскаго народа. Матеріаль для этого изученія и воспроизведенія черпается изъ общаго состава памятниковъ историческаго быта; это главнымъ образомъ—памятники практическаго назначенія, носящіе въ себѣ художественно-декоративный элементъ.

е) Отдѣлъ памятниковъ иноземныхъ, заключающій не вошедшіе въ другіе Отдѣлы и Отдѣленія иноземные памятники сопредѣльныхъ съ Россіей западныхъ и восточныхъ культуръ, либо бытовавшіе въ Россіи, либо представляющіе собой ближайшіе образцы и непосредственные параллели къ памятникамъ русскаго быта. Эти памятники необходимы для выясненія историческихъ и художественныхъ источниковъ русской культуры, поскольку памятники ея могутъ быть поняты только путемъ сравненія съ памятниками Востока и Запада.

Отдѣлъ памятниковъ иконографіи, содержащій въ себѣ иконографическіе матеріалы, относящіеся къ государственному и общественному быту Россіи, въ видѣ портретовъ историческихъ дѣятелей, изображеній различныхъ историческихъ событій, историческихъ мѣстностей и зданій, бытовыхъ сценъ, типовъ костюмовъ, утвари и проч.: отдѣлъ заключаетъ въ себѣ значительнѣйшее собраніе гравюръ, литографій, рисунковъ, живописи, миниатюръ, лубковъ и фотографій.

Отдѣлъ рукописей и книгъ старой печати, заключающій рукописные и печатные памятники старой духовной культуры допетровскаго времени, тѣснѣйшимъ образомъ связанные съ основными задачами Музея: своимъ литературнымъ содержаніемъ эти собранія ближайшимъ образомъ связаны съ библіотекой Музея, а художественной стороною—съ различными другими Отдѣлами и Отдѣленіями. Дѣятельность старыхъ русскихъ книгописцевъ и иллюстраторовъ, какъ и дѣятельность старыхъ русскихъ типографій, является сама по себѣ весьма обширнымъ и важнымъ отдѣломъ стараго русскаго быта, почему образцы рукописей, старопечатныхъ книгъ и ихъ переплетовъ, украшеній, иллюстрацій, почерковъ, шрифтовъ и проч. существенно необходимы для выставленія въ залахъ Музея и для специально научныхъ цѣлей. Кромѣ того, являясь вмѣстѣ съ библіотекой книгъ новой печати собраніемъ важнѣйшихъ литературныхъ источниковъ для освѣщенія и изслѣ-

дованія русской исторіи и русскаго быта, Отдѣль рукописей и книгъ старой печати содержитъ неисчерпаемый и драгоценный матеріаль для изученія русской культуры, ввидѣ воспроизведеній разнороднѣйшихъ памятниковъ русскаго быта, какъ-то: зданій, одеждъ, утвари, оружія и т. п., обильно изображенныхъ въ миниатюрахъ лицевыхъ рукописей, и представляетъ собой неоцѣнимое пособіе также для освѣщенія, оцѣнки и датировки предметовъ быта, собираемыхъ Музеемъ. Наконецъ, въ силу того, что одной изъ существенныхъ задачъ Отдѣла является изученіе русской палеографіи, онъ является для всѣхъ остальныхъ Отдѣловъ и Отдѣленій научно-справочнымъ учрежденіемъ по вопросамъ датировки всѣхъ памятниковъ, носящихъ надписи. Подробнѣе объ Отдѣлѣ рукописей и старопечатныхъ книгъ Музея см. ниже, стр. 213 и слѣд.

Отдѣль Архива бытовыхъ и историко-литературныхъ матеріаловъ является естественнымъ дополненіемъ, а съ другой стороны— непосредственнымъ продолженіемъ Отдѣла рукописей: Архивъ заключаетъ въ себѣ историческіе и историко-литературные матеріалы, какъ-то: разнаго рода историческіе документы въ собственномъ смыслѣ, фамильные архивы, мемуары, воспоминанія и записки, автографы русскихъ историческихъ дѣятелей, начиная съ половины XVIII вѣка, рукописи ихъ сочиненій, переписки и т. п. Собранный въ Архивѣ богатѣйшій матеріаль, представляющій значительный интересъ для изученія внѣшняго быта и духовной культуры Россіи, въ особенности за XVII—XIX вв., содержитъ, съ одной стороны, памятники, которые имѣютъ быть размѣщены въ соответствующихъ залахъ въ цѣляхъ показательныхъ, а съ другой стороны—также документы, которые являются необходимымъ комментариемъ при изученіи самихъ вещественныхъ памятниковъ русской старины, имѣющихся въ Музеѣ.—Подробнѣе объ Отдѣлѣ Архива Музея см. ниже, стр. 219—220

Библіотека Музея обслуживаетъ всѣ Отдѣлы и Отдѣленія Музея, сообразно ихъ заданіямъ, а также представляетъ собой самодовлѣющую часть Музея. Какъ учрежденіе вспомогательное, библіотека Музея заключаетъ въ себѣ книги по исторіи Россіи въ самомъ широкомъ смыслѣ, при чемъ преимущественное вниманіе обращено на пріобрѣтеніе книгъ сообразно съ заданіями научныхъ Отдѣловъ и Отдѣленій Музея, какъ-то: по

исторіи, по археології, по исторіи быта, искусства и литературы, по прикладному и народному искусству, иконографіи, антропології, географіи, библиографіи и проч.

Въ качествѣ Отдѣла самодовлѣющаго, Библіотека собираетъ и хранитъ книги, какъ памятники исторіи духовной культуры, въ особенности же ставитъ своей задачей представить исторію книги на Руси. Это заданіе, за сравнительно незначительными пробѣлами, къ настоящему времени ею уже выполнено по отношенію къ исторіи книги въ Россіи до 60-хъ годовъ XIX вѣка, т.-е. до момента созданія въ Москвѣ библіотеки Публичнаго и Румянцевскаго Музея, получавшей по закону всѣ вновь выходящія изданія. Въ виду обширности и разнообразія матеріала, въ соотвѣтствіи съ основными заданіями Музея, въ Библіотекѣ образованы Отдѣленія: 1) книгъ по археології, 2) книгъ по русской исторіи, 3) книгъ по искусству, 4) книгъ по исторіи литературы, 5) книгъ по библиографіи, 6) повременной печати и 7) войны и революціи. При библіотекѣ имѣется читальная зала для общаго пользованія. Подробнѣе о библіотекѣ Музея см. ниже, стр. 220—228.

Объединяющимъ дѣятельность перечисленныхъ Отдѣловъ и Отдѣленій является Отдѣлъ ученаго секретаріата, который представляетъ вмѣстѣ съ предсѣдателемъ Ученой Коллегіи научно-административный органъ Ученаго Совѣта.

Въ тѣснѣйшей связи съ Отдѣломъ Ученаго секретаріата находится Отдѣленіе Музеевѣдѣнія и регистраціи историческихъ памятниковъ, являющееся научно-справочнымъ органомъ Музея по части современной музейной дѣйствительности (главнымъ образомъ, русской), топографіи историческихъ памятниковъ и библиографіи музеевѣдѣнія, а также по разработкѣ вопросовъ теоріи и практики музейнаго дѣла. Въ Отдѣленіи производятся работы: а) по составленію карточного указателя русскихъ музеевъ и другихъ хранилищъ, преслѣдующихъ родственныя задачамъ Историческаго Музея цѣли; б) по составленію карточного предметнаго указателя памятниковъ, однородныхъ съ хранящимися въ Историческомъ Музеѣ и находящимся въ различныхъ мѣстахъ на территоріи Россіи; в) по составленію систематическаго указателя библиографіи музеевѣдѣнія; г) по подбору спеціальной библіотеки книгъ по музеевѣдѣнію и д) по изученію и разработкѣ вопросовъ теоріи

и практики музейнаго дѣла, примѣнительно къ запросамъ какъ Музея въ цѣломъ, такъ и cadaго изъ его Отдѣловъ и Отдѣленій.

Ввиду того, что важнѣйшей задачей современнаго музейнаго дѣла является демократизація и популяризація музейскихъ собраній, въ Историческомъ Музеѣ имѣется особое Отдѣленіе научно-техническаго функціонирования показательной части Музея. Отдѣленіе имѣетъ задачей внесеніе наибольшей стройности и организованности въ дѣло популяризаціи музейныхъ сокровищъ, въ смыслѣ улучшенія вспомогательной технической стороны экспозиціи въ открытыхъ залахъ Музея (выставленіе въ нихъ, на-ряду съ памятниками, картъ, діаграммъ, таблицъ и прочихъ пособій, содѣйствующихъ болѣе наглядному и продуктивному воспріятію собраній Музея), удовлетворенія разнообразныхъ запросовъ широкихъ массъ посѣтителей Музея, объясненія коллекцій, руководства экскурсіями и проч. Отдѣленіе, въ лицѣ своихъ сотрудниковъ, даетъ посѣтителямъ Музея, при желаніи ихъ, объясненія его коллекцій, выставленныхъ въ открытыхъ залахъ, особенно же заботится о томъ, чтобы многочисленныя группы учащихся (подростковъ и взрослыхъ), какъ изъ самой Москвы, такъ и иногороднія, обозрѣвали его собранія подъ руководствомъ специально подготовленныхъ лицъ, основательно знакомыхъ съ коллекціями Музея и обладающихъ серьезнымъ педагогическимъ опытомъ, а потому всегда могущихъ прійти на помощь посѣтителямъ при разрѣшеніи возникающихъ у тѣхъ при осмотрѣ Музея разнообразныхъ запросовъ.

Въ ближайшемъ будущемъ Отдѣленіе намѣрено организовать при открытыхъ залахъ Музея научно-популярную бібліотеку, гдѣ даже мало подготовленный посѣтитель Музея могъ бы найти отвѣтъ на любой заинтересовавшей его при осмотрѣ Музея вопросъ.

Всѣ названныя Отдѣлы и Отдѣленія, въ томъ числѣ и наиболѣе устроенныя и оборудованныя, страдаютъ крайнимъ недостаткомъ мѣста, не говоря уже о томъ, что большая ихъ часть и вовсе не имѣетъ собственнаго помѣщенія, будучи размѣщена въ залахъ, которые предназначены для выставленія наглядно-показательныхъ коллекцій, представляющихъ тѣ или другія историческія эпохи. Это же обстоятельство лишаетъ воз-

возможности приступить къ соотвѣтствующей отдѣлкѣ этихъ залъ и къ подготовкѣ ихъ къ открытію для обозрѣнія публики. Ввиду всего этого, настоятельно необходимо теперь же предоставить Историческому Музею возможность значительнаго расширенія его усадьбы. Цѣлесообразное размѣщеніе Библіотеки Музея, его читальнаго зала, Отдѣла Архива и Отдѣла Иконографіи можетъ быть достигнуто лишь путемъ присоединенія къ существующему музейному зданію расположеннаго напротивъ его зданія бывшаго Московскаго Губернскаго Правленія (заклучавшаго въ себѣ старый московскій монетный дворъ). Для столь же цѣлесообразнаго размѣщенія прочихъ Отдѣловъ и Отдѣленій, при которомъ цѣннѣйшія собранія памятниковъ старины стали бы доступными для обозрѣнія широкимъ массамъ населенія, а также для ученыхъ занятій специалистовъ, необходимо передать Музею зданіе бывшей Московской Городской Думы. Въ этомъ зданіи, по предположенію Ученой Коллегіи Музея, и должны быть размѣщены Отдѣлы и Отдѣленія Музея, въ которыхъ будетъ сосредоточена научная работа по всѣмъ спеціальностямъ изученія и разработки русской старины какъ людьми науки, такъ и профессиональными работниками, въ надлежащихъ условіяхъ и въ надлежащей обстановкѣ. Тамъ же можно будетъ размѣстить и настоятельно необходимыя для Музея лабораторіи и мастерскія, безъ которыхъ не можетъ быть надлежащимъ образомъ поставлена ни научная дѣятельность Музея, ни дѣло правильнаго храненія находящихся въ немъ памятниковъ. Зданіе же самаго Музея, въ такомъ случаѣ, отойдетъ почти исключительно подъ устройство показательныхъ залъ.

Говоря о желательности и необходимости расширенія усадьбы Музея въ вышеозначенныхъ размѣрахъ, должно обратить вниманіе также на возможность, безъ особыхъ затрудненій и работъ, приспособить указанная владѣнія для нуждъ Музея: зданіе «Воскресенскія ворота» соединяетъ зданіе Музея, домъ б. Губернскаго Правленія и домъ б. Городской Думы въ одно цѣлое, при чемъ къ тому же въ Воскресенскихъ воротахъ существуетъ корридоръ, доходящій до стѣнъ Музея, такъ что стоитъ только пробить двѣ двери: одну изъ дома Думы въ Губернское правленіе и другую изъ корридора надъ Воскресенскими воротами въ Музей,—и всѣ три зданія составятъ *«единое обще—одно цѣлое»*.

Вопросъ о необходимости вышеуказаннаго расширения владѣнія Музея былъ предрѣшенъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и Коллегія Наркомпроса вынесла уже опредѣленное постановленіе о передачѣ Музею, по крайней мѣрѣ, зданія б. Губернскаго Правленія. Такимъ образомъ, теперь, казалось бы, настало время окончательно разрѣшить этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ.

Россійскій Историческій Музей.

Зданіе Музея и его фасадъ.

Зданіе Россійскаго Историческаго Музея выстроено на землѣ, пожертвованной для него Московской Городской Думой, по единогласному ея приговору 16-го апрѣля 1874 г. Ранѣе на этомъ мѣстѣ находилось древнее зданіе Земскаго Приказа, въ которомъ впослѣдствіи временно по своему основаніи помѣщался Московскій Университетъ съ двумя гимназіями при немъ. Зданіе Земскаго Приказа было разобрано въ 1873 году, а 20 августа 1875 года послѣдовала закладка зданія Музея. Проектъ зданія для Музея составленъ художникомъ академикомъ В. О. Шервудомъ и инженеромъ А. А. Семеновымъ, внутренняя отдѣлка первыхъ залъ производилась по рисункамъ архитектора А. П. Попова.

Фасадъ Музея разработанъ въ условномъ русскомъ стилѣ т.-е. использованы древне-русскія декоративныя формы (XVI—XVII в.в.).

Наружная отдѣлка зданія до сихъ поръ еще не произведена.

Башни Музея украшены по рисункамъ А. П. Попова: а) орлами, по образцамъ—въ книгѣ объ избраніи и вѣнчаніи на царство Михаила Ѳеодоровича, б) изображеніями льва и единорога, взятыми съ книжныхъ переплетовъ XVI—XVII вѣковъ Московскаго Печатнаго Двора и в) прапорами, наподобіе прапоровъ на Кремлевскихъ башняхъ и крыльцахъ храма Василія Блаженнаго. Образцами для висячихъ гирекъ подъ перемычками оконъ и дверей служили гирьки храмовъ Василія Блаженнаго и села Останкина. Разнообразные рисунки оконныхъ переплетовъ составлены примѣнительно къ рисункамъ и описаніямъ окончинъ XVI и XVII вѣковъ.

Главный входъ въ Музей устроенъ съ Красной площади и ведетъ въ главные сѣны; какъ входная дверь, такъ и при-мыкающій къ ней входный деревянный шатеръ-тамбуръ отдѣланы рѣзбой, заимствованной съ царскаго мѣста Грознаго въ Успенскомъ Соборѣ, сооруженномъ въ XVI вѣкѣ (1552 г.).

На главномъ сводѣ сѣней изображено «Родословное древо государей Россійскихъ», работы академика Ѳ. Г. Торопова; образцомъ служили подобныя «Родословныя древа», изображенныя на паперти Преображенскаго собора Московскаго Новоспасскаго монастыря (работы царскихъ мастеровъ времени Бориса Годунова) и др. древнихъ храмовъ.

Въ боковыхъ сводахъ изображены гербы всѣхъ странъ и областей, которые вошли въ составъ Россійскаго государства, начиная съ Московскаго герба и кончая гербомъ Туркестана; кромѣ сего, изображены левъ и единорогъ, появившіеся въ царскомъ гербѣ въ Россіи съ XVI вѣка.

Стѣны и столпы сѣней расписаны травнымъ орнаментомъ, который заимствованъ, главнымъ образомъ, съ росписи на царскомъ мѣстѣ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ (памятникъ русскаго рѣзного искусства XVI вѣка; подробнѣе о немъ см. 180—181 стр. Путеводителя).

Полъ сѣней высланъ плитами изъ краснаго и бѣлаго мрамора, по образцу набора, находящагося снаружи храма Василия Блаженнаго. Нижнія стѣнки подъ столбами украшены впадинами и врѣзанными полукруглыми столбиками, подъ желтый мраморъ, сдѣланными по образцу таковыхъ же на паперти того же храма Василия Блаженнаго.

Противъ главнаго входа—лѣстница, по обѣимъ сторонамъ которой на подставкахъ изъ краснаго мрамора помѣщены бронзовые львы, модели которыхъ исполнены академикомъ С. И. Ивановымъ, а отлиты А. М. Постниковымъ, по образцу львовъ на Красномъ крыльцѣ у Грановитой Палаты (конца XVI вѣка), видимыхъ и на рисункахъ въ книгѣ «о бракосочетаніи царя Михаила Ѳеодоровича» (рукописномъ памятникѣ XVII вѣка).

На нижней площадкѣ лѣстницы, на среднемъ выступѣ стѣны, вдѣлана плита (доска) съ лѣтописью Музея, изображенная письменами XVI столѣтія, а находящіяся надъ нею перила, противъ главнаго входа въ залы Музея исполнены изъ бронзы А. М. Постниковымъ по образцу рѣшетки шатра,

бывшаго надъ ризою Господнею, принесенною въ Москву въ 1625 году, и сооруженнаго при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ (въ срединѣ XVII вѣка).

Съ первой площадки, направо и налево, поднимаются лѣстницы, ведущія на верхніе ходы, окружающіе сѣни съ трехъ сторонъ. Перила боковыхъ ходовъ глухія, сдѣланы подъ желтый мраморъ и украшены углубленными квадратами съ розетками по образцу таковыхъ съ царскаго мѣста Грознаго въ Успенскомъ соборѣ (см. выше).

На верхнихъ ходахъ *семь дверей*, изъ которыхъ на боковыхъ сторонахъ по три, въ срединѣ—одна. Средняя изъ трехъ дверей на правой сторонѣ ведетъ въ первую залу Музея—залу памятниковъ каменнаго періода, правая—на наружный боковой входъ, а лѣвая—въ верхній этажъ Музея и библіотеку. На лѣвой сторонѣ—лѣвая изъ трехъ дверей ведетъ на наружный боковой входъ, правая—въ залы Музея и во второй этажъ Музея, а средняя—въ особый выставочный залъ. Всѣ эти шесть дверей отдѣланы въ стилѣ XVI вѣка бѣлымъ камнемъ, съ дубовыми створами и желѣзными жуковинами и замками того же времени.

Средняя большая дверь въ поперечной стѣнѣ сѣней украшена наличникомъ изъ рѣзного камня по образцу наличника дверей церкви св. Никиты Мученика за Яузой, сохранившаго части архитектуры и убранства XVII и XVI вв. и сельской церкви близъ села Кидекши, въ Суздальскомъ уѣздѣ Владимірской губ. Подъ заостреніемъ верхняго зала перемычки изсѣченъ годъ окончанія постройки музея «7391» отъ сотворенія міра (т. е. 1883 по Р. Х.). Дубовые створы дверей украшены желѣзною прорѣзкою съ обивкой на фольгѣ, въ подражаніе дверямъ Благовѣщенскаго собора 1701 г. въ г. Гороховцѣ Владимірской губ. Дверной замокъ сдѣланъ по образцу древняго замка изъ собранія А. С. Уварова.

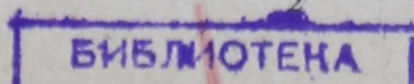
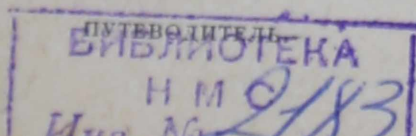
Надъ дверью устроено тройное окно, обдѣланное въ стилѣ XVI в. Дверь эта ведетъ въ залу христіанскихъ памятниковъ до X вѣка и является какъ бы вторымъ главнымъ входомъ въ залы Музея.

ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ПЕРИОДА.

Многочисленные находки, сделанные на территории России, представили положительные доказательства, что было время, когда жили племена первобытных обществ, не знавшие никакого материала для своих орудий и оружия, кроме камня, кости и дерева. Этот период, весьма далеко уходящий в глубь веков за пределы исторического времени, принято называть каменным периодом.

Каменный период подразделяют на несколько эпох. В пределах России и Сибири найдены памятники двух более поздних эпох: палеолитической и неолитической. Памятники первой из них — рѣдки, памятники второй — многочисленны.

Палеолитическая эпоха соответствует концу древней четвертичной, или дилювиальной, эпохи развития земной коры. Это время характеризуется весьма крупными физико-геологическими переѣнами на всей земной поверхности и появлением существующего вида человека (*Homo sapiens*). Довольно теплый климат начала эпохи скоро посурѣлъ и охладился. В горах и полярных странах образовались мощные ледники (глетчеры), двинувшиеся далеко къ югу и покрывшие собой обширные площади страны, произведя явление, называемое в геологии четвертым (вюрмским) оледенением. Растения и животные, находившиеся на этой площади, или отступали въ болѣе теплыя страны, или примѣнялись къ новым болѣе суровым условиямъ жизни; часть же ихъ погибла, не оставивъ по себѣ никакого потомства. Затѣмъ, подъ влияниемъ вновь переѣнившихся климатическихъ условий, громадные ледники въ свою очередь послѣдовательно отступили къ сѣверу, и въ природѣ установились условия, близкія къ современнымъ.



Палеолитическій человѣкъ, переживъ эти событія, вышелъ изъ борьбы съ ними не только не ослабленнымъ, а еще болѣе развитымъ и сильнымъ, еще болѣе приспособленнымъ къ борьбѣ за свое существованіе, умѣющимъ добывать огонь, обрабатывать изъ камня и кости оружіе и орудія труда болѣе совершенныхъ формъ и воспроизводить предметы изящныхъ искусствъ. При помощи огня человѣкъ согрѣвалъ себя во время стужи и защищалъ свои жилища отъ дикихъ звѣрей, отличавшихся въ то время особенной силой и свирѣпостью; при помощи каменныхъ орудій онъ строилъ свои жилища, а при помощи оружія добывалъ пищу, охотясь не только за мелкими животными, но и за такими гигантами, какъ мамонты, носороги, львы, медвѣди и др. Борясь за свое существованіе, палеолитическій человѣкъ находилъ время украшать окружающіе его предметы рисунками и создавать первообразы чистаго искусства, хотя, какъ сказано, располагалъ для этого исключительно каменными инструментами.

Въ Историческомъ Музеѣ имѣются коллекціи памятниковъ, принадлежащихъ къ разнымъ временамъ палеолитической эпохи.

Памятники палеолитической эпохи.

Зала 1.

Европейская Россія.

Витрины 1 и 2.

Въ витринахъ помѣщены двѣ коллекціи памятниковъ наиболѣе древняго времени: 1) небольшая коллекція предметовъ изъ Мелтиновской стоянки, Бѣлевскаго у., Тульской губ., и 2) обширная коллекція изъ Костенковской стоянки, Воронежской губ.

Мелтиновская стоянка остается до сихъ поръ неизслѣдованною. Нѣсколько предметовъ, нашитыхъ на планшетѣ, были найдены В. А. Городцовымъ при осмотрѣ и малой рекогносцировочной раскопкѣ. Въ составъ предметовъ входятъ кремневые орудія весьма

примитивной формы и обломки совершенно окаменѣвшихъ костей животныхъ. Въ почвѣ, содержащей эти предметы, были найдены кости мамонта и до сотни кремневыхъ орудій, вымытыхъ ручьемъ, поступившихъ въ собраніе священника села Долецъ, Бѣлевскаго у., о. Н. А. Передольскаго. Эти находки и послужили поводомъ къ рекогносцировочной раскопкѣ, выяснившей присутствіе стоянки¹⁾.

Костенковская стоянка находится на правомъ берегу р. Дона, въ 30 верстахъ къ югу отъ г. Воронежа, въ селѣ Костенкахъ. Мѣстонахожденіе этой стоянки было извѣстно давно: Петръ Великій указалъ эту мѣстность, какъ заслуживающую особеннаго вниманія, французскому путешественнику де-Бруину, посѣтившему Костенки въ 1701 г. „Въ мѣстности, въ которой мы были, пишетъ въ своихъ запискахъ де-Бруинъ, — къ великому удивленію нашему, нашли мы много слоновыхъ (мамонтовыхъ) зубовъ, изъ которыхъ я сохранилъ одинъ у себя, ради любопытства, но не могу понять, какимъ образомъ зубы эти могли попасть сюда“.

Въ 1768 и 1769 годахъ Костенки посѣтилъ академикъ Гмелинъ, съ цѣлью научнаго изслѣдованія причины явленія мамонтовыхъ костей. Въ 1879 году Костенки посѣтилъ второй академикъ И. С. Поляковъ, выяснившій, что причиною необыкновеннаго скопленія мамонтовыхъ костей въ селѣ Костенкахъ и его окрестностяхъ служили обширныя стоянки весьма древняго палеолитическаго человѣка²⁾. Въ 1881 году, изслѣдованія Полякова продолжилъ, по порученію Россійскаго Историческаго Музея, проф. А. И. Кельсievъ. Трудями этихъ обоихъ ученыхъ выяснено, что остатки стоянокъ залегаютъ въ слояхъ глины древней террасы Дона. Мѣста стоянокъ обозначались кострами, отъ которыхъ сохранились угли, зола, пе-

1) В. А. Городцовъ. «Матеріалы для археологической карты долины и береговъ р. Оки». Труды XII Археологическаго Съѣзда, т. I.

2) И. С. Поляковъ. «Антропологическая поѣздка въ Центральную и Восточную Россію». Приложеніе къ XXXVII тому Записокъ Академіи Наукъ, Спб., 1880 г., стр. 9—43. Коллекція И. С. Полякова хранится въ Академіи Наукъ.

режженные кости животных и прокаленные на огнь камни. Вокруг костровъ лежали кости мамонтовъ и другихъ животныхъ, мясомъ которыхъ питался обитавшій здѣсь человѣкъ. На ряду и среди костей лежали разбросанно осколки кремня и кремневая орудія.

Въ витринахъ хранятся орудія и часть взятыхъ на стоянкѣ костей, добытыя раскопками проф. Кельсиева. Всѣ кости принадлежатъ мамонту. Кремневая орудія выполнены сколотой и отжимной техникой и имѣютъ видъ длинныхъ тонкихъ пластинокъ; большинство изъ нихъ служило ножами, которыми палеолитическій человѣкъ пользовался, какъ мы пользуемся своими желѣзными ножами, т.-е. рѣзалъ, стругалъ, скоблилъ и т. п. Рѣже встрѣчаются формы скребковъ, служившихъ, какъ полагаютъ, для обработки мѣховыхъ шкуръ; рѣдки также рѣзцы, служившіе для рѣзбы узоровъ на кости (рис. 1—4), и остроконечники, покрытые тонкою, несомнѣнно, отжимною ретушью съ гладкой стороны орудія.

Время Костенковской стоянки относятъ къ ранней порѣ палеолитической эпохи и сопоставляютъ со временемъ французской ориньякской культуры, древность которой достигаетъ очень многихъ тысячелѣтій.

Витрина 3.

Въ витринѣ помѣщена коллекція предметовъ изъ Карачаровской стоянки, открытой гр. А. С. Уваровымъ въ селѣ Карачаровѣ, Муромскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Поводомъ къ открытію стоянки послужили кости мамонта, вымытыя весенними ручьями въ 1877 году. Съ цѣлью выяснитъ причину явленія костей гр. А. С. Уваровъ произвелъ научныя археологическія раскопки¹⁾, пригласивъ къ участию въ работѣ академика И. С. Полякова, геолога профессора В. В. Докучаева и археолога профессора В. Б. Антоновича, при чемъ было выяснено, что ископаемая кости мамонтовъ лежали въ желтоватой лессовидной глинѣ выше ледниковой ва-

1) Гр. А. С. Уваровъ. «Каменный періодъ», т. I и II.

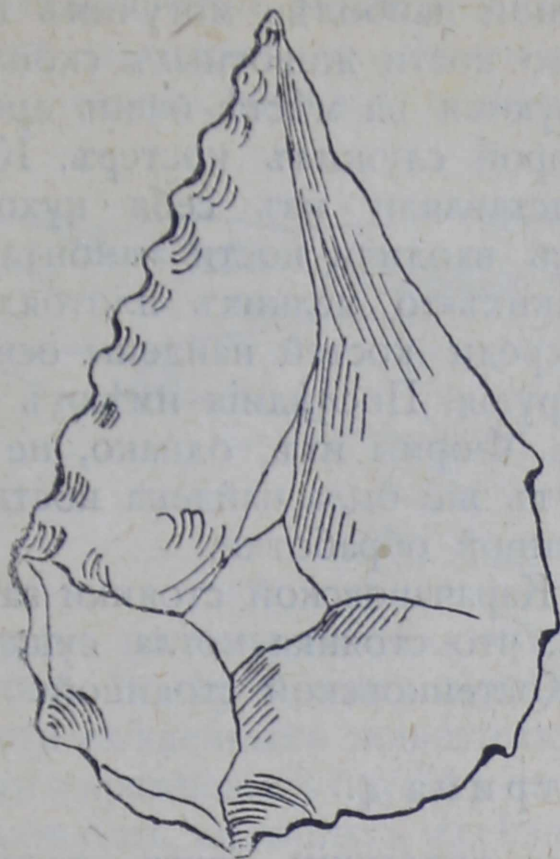


Рис. 1.



Рис. 2.



Рис. 3.

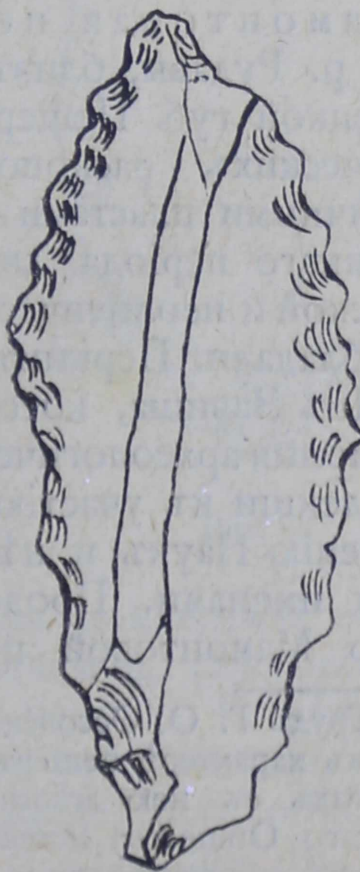


Рис. 4.

лунной глины, оставленной наиболѣе могучимъ третьимъ оледенѣніемъ, и что кости животныхъ скопились не случайно, а группируются на мѣстѣ очень древней стоянки, центромъ которой служилъ костеръ. Кости, окружая костеръ, представляли изъ себя кухонные отбросы. Въ составъ ихъ входили кости мамонта, носороговъ, зубровъ и какихъ-то мелкихъ плотоядныхъ животныхъ. Рядомъ и среди костей найдены осколки кремня и кремневая орудія. Послѣднія имѣютъ видъ пластинокъ и скребковъ. Формы ихъ, однако, не особенно выразительны. Тутъ же была найдена кость, носившая слѣды искусственной обработки.

Опредѣленіе времени Карачаровской стоянки затруднительно, но полагаютъ, что стоянка могла существовать одновременно съ Костенковской стоянкой.

Витрина 4.

Въ витринѣ находятся коллекціи двухъ стоянокъ: 1) Мамонтовой пещеры и 2) Мезинской (копіи съ костяныхъ предметовъ).

Мамонтовая пещера находится на лѣвомъ берегу р. Рудава, близъ с. Ойцова, Олькушскаго уѣзда, Кѣлецкой губ. Пещера довольно обширна. До археологическихъ раскопокъ дно ея покрывалось двумя различными пластами почвы, содержащими памятники каменнаго періода двухъ различныхъ эпохъ: палеолитической и неолитической, при чемъ первые рѣшительно преобладали. Первымъ изслѣдователемъ пещеры былъ гр. Янъ Завиша, который въ 1872—1876 г. произвелъ обширныя археологическія изысканія въ Южной Польшѣ, привлекая къ участию въ своихъ работахъ Краковскую Академію Наукъ и нѣсколько лицъ съ крупными научными именами. Продолжателемъ работъ по изслѣдованію Мамонтовой пещеры былъ Г. О. Оссовскій¹⁾.

¹⁾ Трудъ Г. О. Оссовскаго «О геологическомъ и палеонтологическомъ характерѣ пещеръ юго-западной окраины Европ. Россіи и смежныхъ съ нею мѣстностей Галиціи», изданный въ Трудахъ Томскаго Общества Естествоиспытателей и Врачей (годъ 5), представляетъ общую сводку и выводы изъ всего сдѣланнаго по изученію польско-галицкихъ пещеръ за періодъ съ 1872 по 1901 годъ.

Исслѣдованіями выяснено, что центромъ палеолитическихъ находокъ въ нижнемъ наносѣ, покрывавшемъ дно пещеры, являлся обширный очагъ, сооруженный

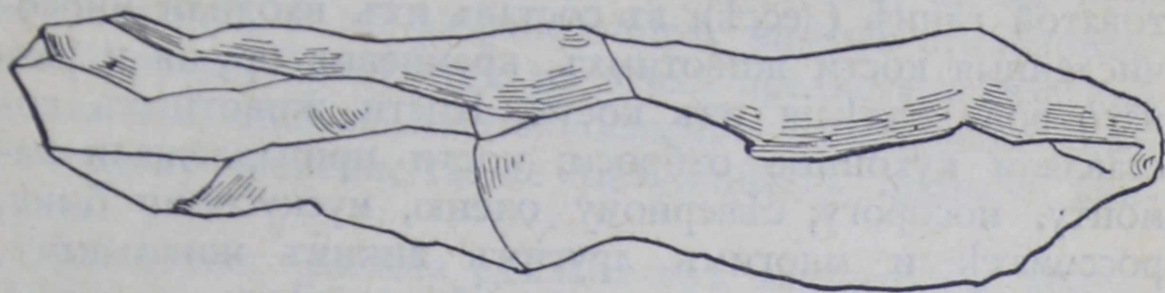


Рис. 5.

внутри пещеры изъ камней и глины. Вокругъ очага лежали кости съѣденныхъ животныхъ, много кремневыхъ орудій и ихъ обломковъ, костяныхъ издѣлій. Кости принадлежали мамонту, носорогу, дикой лошади, зубру, дикой коровѣ, лосю, оленю, пещерному медвѣдю, пещерной гѣнѣ и др. Кремневыхъ орудій было собрано очень много, но еще болѣе разныхъ осколковъ, указывавшихъ на то, что тутъ же въ пещерѣ производилась выработка кремневыхъ орудій, среди которыхъ имѣлись пластинчатые ножи (рис. 5), скребки (рис. 6), пилки и рѣзцы. Не менѣе обильными оказались и орудія, изготовленные изъ костей животныхъ, служившія для домашняго обихода; таковы: шила, иглы, остроконечники, сдѣланные изъ костей лисицъ, оленей и бивней мамонта. Встрѣчались и обработанные кости со слѣдами орнаментаціи.

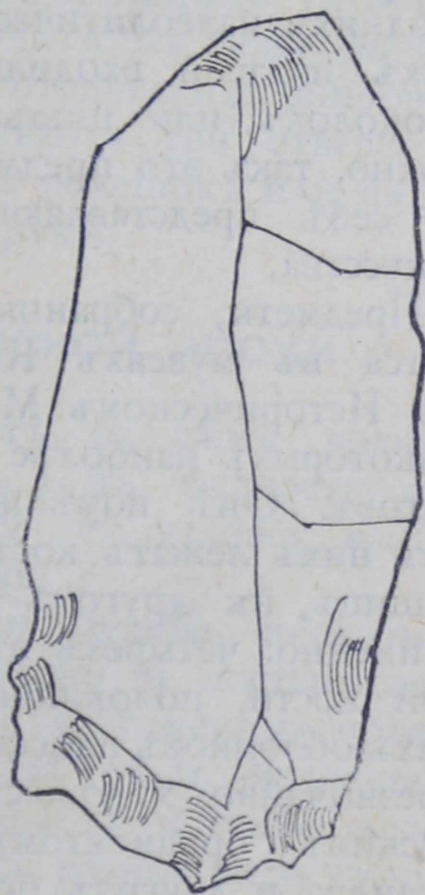


Рис. 6.

Въ витринѣ хранится лишь малая часть описанныхъ находокъ, подаренныхъ Музеемъ гр. Завишей. Въ составъ этой части собранія входятъ кости мамонтовъ, кремне-

вые орудія и обломки костяныхъ орудій и другихъ издѣлій.

Мезинская стоянка открыта въ 1908 году О. К. Волковымъ въ селѣ Мезинѣ, Кролевецкаго уѣзда, Черниговской губ. Остатки стоянки залежали въ желтоватой глинѣ (лессѣ); въ составъ ихъ входили многочисленныя кости животныхъ, кремневые орудія и разнаго рода издѣлія изъ кости. Кости животныхъ составляли кухонные отбросы; кости принадлежали мамонту, носорогу, сѣверному оленю, мускусному быку, росомахѣ и многимъ другимъ дикимъ животнымъ, мясомъ которыхъ питался древній человѣкъ.

Среди кремневыхъ орудій преобладали мелкія формы позднихъ палеолитическихъ типовъ. Въ составъ костяныхъ издѣлій входили мелкіе инструменты, въ видѣ проколокъ, или шиль, иглъ и др. Но что особенно важно, такъ это предметы, покрытые узорами или сами по себѣ представляющіе скульптурныя произведенія искусства.

Предметы, собранные въ Мезинской стоянкѣ, хранятся въ музеяхъ Кіева, Чернигова и Петрограда. Въ Историческомъ Музеѣ имѣются только копіи съ нѣкоторыхъ наиболѣе любопытныхъ костяныхъ предметовъ. Онѣ помѣщены въ лоточкахъ: въ одномъ изъ нихъ лежатъ костяныя шила и обломки другихъ вещицъ, въ другомъ—копіи съ предметовъ искусства, а именно: четырехъ птицъ, вырѣзанныхъ изъ мамонтовой кости, половинки широкаго браслета и нѣсколькихъ обломковъ плоскихъ предметовъ; всѣ онѣ покрыты чрезвычайно художественно выполненнымъ геометрическимъ орнаментомъ, имѣющимъ видъ сложнаго меандра и другихъ болѣе простыхъ фигуръ.

Изъ этихъ птицъ двѣ совершенно цѣлы, а двѣ—съ отбитыми и утерянными хвостами. Всѣ птицы вырѣзаны по одному шаблону, но разрисованы узорами различно: на спинкахъ ихъ помѣщено по одному треугольнику; на груди птицъ нанесены зигзаговые, меандровый и простой линейный узоры; на брюшкахъ птицъ наблюдаются меандровый, угловой и свастиковидный узоры: хвосты сверху украшены угловыми, а снизу линей-

ными и меандровыми узорами. Эти птицы считаются предметами религіознаго культа, что сообщает имъ особенный научный интересъ, такъ какъ указываетъ на глубочайшую древность существованія религіозныхъ символовъ и, что особенно замѣчательно, не въ первоначальной, а въ разработанной, вполне стилизованной формѣ. Присутствіе на этихъ предметахъ свастики и меандра, еще недавно относимыхъ къ позднему историческому времени, также заслуживаетъ полнаго вниманія.

Половинка браслета сдѣлана изъ мамонтовой кости. Наружная поверхность его сплошь покрыта эффектнымъ узоромъ, который, начинаясь весьма сложнымъ, глубоко продуманнымъ меандромъ, переходитъ въ зону зигзаговъ и заканчивается зоной концентрическихъ ромбовъ.

На цѣломъ концѣ браслета имѣются три отверстія, въ которыя, очевидно, проводился ремешокъ или шнурокъ для стягиванія браслета на рукѣ.

Памятники неолитической эпохи.

Неолитическая эпоха совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда въ природѣ Европы, а въ частности въ Россіи, мало-по-малу установились тѣ условія, какія существуютъ и въ настоящее время.

Смѣна палеолитической эпохи новою неолитической эпохою совершалась медленно и постепенно. Медленно получили свои очертанія современные моря, медленно вырабатывали свои русла рѣки, медленно устанавливались климатъ, флора и фауна, и также медленно и постепенно вырабатывались разные виды культуръ неолитическаго человѣка.

Къ наиболѣе характернымъ признакамъ русскихъ неолитическихъ культуръ относятся полированіе, а въ концѣ эпохи — сверленіе и пиленіе каменныхъ орудій, появленіе и широкое распространеніе гончарныхъ издѣлій, возникновеніе судоходства и прирученіе домашнихъ животныхъ.

Возникновеніе искусства полированія каменныхъ орудій относится къ самому началу неолитической эпохи.

Полирование производилось посредством трения полируемых орудій на специально для этой цѣли приспособленныхъ песчаниковыхъ плитахъ, представлявшихъ, судя по рѣдкости ихъ находокъ, большую цѣнность. Размѣры точильныхъ плитъ довольно разнообразны:

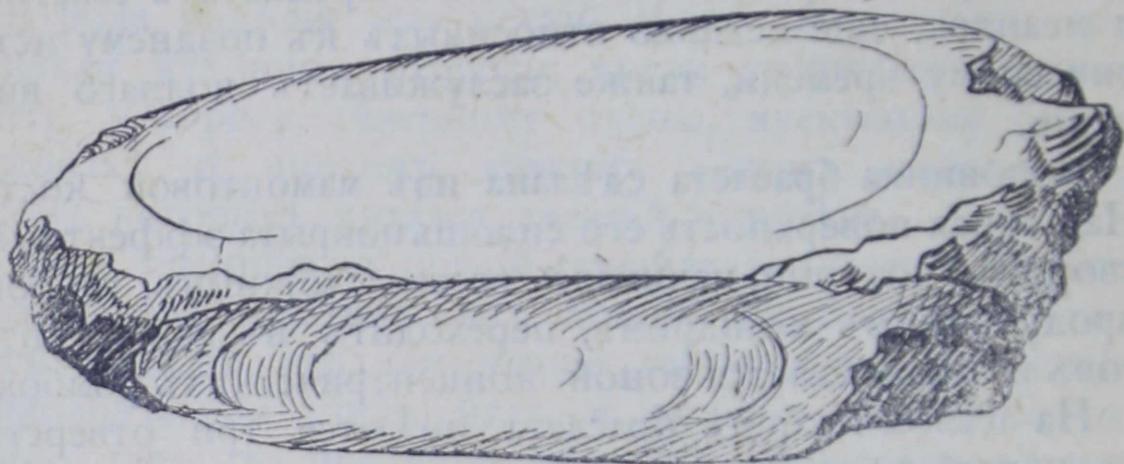


Рис. 7.

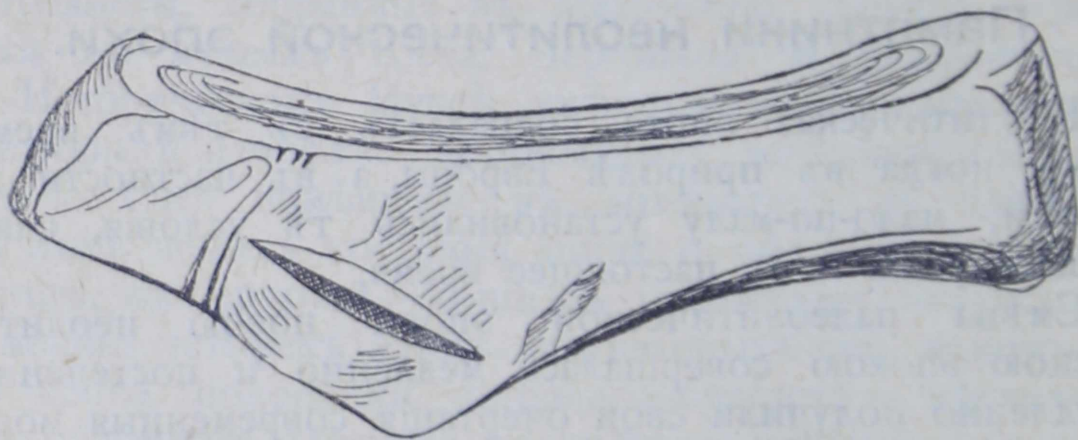


Рис. 8.

встрѣчаются большія плиты, но обычно онѣ невелики. На поверхностяхъ точильныхъ камней, обыкновенно, получались углубленія, то въ формѣ широкихъ ложчатыхъ вогнутостей, то въ формѣ полукруглыхъ или трехгранныхъ желобковъ (рис. 7 и 8).

Искусство сверленія каменныхъ орудій возникло въ концѣ неолитической эпохи. Произведенными научными опытами доказано¹⁾, что сверленіе каменныхъ

1) Первые научные опыты сверленія каменныхъ орудій были произведены въ Швейцаріи д-ромъ Келлеромъ; послѣ они были

орудій въ неолитическую эпоху могло производиться костью, деревянными и даже тростниковыми сверлами, приводимыми въ быстрое вращеніе тетивой лука (рис. 9), при подсыпаніи подъ ихъ рабочіе концы кварцеваго песка, смоченнаго водою.

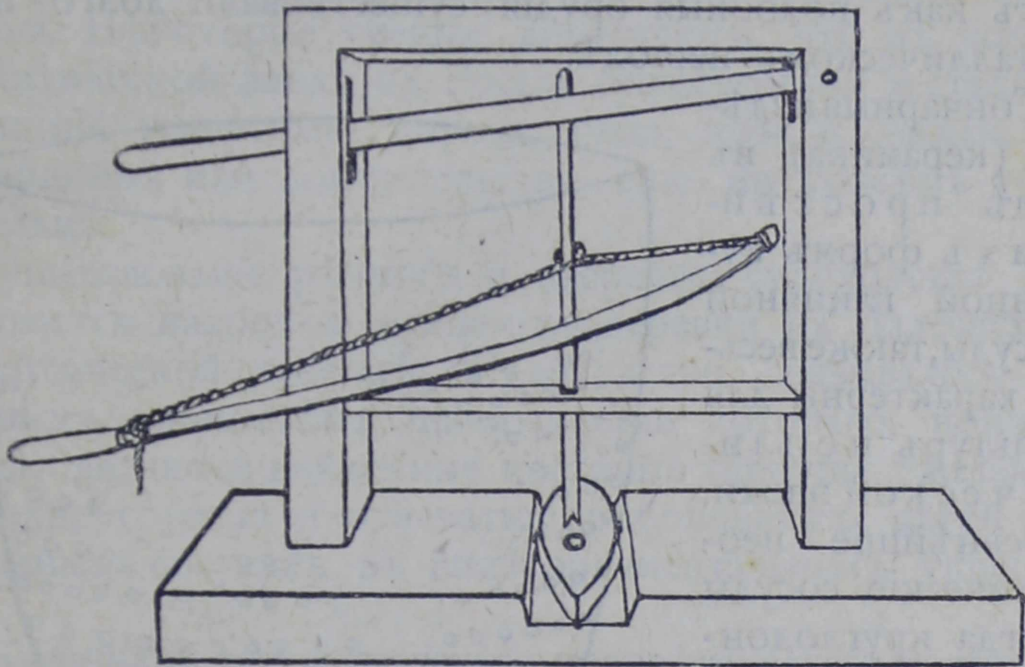


Рис. 9. Станокъ В. А. Городцова и его ученика М. А. Леца.

Одновременно съ искусствомъ сверленія каменныхъ орудій существовало искусство пиленія камня. Къ началу поздней поры неолитической эпохи ясно выразилось стремленіе придавать каменнымъ орудіямъ наиболѣе совершенныя формы, что достигалось путемъ чрезвычайно тяжелой и медленной обработки ихъ посредствомъ полированія на точильныхъ камняхъ. Въ цѣляхъ ускоренія работы и было примѣнено пиленіе камня, которое производилось, повидимому, разными способами, а именно: 1) кремневыми пилами, 2) твердыми деревянными и костью пластинками (линейками) и 3) шнурами. При работѣ шнуромъ, деревянными и костью пластинками требуются вода и квар-

повторены разными учеными Западной Европы. Въ Россіи опыты выполнены В. А. Городцовымъ и его учениками, внесшими существенное исправленіе въ западно-европейскомъ сверлильномъ станкѣ д-ра Келлера.

цевый песокъ; при работѣ же кремневыми пилами песокъ не требуется, такъ какъ при употребленіи песка скоро стираются зубцы пилы.

Искусство пиленія камня, значительно ускоряя выработку каменныхъ орудій, обуславливало правильность, симметричность и красоту ихъ формъ, свойственныхъ топорамъ и долотамъ неолитической и бронзовой эпохъ, такъ какъ подобныя орудія существовали долго и въ металлическомъ періодѣ.

Гончарныя издѣлія (керамика), въ видѣ простѣйшихъ формъ кухонной глиняной посуды, также весьма характерны для культуръ неолитической эпохи. Древнѣйшіе неолитическіе сосуды всегда круглодонны (рис. 10), толстостѣнны, слѣплены отъ руки, безъ помощи гончарнаго круга, слабо обожжены, безъ шеекъ, ручекъ и ушковъ. Поверхность сосудовъ очень рано начинаетъ покрываться

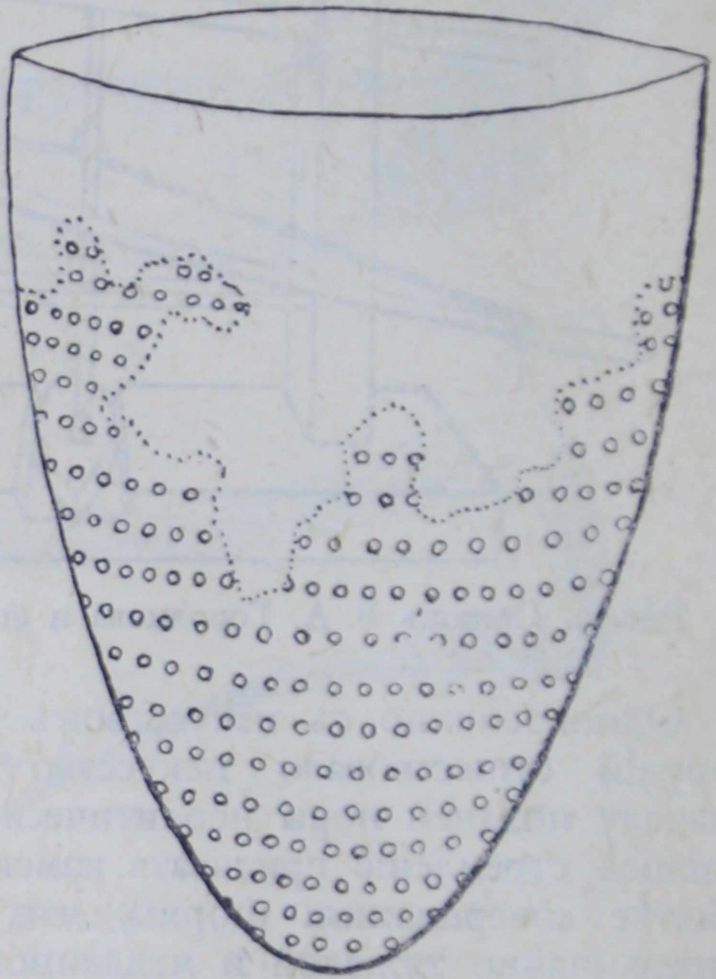


Рис. 10.

разнаго рода узорами, которые наносились на сырыхъ стѣнкахъ сосудовъ шнурами и особыми инструментами, сдѣланными изъ кости и дерева. Концы этихъ инструментовъ нарѣзались зубчиками, крестиками или дѣлались въ видѣ квадратовъ, ромбовъ, треугольниковъ, оставлявшихъ соотвѣтствующіе оттиски и на стѣнкахъ украшаемыхъ сосудовъ. Узоры обыкновенно покрываютъ всю поверхность сосудовъ, иногда же покрываются даже внутри.

Благодаря слабому обжиганію сосудовъ, лишь очень небольшое количество ихъ сохранилось въ цѣломъ видѣ, большинство же дошло до насъ въ видѣ черепковъ, которые, однако, имѣютъ большой научный интересъ, какъ памятники искусства.

Изъ прирученныхъ, т.-е. домашнихъ, животныхъ, какъ установлено археологическими раскопками, въ распоряженіи неолитическаго человѣка въ Россіи была собака. Нѣкоторые ученые допускаютъ, что въ концѣ неолитической эпохи въ Россіи существовали и стадныя домашнія животныя: корова, овца, коза и свинья, но приводимыя ими доказательства еще не совсѣмъ убѣдительны.

Существованіе рѣчного и озернаго судоходства доказывается находкою челна-однодеревки въ Ладожской неолитической стоянкѣ. Судоходство связывалось съ рыбнымъ промысломъ, памятниками котораго, помимо челна, являются найденныя костяные гарпуны, удильные крючки, грузила и отпечатки рыболовныхъ сѣтей на глиняныхъ сосудахъ въ видѣ орнаментальныхъ украшеній.

Жилищами неолитическаго человѣка служили искусственныя пещеры и землянки, вырытыя въ глинахъ и другихъ устойчивыхъ почвахъ, а также круглыя шалаши, остатки которыхъ открыты въ разныхъ областяхъ Россіи. Жилища располагались по берегамъ рѣкъ, озеръ, въ особенности на прибрежныхъ дюнахъ (песчаныхъ буграхъ), гдѣ часто открываются обширныя стоянки и мастерскія каменныхъ орудій, сопровождаемая огромнымъ количествомъ кремневыхъ осколковъ и обыкновенно небольшимъ количествомъ цѣлыхъ и поломанныхъ орудій, а также издѣлій изъ кости и глины.

Одежда человѣка, несомнѣнно, шилась изъ звѣриныхъ шкурокъ, о чемъ свидѣтельствуется большое количество кремневыхъ скребковъ, какъ полагаютъ, специально употреблявшихся для выработки шкуръ. Къ концу неолитической эпохи появляются и ткани; такъ не совсѣмъ ясный отпечатокъ очень грубой ткани наблюдается на одномъ глиняномъ сосудѣ Волосовской неолитической стоянки (см. въ залѣ 2).

Въ составъ кремневыхъ орудій входятъ топоры (рис. 11), копья (рис. 12), долота (рис. 13), ножи (рис. 14), пилы (рис. 15), сверла (рис. 16), скребки (рис. 17—19), стрѣлы (рис. 20—21); въ составъ костяныхъ—шила (рис. 22), иглы, удильные крючки (рис. 23), гарпуны (рис. 24) и др. На ряду съ орудіями встрѣчаются разнаго рода каменные и костяные изображенія, въ видѣ животныхъ, птицъ и даже самого человѣка (рис. 25—29). Полагаютъ, что всѣ эти изображенія имѣли значеніе предметовъ религіознаго культа: это были фетиши, идолъчики.

Сибирскія культуры.

Сибирскія культуры неолитической эпохи, къ сожалѣнію, представлены пока довольно случайнымъ матеріаломъ, но тѣмъ не менѣе способнымъ характеризовать очень высокое индустріальное развитіе обитателей того времени. Среди орудій наблюдаются крупные, прекрасно обработанные экземпляры полированныхъ топоровъ, долотъ, кирокъ и тонко отретушированныхъ мелкихъ орудій, въ видѣ наконечниковъ кремневыхъ ножей, стрѣлъ, копій, скребковъ и др. Особеннаго вниманія заслуживаютъ орудія, сдѣланные изъ зеленовато-темнаго нефрита.

Нефритъ—довольно рѣдкій камень, обыкновенно зеленовато-темнаго или бѣлаго цвѣта, прозрачный въ тонкихъ пластинкахъ и очень твердый. Въ Сибири болѣе распространены орудія изъ зеленовато-темнаго нефрита, естественные и богатые выходы котораго имѣются въ Иркутской губерніи.

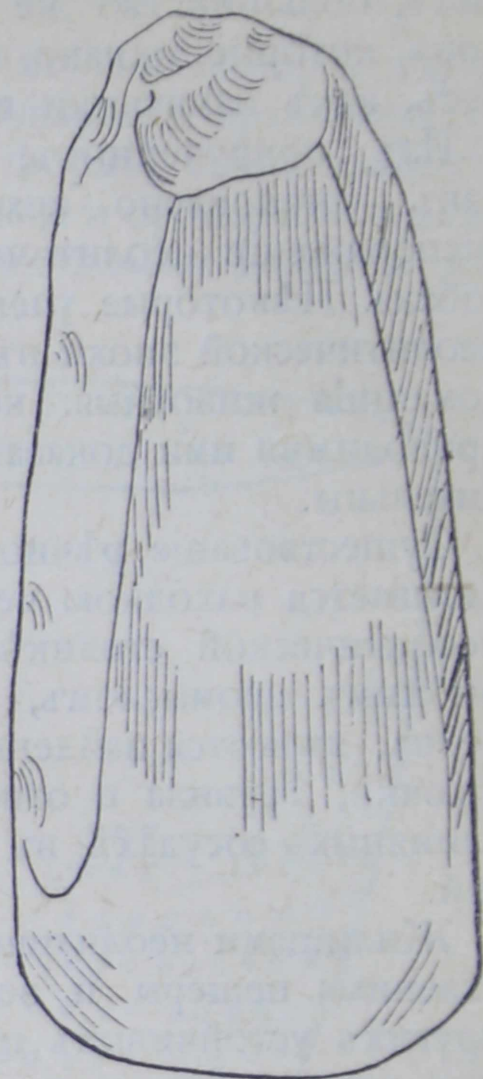


Рис. 11.



Рис. 12.

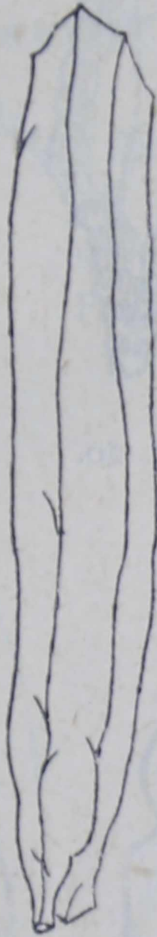


Рис. 14.

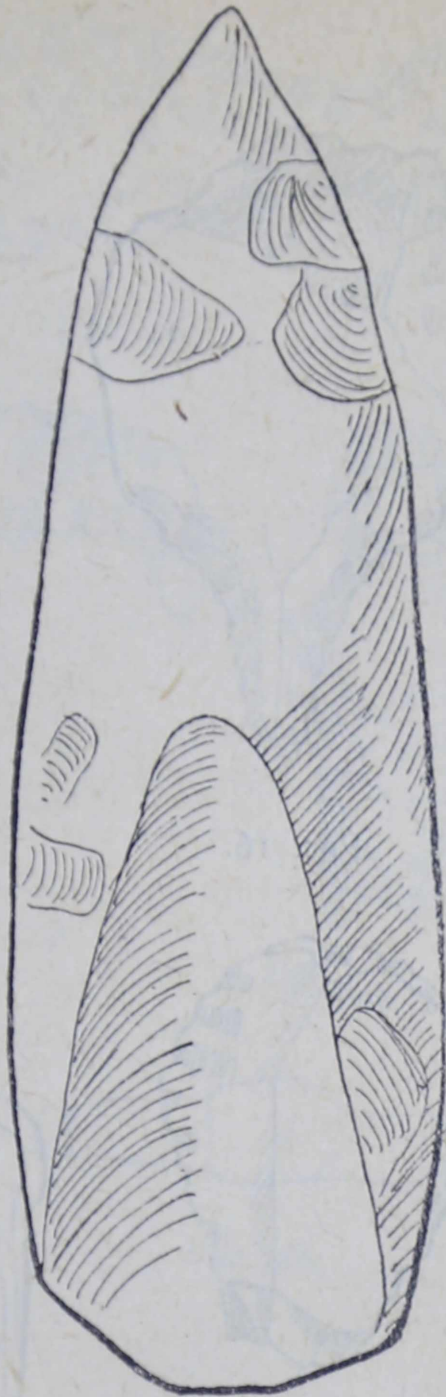


Рис. 13.



Рис. 15.



Рис. 16.

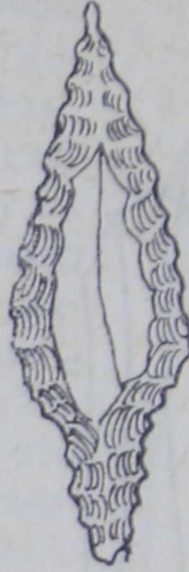


Рис. 20.

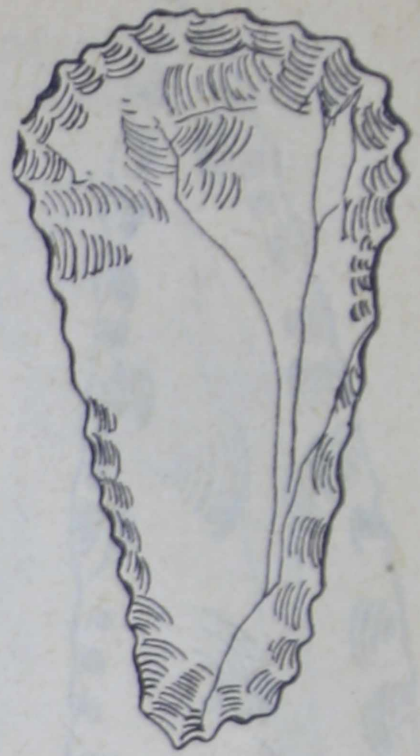


Рис. 18.

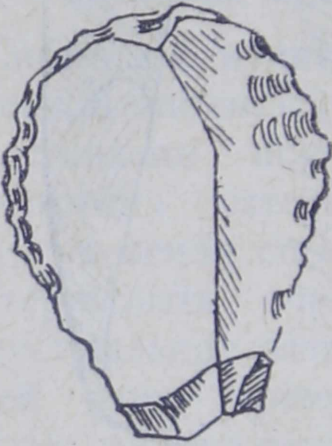


Рис. 17.



Рис. 22.



Рис. 19.

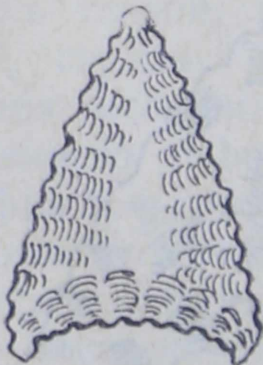


Рис. 21.

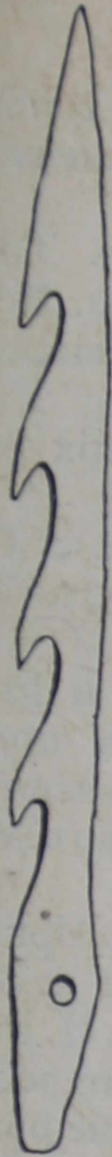


Рис. 24.

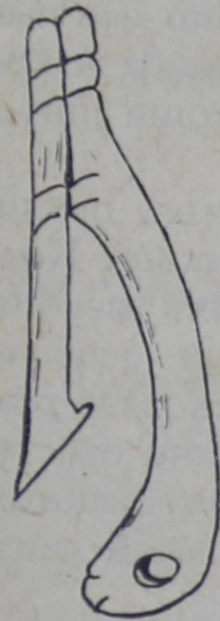


Рис. 23.



Рис. 25.



Рис. 26.



Рис. 29.

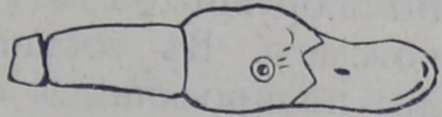


Рис. 28.

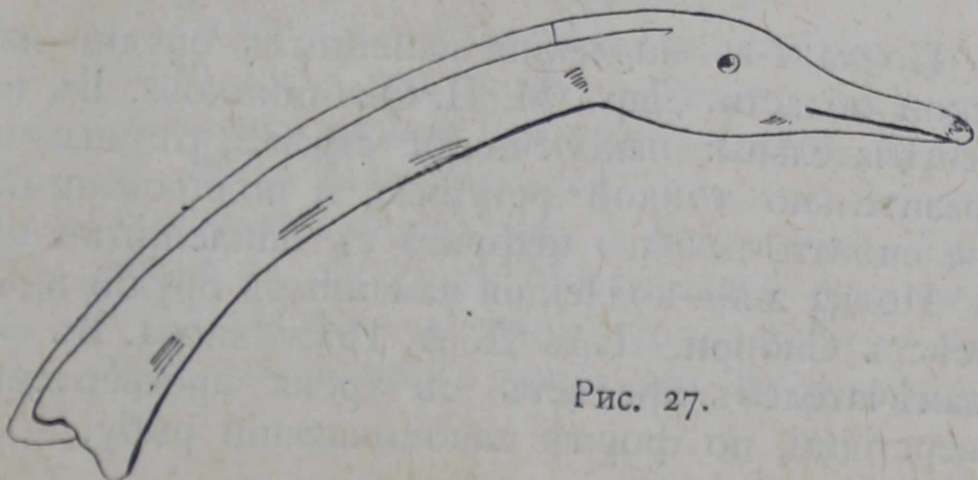


Рис. 27.

Витрина 5.

Полка 1-я — два каменных полированных топора из Пермской губ.; четыре конусовидных кремневых нуклеуса из Бийского уезда, Томской губ.

Полка 2-я — коллекция каменных орудий из Томской губ., собрания и раскопок А. В. Адрианова. Коллекция характеризует высокое состояние неолитической культуры Западной Сибири.

Полка 3-я — каменные и одно костяное орудия из Тобольской губ.

Полка 4-я — каменные орудия и украшения из с. Самарова, Тобольской губ. Дарь Московск. Археологич. Общ-ва.

Полка 5-я — каменные орудия из Иркутской и Енисейской губ.; из них особенно замечательны полированный топоръ зеленовато-темного нефрита с ясными следами пиления камня при помощи шнура. Дарь Московскаго Университета.

Полка 6-я — коллекция каменных орудий из Иркутской губ. Дарь М. П. Овчинникова. Коллекция каменных орудий той же губ., добытых раскопкой Н. И. Витковского. Въ составѣ коллекции особенно интересны два полированных орудия зеленовато-темного нефрита (топоръ и ножъ), два великолѣпно отретушированных наконечника стрѣлъ и три полированных каменных стержня, которые Н. И. Витковскій считаетъ за части удильныхъ крючковъ.

Витрина 6.

Полка 1-я — коллекция каменных орудий из Якутской области. Дарь М. П. Овчинникова. Въ коллекции замечательны: наконечники стрѣлъ, отличающіеся поразительно тонкой ретушью, и полированный топоръ зеленовато-темного нефрита с опилёнными краями.

Полка 2-я — коллекция каменных орудий из разныхъ мѣстъ Сибири. Дарь Д. А. Постникова. Въ ея составѣ замечательны предметъ съ тремя просверленными отверстіями, по формѣ напоминающій рыбу.

Полка 3-я—коллекція предметовъ изъ Восточной Сибири, собранія И. А. Лопатина. Даръ Московскаго Университета. Всѣ предметы заслуживаютъ особаго вниманія; въ составъ ихъ входятъ: 1) прекрасно полированная большая кирка изъ зеленовато-темнаго нефрита; 2) предметъ въ формѣ рыбы съ тремя отверстіями, очевидно, служившими для подвѣшиванія его; на концахъ рѣзко обозначены ротъ и глаза; и 3) каменное, реальное изображеніе рыбы съ тремя отверстіями, служившими для подвѣшиванія фигуры. Можно предполагать, что подобныя изображенія служили цѣлямъ культа.

Полки 4-я и 5-я — коллекція каменныхъ орудій, найденныхъ въ могилахъ айновъ Южнаго Сахалина.

Полка 6-я и низъ витрины—кости мамонтовъ, добытыя въ разныхъ мѣстностяхъ.

Неолитическія культуры Европейской Россіи.

Витрина 7.

Культуры неолитической эпохи въ Южной и Западной Россіи.

Культуры представлены небольшимъ числомъ случайныхъ коллекцій.

Полка 1-я—коллекція кремневыхъ орудій, добытыхъ въ с. Новоселкахъ, Купянскаго у., Харьковской губ., собранія М. М. Воронца. Даръ Московскаго Археологич. Общ-ва. Коллекція кремневыхъ орудій изъ с. Рай-Городокъ, Изюмскаго у., Харьковской губ. Собрание и даръ священника В. Ф. Спѣсивцева.

Полка 2-я—коллекція кремневыхъ орудій изъ Волынской губ.; изъ нихъ особенно замѣчательны: кривыя пилы изъ имѣнія Радзиминъ-Савки, добытыя раскопками В. Любы-Радзиминскаго, и великолѣпный крупный наконечникъ копья изъ с. Берестечка. Коллекціи поступили въ даръ отъ Московскаго Археологич. Общ-ва.

Полка 3-я—каменный топоръ со сверлиной и кремневый наконечникъ копья изъ Воронежской губ.

Полка 4-я — коллекція кремневыхъ орудій изъ пос. Хотель, Люблинской губ. Даръ Н. И. Семигановскаго. Каменный топоръ съ начатой, но неоконченной сверлиной изъ д. Рудни, Летичевскаго у., Подольской губ. Даръ Археологической Комиссіи.

Полка 5-я — коллекція каменныхъ орудій изъ с. Карначихи, Лидскаго у., Виленской губ., раскопки Шукевича.

Зала 2.

Стѣны залы украшены орнаментомъ, заимствованнымъ съ неолитическихъ узоровъ на глиняныхъ сосудахъ, и лѣпными группами каменныхъ молотковъ, наконечниковъ стрѣлъ и копій.

Живописный фризъ, писанный проф. В. М. Васнецовымъ, представляетъ попытку изобразить бытъ людей каменнаго періода и въ то же время — первые зачатки ремесль и искусствъ: одни изъ людей шьютъ одежды, другіе вытесываютъ орудія изъ камня или лѣпятъ горшки, третьи нарѣзаютъ узоры и рисунки на костяхъ, прочіе добываютъ изъ дерева огонь, выжигаютъ изъ древеснаго ствола лодку, ловятъ рыбу, стрѣляютъ изъ лука въ птицъ и т. д. Передъ входомъ въ пещерное жилище сидятъ женщины, занятія кормленіемъ дѣтей и разными домашними работами. Мужчины тащатъ свою охотничью добычу: лосей, медвѣдей и носороговъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи представлена охота на мамонта. Громадный звѣрь попалъ въ нарочно выкопанную для него яму, и здѣсь его побиваютъ камнями, дротиками и стрѣлами. На противоположной сторонѣ изображенъ пиръ по случаю добычи мамонта: наѣвшись и упившись кровью, дикари какъ бы пьянѣютъ, кричатъ, спорятъ, бьютъ кость о кость, пляшутъ.

Культуры неолитической эпохи въ Средней Россіи.

Неолитическія культуры Средней Россіи получили широкое научное освѣщеніе. Количество собранныхъ памятниковъ едва ли не превышаетъ количество памятниковъ, собранныхъ во всѣхъ другихъ областяхъ Рос-

си. Это явление вызвано энергичными трудами и безпредельной любовью къ отечественнымъ древностямъ цѣлаго ряда выдающихся русскихъ археологовъ, среди которыхъ особенно почетное положеніе занимаетъ гр. А. С. Уваровъ, отецъ русской первобытной археологіи, принесшій для выясненія жизни нашихъ древнѣйшихъ предковъ не только свои средства, но свои силы и обширныя знанія.

Особенно подробно обслѣдованы берега р. Оки, давшіе обильные памятники для установленія типа Окской неолитической культуры, выразившагося какъ съ матеріально-бытовой, такъ и съ религіозно-культурной стороны. Среди бытовыхъ предметовъ имѣются памятники, связанные съ потребностями промысловъ и домашняго обихода: охотой, рыболовствомъ, обработкой камня, кости, дерева, глины, волокнистыхъ веществъ, скорья (кожъ) и др.

Витрина 1, круглая.

Въ витринѣ помѣщены предметы изъ мастерской каменныхъ орудій, остатки которой были найдены обнаженными весеннимъ разливомъ на берегу р. Волги, близъ г. Старицы, Тверской губерніи. Подобныя мастерскія въ культурахъ неолитической эпохи Россіи не составляютъ рѣдкости; ихъ обыкновенно находятъ на окраинахъ неолитическихъ стоянокъ. Въ составъ мастерскихъ входятъ кремневые желваки, служившіе матеріаломъ для выработки орудій, большое количество разнаго рода осколковъ, получавшихся при расколахъ камней и отдѣлкѣ каменныхъ орудій, сломанныя, а иногда и цѣлыя, очевидно, случайно затеряныя орудія. Иногда на ряду съ послѣдними попадаютъ и обломки глиняной посуды и другіе предметы. Все это и представлено въ витринѣ.

Витрина 2.

Полка 1-я—коллекція каменныхъ орудій Тульской губ. и уѣзда; собрана С. С. Стрекаловой.

Въ составъ коллекціи входятъ прекрасные экземпляры кремневыхъ полированныхъ топоровъ; совершенно законченные наконечники кремневыхъ копій и стрѣлъ; нѣсколько экземпляровъ полированныхъ долотъ; ножевидныя пластинки, скребки, одинъ рѣзецъ и одинъ нуклеусъ.

Полка 2-я—коллекція изъ раскопокъ В. А. Городцова, въ городѣ Бѣлевѣ и д. Воронецъ, Тульской губ., Бѣлевскаго уѣзда.

Въ составъ коллекціи входятъ обломки сплошь орнаментированной глиняной посуды и разнообразныя виды кремневыхъ орудій.

Полка 3-я—коллекція, доставленная священн. Н. А. Преображенскимъ изъ д. Воронецъ, Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губ.

Составъ коллекціи—тотъ же, какъ и предыдущей коллекціи.

Полка 4-я—коллекція, доставленная священн. М. Ѳ. Бурцевымъ (три планшеты) изъ гор. Бѣлева.

Въ составъ коллекціи входятъ обломки глиняной орнаментированной посуды и кремневые орудія разныхъ видовъ; но особенно интереснымъ представляется предметъ съ отверстіемъ, сдѣланный изъ бивня какого-то очень крупнаго животнаго (надо полагать, моржа); назначеніе предмета неизвѣстно.

Полка та же—коллекція каменныхъ орудій В. А. Городцова съ дюны Жабынскаго монастыря, близъ г. Бѣлева.

Полка 5-я—коллекція В. Д. Полѣнова (три планшеты) изъ с. Бехова, Алексинскаго у., Тульской губ.

Въ составъ коллекціи входятъ обломки глиняной орнаментированной посуды, кремневые пирамидальной формы нуклеусы, нѣсколько кремневыхъ орудій и свистокъ, сдѣланный изъ фаланги животнаго (предметъ очень рѣдкій).

Полка та же—коллекція кремневыхъ орудій разныхъ видовъ. Собраніе и даръ Н. И. Булычева.

Полка 6-я—коллекція В. А. Городцова изъ разныхъ мѣстъ Рязанской губ. и уѣзда.

Въ составъ коллекціи входятъ обломки глиняной орнаментированной посуды и каменные орудія, среди

которыхъ особенно интересны: большой полированный топоръ клиновидной формы и тонко обработанные наконечники копья, стрѣлы и проколка. Любопытны куски слѣпившихся раковинъ рѣчныхъ моллюсковъ, служившихъ пищею неолитическаго человѣка, взятые изъ большой груды подобныхъ раковинъ, составлявшихъ такъ наз. кухонные отбросы—кѣккенмѣддинги.

Всѣ коллекціи, за исключеніемъ С. С. Стрекаловой и Н. И. Булычова, составляютъ даръ Моск. Арх. Общества.

Витрина 3.

Полка 1-я—коллекція В. А. Городцова изъ разныхъ мѣстностей Рязанской губ. и уѣзда, съ окскихъ дюнь.

Въ составъ коллекціи входятъ обломки глиняной орнаментированной посуды и большое количество кремневыхъ орудій разныхъ видовъ; любопытны кремневые метательные камни овальной формы, привѣска изъ шифера со сверлиной и глиняная бусина цилиндрической формы.

Полки 2-я и 3-я—коллекція В. А. Городцова изъ плотиннаго сооруженія, открытаго въ с. Дубровичахъ, Рязанской губ. и уѣзда. Это сооруженіе представляетъ особый научный интересъ: оно было возведено неолитическимъ человѣкомъ среди заливной долины р. Оки на небольшомъ островкѣ древнѣйшей старицы (старого русла) р. Оки, изъ мелкихъ и крупныхъ кусковъ известняка, сложенныхъ кольцеобразной стѣной, внутри засыпанной пескомъ. Сооруженная такимъ образомъ плотина поднимала поверхность островка на столько, что окская вода весеннихъ разливовъ, достигающихъ въ этой мѣстности даже въ настоящее время до 12-ти верстъ ширины, не могла покрывать ее, и сооруженіе это представляло видъ острова, окруженнаго со всѣхъ сторонъ разливомъ. Раскопками выяснено, что вся поверхность плотиннаго сооруженія была занята землянками, служившими жильемъ человѣка того времени. Песчаные стѣнки и полъ этихъ землянокъ были выложены камнями, въ срединѣ же каждой изъ нихъ находился очагъ. Въ этихъ землянкахъ и были собраны вещи, часть кото-

рыхъ здѣсь выставлена. Въ составъ вещей входятъ обломки глиняной орнаментированной посуды, каменные орудія и костяные орудія—гарпунъ и долота.

Полки 4-я, 5-я и 6-я—коллекція В. Леонова и У. Монастырева изъ с. Коренецъ, Егорьевскаго у., Рязанской губ.

Въ составъ этой интересной коллекціи входятъ въ значительномъ количествѣ обломки глиняной орнаментированной посуды, кремневые орудія разныхъ типовъ, иногда очень тонко законченныхъ формъ, кремневые фигурныя привѣски въ видѣ звѣздочекъ, лунницы и др., каменная бусина и двѣ привѣски, значительное количество костяныхъ издѣлій: гарпуны, шильца, привѣски изъ просверленныхъ зубовъ животныхъ, бусины цилиндрической формы и, что особенно интересно, привѣска въ видѣ птичьей головки. Въ выставленныхъ коробкахъ—остатки растений и красная краска.

На полкѣ 3-й лежитъ точильный камень, найденный въ с. Туровѣ, Ряжскаго у., Рязанской губ., на которомъ оттачивались кремневые желобчатые долота и мелкіе костяные предметы въ видѣ шильевъ, иглъ и проколокъ. Предметъ представляетъ исключительный научный интересъ: до настоящаго времени подобные точильные камни были найдены только въ Швеціи, да и то не столь сложной формы.

Всѣ вещи, хранящіяся въ этой витринѣ, составляютъ даръ Моск. Арх. Общества.

Витрины 4, 5, 6, 7, 8 и 10.

Въ витринахъ расположены памятники обширнѣйшей Волосовской стоянки, открытой на дюнѣ близъ д. Волосовой, Муромскаго у., Владимірской губ. Въ изслѣдованіи этой знаменитой стоянки принималъ участіе цѣлый рядъ выдающихся русскихъ ученыхъ. Трудями ихъ выяснено, что стоянка располагалась на незначительномъ холмикѣ, одной стороною примыкавшемъ къ берегу р. Велетьмы, а другой—къ впадающему въ нее ручейку. На площади стоянки были изслѣдованы довольно глубокія ямы овальной формы землянокъ, вѣроятно

покрытыхъ въ свое время коническими крышами. На днѣ этихъ землянокъ около очаговъ скопилось наибольшее количество культурныхъ остатковъ, судя по которымъ, обитатель стоянки занимался охотой и рыболовствомъ. Спутникомъ его на охотѣ являлась собака, бывшая первымъ и единственнымъ прирученнымъ животнымъ; костей собаки найдено здѣсь, около землянокъ, очень много. Въ культурномъ отношеніи человѣкъ стоялъ довольно высоко, о чемъ свидѣтельствуютъ техника его орудій труда и предметы изящнаго искусства, а также и религіознаго культа.

Въ витринахъ 4 и 5 расположены коллекціи, добытыя раскопкой П. П. Кудрявцева.

Въ витринѣ 4, на полкѣ 1-й, размѣщены кремневые сверла и скребки.

Полка 2-я—кремневая орудія тѣхъ же видовъ (три планшеты), костяныя иглы и шила.

Полка 3-я—на двухъ планшетахъ справа помѣщены костяныя бусы, привѣски изъ просверленныхъ звѣриныхъ зубовъ и фигурно-вырѣзанныхъ костяныхъ пластинокъ; на планшетѣ третьей помѣщены костяные предметы загадочнаго назначенія; на планшетѣ четвертой помѣщены рыболовные крючки и гарпуны; на планшетѣ пятой, въ коробкѣ—обломки двухъ глиняныхъ сосудовъ съ отпечатками рыболовныхъ сѣтей двухъ видовъ—крупной и мелкой; на планшетѣ шестой помѣщенъ глиняный круглодонный сосудикъ, украшенный точками и отпечаткомъ грубой ткани.

Полка 4-я—на двухъ планшетахъ справа помѣщены образцы скульптурныхъ произведеній изъ кости и камня, имѣвшихъ несомнѣнное отношеніе къ религіозному культу; среди нихъ заслуживаютъ особаго вниманія: 1) великолѣпно вырѣзанная головка на длинной шеѣ гуся или лебедя, 2) привѣски въ видѣ утиныхъ клювовъ, 3) схематическое изображеніе птички, 4) кремневая лунница, 5) нѣсколько примитивныхъ человѣческихъ фигурокъ, сдѣланныхъ изъ кремня, 6) фигурки птицъ и животныхъ изъ того же матеріала. На планшетѣ третьей—каменная привѣски со сверлинками и другими приспособленіями для прикрѣпленія къ оже-

релью. На планшетъ четвертой помѣщены наконечники стрѣль.

Полка 5-я—разныхъ видовъ кремневья орудія, преимущественно наконечники копій и стрѣль.

Полка 6-я—на трехъ планшетахъ справа, въ коробкахъ, хранятся образцы кухонныхъ отбросовъ въ видѣ костей дикихъ животныхъ, на которыхъ охотился человекъ, рыбъ и раковинъ моллюсковъ, служившихъ пищей человеку. На четвертой планшетѣ—метательные камни овальной формы и отбойникъ продолговатой формы. На планшетахъ пятой и шестой помѣщены кремневые наконечники копій и стрѣль.

Въ витринѣ 5, на полкѣ 1-й, хранятся костяныя издѣлія: шила, обломки топора и молота и разныхъ другихъ предметовъ быта; особенно интересенъ черпакъ, сдѣланный изъ рога лося, служившій, вѣроятно, для вычерпыванья воды изъ челновъ; нѣкоторыя кости представляютъ изъ себя начатыя, но неоконченныя орудія, что даетъ возможность слѣдить по нимъ за постепенностью выработки тѣхъ или другихъ предметовъ.

Полки 2-я, 3-я, 4-я и 5-я—разные виды кремневыхъ орудій, въ большинствѣ случаевъ, совершенно законченной формы; на планшетѣ второй (полка 3-я) слѣва помѣщены костяныя орудія, преимущественно же цѣлыя и въ обломкахъ узкія долота, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ совершенно оригинальную форму.

Полка 6-я—на двухъ планшетахъ справа помѣщены цѣлыя и въ обломкахъ полированные орудія, изъ которыхъ особенно интересны топоры со сверлинами, указывающіе на принадлежность стоянки къ самому концу неолитической эпохи. На остальныхъ планшетахъ сосредоточены предметы, связанные съ обработкой камня и кости; тутъ можно видѣть: точильные камни, на которыхъ точились и шлифовались каменные и костяныя орудія, отбойники въ видѣ продолговатыхъ камней, которыми производилось отдѣленіе узкихъ и длинныхъ пластинокъ отъ нуклеусовъ и ретушировка пластинокъ, перерабатываемыхъ въ самыя орудія.

Въ витринѣ 6 расположена коллекція, принесенная въ даръ гр. П. С. Уваровой. На пяти большихъ

планшетахъ съ №№ и въ открытомъ ящикѣ находятся предметы изъ клада, найденнаго случайно гр. П. С. Уваровой на Волосовской дюнѣ. Большинство предметовъ отличается тонкостью работы и необыкновеннымъ совершенствомъ формъ; самымъ замѣчательнымъ предметомъ представляется большое копье, равнаго которому, въ отношеніи размѣровъ и техники, нигдѣ, въ предѣлахъ Россіи, еще не было найдено. Большимъ совершенствомъ отличаются находящіеся въ ящикѣ три наконечника болѣе мелкихъ копій и стрѣлъ, часть желобчатыхъ полированныхъ долотъ и шиферныя привѣски фигурной формы. Въмѣстѣ съ кладомъ былъ найденъ маленький круглодонный сосудъ съ отбитыми краями и обломки болѣе крупнаго сосуда, въ которомъ, возможно, хранился самый кладъ. На трехъ малыхъ планшетахъ (безъ №№)—вещи, собранныя на той же дюнѣ, но въ другихъ мѣстахъ.

Въ витринѣ 7 хранится коллекція изъ раскопокъ гр. А. С. Уварова, принесенная имъ въ даръ Музею. Коллекція состоитъ изъ кремневыхъ орудій, разныхъ формъ обломковъ глиняной посуды и образцовъ культурнаго слоя стоянки (въ стеклянныхъ банкахъ). Особенно интересными представляются четыре костяныхъ орудія, служившія для орнаментаціи глиняныхъ сосудовъ, изъ которыхъ одно имѣетъ гребневидный конецъ для нанесенія зубчатаго орнамента (см. образцы этого орнамента тутъ же—на черепкахъ).

Остовъ собаки—*Canis familiaris domesticus*, найденный П. П. Кудрявцевымъ при его обширныхъ раскопкахъ Волосовской стоянки.

Въ витринѣ 8 хранится коллекція П. П. Кудрявцева изъ окрестностей дер. Волосовой, Мал. Окулово, Лягалинъ Боръ и др.

Полки 1-я и 2-я—кремневья орудія разныхъ типовъ и назначеній, преимущественно ножи, скребки, копья, обломки каменныхъ молотковъ, шиферныя привѣски, отбойники, нуклеусы и метательные шары.

Полки 3-я (часть), 4-я, 5-я и 6-я—обломки глиняной посуды съ разнообразнымъ орнаментомъ: точечнымъ, зубчатымъ, шнуровымъ, рамчатымъ и узелковымъ. Мно-

гіе обломки посуды сдѣланы изъ глины съ примѣсью раковинъ.

Въ витринѣ 10 помѣщены обломки очень крупныхъ и мелкихъ глиняныхъ сосудовъ. Всѣ сосуды, насколько можно судить по сохранившимся обломкамъ, были круглодонными; поверхность ихъ сплошь покрыта орнаментами, наносимыми то зубчатой лопаточкой (чеканомъ), то веревочкой, то тканями (см. обломки на отдѣльной планшетѣ); ткани были толстыя, грубыя, давали рябчатые отпечатки.

Витрина 9.

Въ витринѣ помѣщена коллекція съ Балахнинской стоянки. Стоянка находится на дюнѣ близъ г. Балахны, Нижегородской губ., недалеко отъ р. Оки, при впаденіи въ нее небольшой рѣчки. На мѣстѣ стоянки открыты остатки жилищъ въ видѣ землянокъ съ очагами въ серединѣ. Раскопками В. И. Каменскаго внутри землянокъ и вокругъ нихъ были добыты многочисленныя предметы домашняго быта въ видѣ кремневыхъ и костяныхъ орудій и обломковъ глиняной посуды, часть которыхъ выставлена въ витринѣ, другая же часть находится въ Музеѣ Академіи Наукъ, въ Петроградѣ.

Въ составъ коллекціи Историческаго Музея входятъ: наконечники кремневыхъ стрѣлъ, скребки, пластинчатые ножи, полированные долота, полированные топоры, костяныя шилья, обломки глиняной круглодонной посуды, покрытой сплошными орнаментами, состоящими изъ ногтевыхъ, точечныхъ, веревочныхъ и др. элементовъ. Одинъ сосудъ (на верху витрины) удалось восстановить изъ обломковъ. Сосудъ оказался крупныхъ размѣровъ конической формы съ круглымъ дномъ. Обжигъ его, какъ и всѣхъ неолитическихъ сосудовъ, — слабъ, вслѣдствіе чего сосудъ и распался на мелкія части. Поверхность сосуда сплошь покрыта точечнымъ узоромъ, реставрированныя же части оставлены не орнаментированными.

Витрина 11.

Коллекція изъ Тверской губ., д. Прислонъ, состоящая изъ случайно найденныхъ предметовъ; въ составъ

ея входятъ: костяной гарпунъ, кремневый наконечникъ стрѣлы, кремневый ножичекъ съ черешкомъ, полированный топорикъ и крупное кремневое орудіе неизвѣстнаго назначенія, повидимому, служившее отбойникомъ (рабочій конецъ его отбитъ).

Коллекція изъ Тверской губ., д. Пишево—четыре прекрасно обработанныя кремневая орудія: наконечникъ копья, двѣ стрѣлы и ножъ съ черешкомъ.

Коллекція изъ Тверской губ., даръ вел. кн. Сергія Александровича. Въ составъ довольно обширной коллекціи входятъ: крупные хорошо оббитые топоры, долота, повидимому, подготовленные для полированія, скребки разныхъ видовъ, ножи, наконечники стрѣль разныхъ формъ и обломки очень крупныхъ интересныхъ орудій неизвѣстнаго назначенія.

Коллекція изъ Московской губ. изъ разныхъ мѣстъ, въ составѣ полированнаго и сверленаго топоровъ, двухъ обломковъ глинянаго сосуда, нѣсколькихъ наконечниковъ копій и стрѣль.

Костяной гарпунъ Московск. губ. и уѣзда, Троицкой волости, дер. Сорокиной, даръ М. П. Петрова. Гарпунъ найденъ въ водѣ около берега; по своей сохранности представляетъ исключительный интересъ.

Витрина 12.

Культуры неолитической эпохи Восточной Россіи.

Имѣющіяся въ Музеѣ налицо коллекціи, къ сожалѣнію, пока недостаточно характеризуютъ истинное состояніе восточно-русскихъ неолитическихъ культуръ, а между тѣмъ эти культуры очень богаты.

Полки 1-я, 2-я и 3-я—коллекція Э. Д. Пельцама (Моск. Унив.). Въ составъ ея входятъ оббитые и полированные топоры, долота изъ кремнистаго известняка, хорошо оббитые наконечники копій и стрѣль, то изъ кремня, то изъ кварцита.

Полка 4-я—двѣ планшеты справа относятся къ той же коллекціи.

На планшетѣ слѣва помѣщена коллекція изъ Казанской губ., Цивильскаго у., с. Стар. Муратова. Въ со-

ставъ ея входятъ два топора и долото, прекрасно отполированный метательный шаръ, цилиндрической формы пестикъ, служившій для растиранія красокъ, и четырехугольный хорошо зашлифованный камень неизвѣстнаго назначенія.

Полка 5-я—коллекціи предметовъ изъ разныхъ мѣстъ Вятской губ.: тонко оббитые наконечники копій, стрѣль, скребки, длинные пластинчатые ножи, полированные топорики, нуклеусы и др.

Полка 6-я—коллекція изъ Оренбургской губ., Троицкаго у., близъ завода Мяссъ: полированный топорикъ, оббитыя орудія разныхъ формъ, обломокъ полированного крупнаго орудія и маленькій точильный брусокъ.

Полированный и сверленный топоръ изъ Пензенской губ.

Коллекція изъ Самарской губ., Бузулукскаго у., ст. Марычевки: небольшіе кремневые нуклеусы, ножевидныя пластинки и костяныя подѣлки.

Витрина 13.

Культуры неолитической эпохи Сѣверной Россіи.

Наиболѣе полно представлена культура дюнныхъ стоянокъ побережья Бѣлаго моря.

Полки 1-я и 2-я—коллекція изъ Архангельской губ., с.с. Неноксы и Красной горы, собранія В. Рево: прекрасно обработанные кремневые наконечники копій, стрѣль, скребки, ножи и обломки орнаментированной глиняной посуды.

Полки 3-я и 4-я—коллекціи изъ той же губ., с. Зимняя Золотица, собраніе Н. К. Зенгера, А. А. Кельсѣева и Сандберга (Моск. Унив.): кремневые наконечники копій и стрѣль чрезвычайно тонкой обработки, скребки, ножи и др. Особенный интересъ представляютъ двѣ фигурки человѣка и тюленя, сдѣланныя изъ кремня.

Полка 5-я (двѣ планшеты, слѣва)—коллекція каменныхъ орудій и обломковъ глиняной посуды изъ того же села, собраніе А. В. Маркова (даръ его же); особеннаго

вниманія заслуживаетъ фигура животнаго, сдѣланная изъ кремневой пластинки.

На планшетѣ справа—коллекція каменныхъ орудій изъ с. Пикенскаго и др., Шенкурскаго у., той же губ., собраніе Н. К. Зенгера.

Полка 6-я—коллекціи изъ Олонецкой губ.; планшета слѣва: обломки каменныхъ орудій и орнаментированной глиняной посуды, собранные И. С. Поляковымъ на берегу оз. Лаче.

На слѣдующей планшетѣ помѣщена коллекція кремневыхъ орудій и нуклеусовъ, собранная В. Э. Миллеромъ на берегу Кенозера, Пудожскаго у., той же губерніи.

На слѣдующихъ двухъ планшетахъ—коллекція каменныхъ орудій изъ разныхъ мѣстъ Олонецкой губ.; среди предметовъ коллекціи особенно интересно орудіе со слѣдами пиленія.

Послѣдняя планшета на этой полкѣ содержитъ коллекцію кремневыхъ орудій и нуклеусы изъ Петрозаводскаго, Повѣнецкаго и Каргопольскаго уу. той же губ., собранную П. И. Лерхомъ въ 1865 г.

ПАМЯТНИКИ МЕТАЛЛИЧЕСКАГО ПЕРІОДА.

Залы 3—13, А, Б и В.

Металлическій періодъ развитія человѣческой культуры соотвѣтствуетъ времени производства орудій, сдѣланныхъ изъ металла. Полагаютъ, что прежде всего человѣкъ могъ познакомиться съ золотомъ, привлекавшимъ его вниманіе своимъ блескомъ, затѣмъ съ мѣдью, оловомъ, свинцомъ, серебромъ и наконецъ съ желѣзомъ. Изъ этихъ металловъ для выработки орудій пригодны только мѣдь и желѣзо. Но орудія изъ чистой мѣди недостаточно тверды, а потому человѣку пришлось изыскивать средства устранить этотъ недостатокъ смѣшиваніемъ мѣди съ оловомъ и свинцомъ, и такимъ образомъ получить болѣе твердый сплавъ, называемый въ настоящее время бронзой.

Сообразно съ постепеннымъ появленіемъ мѣдно-бронзовыхъ и желѣзныхъ орудій, металлическій періодъ дѣлится на двѣ отдѣльныя эпохи—бронзовую и желѣзную. Въ свою очередь бронзовую эпоху подраздѣляютъ на раннюю пору (пору мѣдныхъ орудій) и позднюю пору (пору бронзовыхъ орудій), а желѣзную—на раннюю пору (время употребленія желѣзныхъ орудій до Р. X.), среднюю пору (время I-го тысячелѣтія по Р. X.) и позднюю пору (время II-го тысячелѣтія по Р. X.).

Зала 3.

Памятники ранней поры бронзовой эпохи
(пору мѣдныхъ орудій).

Витрины 1, 2, 3, 4, 5 и 6.

Въ витринахъ помѣщены коллекціи, добытыя раскопками въ с. Черняховѣ, Кіевской губ. и уѣзда, и с. Крутобородицахъ, Летичевского у., Подольской губ. Обѣ коллекціи содержатъ памятники, такъ называемой, Трипольской культуры, существовавшей въ предѣлахъ Россіи въ раннюю пору бронзовой эпохи, когда совершался постепенный переходъ отъ каменныхъ орудій къ мѣднымъ, но когда еще каменные орудія въ количественномъ отношеніи повсюду преобладали и получали наиболѣе красивыя и совершенныя формы.

Памятники Трипольской культуры въ настоящее время прослѣжены въ предѣлахъ Полтавской, Черниговской, Кіевской, Волынской, Подольской и Бессарабской губерній, а за предѣлами Россіи въ Иранѣ (на мѣстѣ развалинъ древняго города Сузы), въ Австріи, Румыніи, Европейской Турціи, Греціи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Въ составъ памятниковъ Трипольской культуры входятъ развалины глинобитныхъ сооружений, служившихъ, какъ полагаютъ, для погребеній, развалины жилыхъ помѣщеній въ видѣ землянокъ и разная домашняя утварь.

Среди домашней утвари чаще всего встрѣчаются цѣлые и разбитые глиняные сосуды и статуэткі, рѣже—

каменные, костяные и мѣдные орудія, остатки обугленныхъ зеренъ пшеницы, ячменя, проса.

Глиняные сосуды—сравнительно хорошей техники съ поверхностями, покрытыми разнаго рода узорами, часто сдѣланными красками (витр. 2—6). Интересны двойные бездонные сосуды въ видѣ биноклей (витр. 1); назначеніе ихъ еще не выяснено.

Глиняныя статуэтки представляютъ грубыя изображенія людей и животныхъ (витр. 1).

Изъ каменныхъ орудій встрѣчаются кремневые хорошо оббитые стрѣлы, скребки, ножи, полированные топоры и долота (витр. 1).

Мѣдные орудія очень рѣдки; въ коллекціяхъ Музея имѣется только одинъ топоръ клиновидной формы, подражающей формѣ кремневыхъ полированныхъ топовъ-клиньевъ (витр. 1).

Люди, оставившіе послѣ себя памятники Трипольской культуры, были знакомы со скотоводствомъ и земледѣліемъ. На большомъ глиняномъ сосудѣ красками изображены, очевидно, прирученныя собаки и козы (витр. 3, низъ), а въ витр. 1 находятся вылѣпленныя изъ глины коровы. Памятниками земледѣлія служатъ зерна культурныхъ растений (см. коробку съ обугленными зернами пшеницы въ витр. 1).

Время Трипольской культуры относятъ къ IV тысячелѣтію до Р. Х. Полагаютъ, что культура была принесена въ Россію народомъ, вышедшимъ изъ Ирана, послѣ направившимся въ долину р. Дуная и далѣе на Балканскій полуостровъ. Нѣкоторые ученые видятъ въ этомъ народѣ предковъ древнихъ грековъ, другіе—предковъ славянъ, и, наконецъ, третьи—предковъ индо-европейцевъ вообще.

Столь широкое распространеніе придаетъ этой культурѣ особенную научную цѣнность.

Въ витринѣ 5 внизу находится модель, на которой представлена часть развалинъ глинобитнаго сооруженія; среди сооруженія вскрыта яма, содержащая костякъ покойника, а сбоку—группа сосудовъ, изъ которыхъ средніе, по свидѣтельству изслѣдователя В. В. Хвойко, содержали кости сожженнаго покойника.

Витрина 7.

Культуры Сѣверной Россіи.

Въ то время, какъ въ Южной Россіи развивались культуры, содержащія все въ большемъ и большемъ количествѣ мѣдныя орудія, культуры Сѣверной Россіи оставались въ всецѣло въ стадіи развитія неолитическихъ культуръ; тѣмъ не менѣе есть положительные признаки, что образцы мѣдныхъ орудій проникали и сюда. Эти признаки запечатлѣлись въ нѣкоторыхъ формахъ каменныхъ орудій, явно подражающихъ металлическимъ образцамъ, напр., вѣстовъ, въ топорахъ со сверлиной, въ формахъ кремневыхъ кинжаловъ, въ плоскихъ ромбовидныхъ кастетахъ и др.

Верхъ (полки 1-я и 2-я) — коллекціи каменныхъ орудій (копіи) изъ разнородныхъ мѣстъ Финляндіи, а именно: полированные клинья, долота съ желобчатой режущей кромкой, топоры, мотыги, лезвіями, ромбической формы кастеты (боевые молотки), точильные бруски, привѣски, кольцо и булава. Особую роль въ коллекціи занимаетъ копія кинжала (2-я полка, справа); центромъ распространенія такой формы кремневыхъ кинжаловъ является южная часть Скандинавскаго полуострова, Сѣверная Германія и Данія; въ предѣлахъ Россіи кремневые кинжалы подобной формы провозились, очевидно, въ видѣ завознаго товара въ небольшомъ количествѣ. Восточной границей распространенія ихъ можетъ служить Днѣпръ и линія отъ верховьевъ Днѣпра на Петроградъ и Колу.

Низъ витрины — коллекція предметовъ изъ Олонецкой губ. въ составѣ каменныхъ полированныхъ орудій, близкихъ по типу къ финляндскимъ орудіямъ. Предметы собраны П. И. Лерхомъ преимущественно въ Повѣнецкомъ и Петрозаводскомъ уѣздахъ.

На двухъ переднихъ планшетахъ — три предмета изъ Вологодской губ.:

Большая полированная кирка съ рукояткой и высокими выступами, служившими для скрѣпленія этого орудія съ деревянной рукояткой, въ расщепъ которой вводился клиновидный конецъ каменной рукоятки. Типъ

орудія—рѣдкій, цѣнившійся высоко, такъ какъ вызывалъ подражанія; найденъ пока всего одинъ экземпляръ.

Большая полированная кирка съ отверстіемъ для рукоятки и невысокими выступами скорѣе орнаментальнаго, чѣмъ практическаго характера, что и указываетъ на подражаніе формъ предшествующей кирки, гдѣ выступы имѣли ясно-практическое назначеніе. Находки подобныхъ предметовъ извѣстны и въ другихъ мѣстахъ Вологодской губ. Назначеніе кирокъ не выяснено: онѣ могли служить и боевыми орудіями (клевцами, рис. 30),



Рис. 30.

и земледѣльческими мотыгами для выкапыванія корней, и для обработки почвы, если земледѣліе существовало въ то время, что, однако, мало вѣроятно.

Каменный полированный сверленный топоръ съ обухомъ въ видѣ пестика, найденный вмѣстѣ съ послѣдней киркой. Эта форма топора чрезвычайно интересна въ томъ отношеніи, что она является привозною изъ Западной Европы: центромъ распространенія ея служатъ Данія, Сѣверная часть Германіи и Скандинавія. Эта форма топора распространялась къ югу до Италіи, а къ сѣверу доходила до средней части Вологодской губ.

Витрина 8.

Культуры Западной Россіи.

Культуры Западной Россіи представляются такъ же значительно отставшими, какъ и культуры Сѣверной Россіи. Среди нихъ также долго не появляются металлическія орудія, хотя проникновеніе ихъ представляется фактомъ несомнѣннымъ, такъ какъ нѣкоторыя

формы каменных орудій явно подражаютъ металлическимъ образцамъ.

Въ витринѣ помѣщены коллекціи, собранныя въ Витебской губ. М. Ф. Кусцинскимъ, въ Минской губ. Н. П. Авенариусомъ и гр. Тышкевичемъ. Въ составъ коллекцій входятъ: полированные клинья и топоры самыхъ обыкновенныхъ формъ, за исключеніемъ двухъ топоровъ изъ г. Мозыря и Бобруйскаго у. (спереди), имѣющихъ лопастные лезвія, указывающія на происхождение ихъ изъ Фатьяновской культуры Средней Россіи.

Витрина 9.

Культуры Средней Россіи.

Характерной культурой времени перваго появленія мѣдныхъ орудій въ Средней Россіи является Фатьяновская культура, памятники которой выставлены въ этой витринѣ. Имя свое культура получила отъ дѣр. Фатьяновой, Ярославской губ., Даниловскаго у., гдѣ, при прокладкѣ желѣзно-дорожнаго пути изъ Ярославля въ Вологду, былъ случайно открытъ обширный могильникъ, изслѣдованный гр. А. С. Уваровымъ. При покойникахъ найдены каменные сверленные и полированные топоры, глиняные круглодонные сосуды, костяныя орудія и привѣски изъ зубовъ кабановъ, медвѣдей и лисиць, а также точильные камни.

Орудія и глиняные сосуды были настолько характерны, что дали возможность выдѣлить ихъ въ особую Фатьяновскую культуру. При послѣдующихъ изслѣдованіяхъ выяснилось, что эта культура распространялась по всей области Средней Россіи: памятники ея найдены, кромѣ Ярославской, въ Костромской, Нижегородской, Владимирской, Московской, Рязанской, Орловской и др. губ. Фатьяновская культура получила свое начало, вѣроятно, съ Кавказа, съ культурами котораго она имѣетъ какое-то загадочное, но большое сродство (см. Кавказъ, витр. 14 и 15, сосуды наверху). Въ Фатьяновской культурѣ преобладаютъ каменныя орудія, но наряду съ ними изрѣдка встрѣчаются и мѣдныя; такъ, въ самомъ Фатьяновскомъ могильникѣ, при недавнихъ желѣзно-дорож-

ныхъ работахъ, былъ найденъ мѣдный топоръ съ вислымъ обухомъ. Кромѣ мѣдныхъ орудій попадались и мелкія мѣдныя вещицы: бусинки (Великосельскій могильникъ), медвѣжій зубъ на мѣдномъ колечкѣ (Фатьяновскій могильникъ) и др.

Верхъ витрины (первая и вторая полки) содержитъ предметы, составляющіе случайныя находки изъ Владимірской, Рязанской, Московской и Ярославской губерній, и глиняные сосудики изъ Фатьяновскаго могильника.

Низъ витрины—коллекціи предметовъ Фатьяновскаго могильника изъ раскопокъ гр. А. С. Уварова и другихъ лицъ, Великосельскаго могильника Ярославской губ. и уѣзда, изъ раскопокъ А. А. Спицына и В. А. Городцова.

Витрина 10 (верхъ).

Коллекція изъ Саратовской губ., с. Норки и ст. Лебязьей, изъ раскопокъ А. А. Спицына.

2-я полка—предметы изъ разныхъ мѣстностей Саратовской, Самарской и Пензенской губерній.

Витрина 10 (низъ).

Культуры Восточной Россіи.

Наиболѣе богатая культура бронзовой эпохи Россіи найдены по берегамъ Камы, Вятки и средней Волги, а также въ предгорьяхъ средняго Урала, гдѣ, повидимому, существовалъ довольно развитой культурный очагъ, къ сожалѣнію, еще недостаточно обследованный и поэтому обозначающійся болѣе или менѣе случайными находками.

Успѣшное развитіе культуръ данной области обусловливалось: 1) природными богатствами края, пересѣченнаго многоводными рѣками, 2) сравнительной уютностью области, закрытой съ востока горами Урала, а съ сѣвера непроходимыми въ то время таежными лѣсами, и 3) богатствомъ мѣдныхъ рудъ, находимыхъ въ данной области повсюду. Памятниками горнаго промысла служатъ рудныя копи, которыя русскій народъ называетъ «чудскими». Эти копи представляютъ видъ

узкихъ шахтъ, развѣтвляющихся внизу на ходы и галереи, служившіе для разработки рудоносныхъ слоевъ почвы. Посредствомъ ихъ разрабатывались, преимущественно, руды, извѣстныя подъ названіемъ «мѣдной зелени» и «мѣдной сини», отложившіяся въ песчаникахъ Пермской геологической системы. Такія мѣдныя руды извѣстны въ Вятской, Казанской, Уфимской, Пермской и Оренбургской губерніяхъ.

Въ Историческомъ Музеѣ имѣются только небольшія коллекціи болѣе или менѣе случайнаго происхожденія. Наибольшій интересъ представляетъ коллекція Д. Н. Мамина изъ Пермской губ., Екатеринбургскаго у., съ оз. Карасья, въ составъ которой входятъ кремневые и мѣдныя орудія и обломки глиняной посуды. Прочіе предметы болѣе случайнаго происхожденія собраны въ Казанской и Вятской губ.

Витрины 11, 12 и 13.

Культуры Южной Россіи.

Въ Южной Россіи имѣется множество кургановъ; древнѣйшіе изъ нихъ содержатъ окрашенные костяки (скелеты), лежащіе въ неглубокихъ грунтовыхъ ямахъ, съ головами, обращенными на востокъ или сѣверо-востокъ. Одни изъ нихъ покоятся на спинѣ съ свободно-протянутыми конечностями, другіе—скорченно на правомъ или, въ исключительныхъ случаяхъ, на лѣвомъ боку и, наконецъ, третьи—на спинѣ съ поджатыми колѣнами вверхъ.

Бытовыхъ предметовъ при покойникахъ встрѣчается мало. Обыкновенно, находятъ краску и мѣлъ; оба вещества въ видѣ порошка, а первую, кромѣ того, и въ видѣ мелкихъ кусочковъ. Рѣже попадаются кремневые и костяные орудія, глиняные круглодонные сосуды и, повидимому, мѣдныя шила, долота и бусы, свернутыя изъ тонкихъ листочковъ мѣди.

Въ Россіи такія погребенія имѣютъ широкое распространеніе: ихъ нашли на берегахъ нижней Волги, Дона, Днѣпра и многихъ другихъ рѣкъ. Аналогичныя имѣ

погребенія оказались при устьѣ р. Китоя, притока Ангары, въ Иркутской губерніи.

Время погребеній неизвѣстно; обыкновенно, его относятъ къ неолитической эпохѣ, но это—невѣрно, такъ какъ въ погребеніяхъ не разъ находили мѣдныя вещи.

Въ витринѣ 11 хранятся памятники древнѣйшей курганной культуры изъ разныхъ мѣстностей.

Въ витринѣ 12—памятники Донецкой катакомбной культуры. Катакомбныя погребенія извѣстны на берегахъ рѣкъ Донца, Бахмута, Кальміуса, Днѣпра, а также въ Крыму и нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ. Наибольшее число ихъ изслѣдовано на берегахъ рѣкъ Донца и Бахмута. Интересно, что по своей формѣ эти катакомбы оказываются совершенно схожими съ катакомбами, находимыми въ Палестинѣ, Сиріи и на островахъ: Кипрѣ, Критѣ, Сициліи, Миноркѣ (одномъ изъ Балеарскихъ острововъ) и въ Португаліи. Отношеніе этихъ памятниковъ другъ къ другу загадочно, но между ними, несомнѣнно, существовала связь. Шведскій археологъ О. Монтелиусъ полагаетъ, что катакомбная форма погребеній во всѣхъ мѣстахъ, а въ томъ числѣ и въ Россіи, развилась подъ однимъ общимъ вліяніемъ, шедшимъ въ первой половинѣ II тысячелѣтія до Р. Х. изъ Египта.

При сооруженіи катакомбъ сначала вырывали входныя ямы; формы послѣднихъ довольно разнообразны; господствуютъ четырехугольныя съ сильно округленными углами; рѣже встрѣчаются овальныя или почти круглыя; размѣры ямъ также разнообразны, но въ общемъ невелики. Для спуска на дно ихъ часто устраивалось по одной, по двѣ и даже по три ступеньки. Катакомба сооружалась подкопомъ подъ одну стѣну входной ямы. Дно катакомбы обыкновенно посыпалось или золой, или известью, или красной краской. Посыпка бываетъ или сплошной, или частичной. Значеніе ея—вполнѣ ритуальное. Зола и вмѣстѣ съ нею уголь, являясь результатомъ горѣнія огня, указываютъ на вѣру въ очистительную силу послѣдняго, что подтверждается существованіемъ у катакомбнаго человѣка обряда сожженія труповъ. Известь и краска, повидимому, употреблялись,

какъ символы того же огня. Ими посыпались не только дно катакомбы, но и разныя вещи и сами покойники. Нерѣдко въ катакомбахъ ставились жаровни, въ видѣ особой формы глинянаго сосуда или въ видѣ крупнаго обломка такового; обыкновенно, въ нихъ находятся зола и уголь, а иногда и куски краски.

Въ катакомбахъ наблюдаются три различныхъ формы погребеній: сожженіе, расчлененіе и обычное трупоположеніе. Покойники въ простыхъ погребеніяхъ полагались скорченно, преимущественно на правомъ боку, лицомъ къ выходу изъ катакомбы. Ориентировка покойниковъ въ отношеніи странъ свѣта соблюдалась не очень строго.

При умершихъ, обыкновенно, полагались разныя вещи, въ составъ которыхъ входили подѣлки изъ бронзы, серебра, камня, кости, стекла, глины и др. Встрѣчались остатки ткани и мѣховой одежды. Нѣкоторыя катакомбы оказываются ограбленными еще въ древнее время современниками ихъ сооруженія, и потому слѣдуетъ заключить, что въ нихъ полагались и болѣе цѣнныя, вѣроятно, золотыя вещи.

Наиболѣе многочисленными среди всѣхъ бытовыхъ предметовъ являются глиняные сосуды. Формы ихъ просты. Поверхность большинства сосудовъ покрывалась обильнымъ и довольно красивымъ орнаментомъ, который, обыкновенно, начинался съ обрѣза шейки, покрывалъ всю ея поверхность и спускался пышными бахромами черезъ плечи сосуда на его бока. Сверхъ тисненыхъ узоровъ сосуды иногда покрывались и красками. Сосуды безъ орнамента встрѣчаются рѣдко и отличаются большими размѣрами и болѣе сильнымъ обжигомъ. Они очевидно предназначались для домашняго обихода, тогда какъ орнаментированные сосуды могли имѣть назначеніе декоративныхъ вещей, предназначавшихся для пользованія лишь въ болѣе торжественныхъ случаяхъ.

Во многихъ сосудахъ находилось или темнобурое, или желтоватое вещество. То и другое отлагалось на днахъ сосудовъ. Полагаютъ, что темнобурое вещество является засохшей кровью или пересошимъ мясомъ.

Желтое вещество походить на мелкій песокъ, но, при болѣе внимательномъ изученіи, въ немъ узнавались зерна проса, или пшена.

Интересно, что при постановкѣ сосудовъ въ могилы на дно многихъ изъ нихъ выливалась какая-то густая жидкость, стекавшая со дна на стѣнки и оставлявшая на нихъ темнобурые полосы и натеки. Весьма возможно, что это была кровь жертвенныхъ животныхъ, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ катакомбы нерѣдко полагались отрубленные головы и ноги овецъ и коровъ.

Верхъ витрины содержитъ памятники Донецкой катакомбной культуры изъ Астраханской, Ставропольской и Таврической губерній и Области Войска Донского. Изъ нихъ особенно интересны коллекціи изъ Верхн. и Нижн. Серогозъ, Мелитопольскаго у., Таврической губ., изъ раскопокъ Э. А. Брауна; въ составъ коллекціи входятъ каменные и бронзовые орудія, костяныя бусы и привѣски изъ звѣриныхъ зубовъ, костяная запона, костяныя головныя булавки (рис. 31 и 32), копытныя косточки овецъ и кости двухъ лапокъ собаки, а также куски красныхъ красокъ, найденныхъ при покойникахъ.

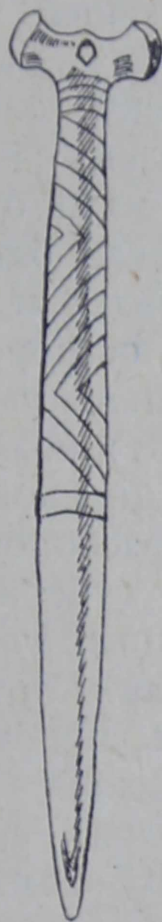


Рис. 31.



Рис. 32.

Внизу витрины находятъ коллекціи изъ разныхъ мѣстъ Екатеринославской и Харьковской губ. Изъ нихъ наиболѣе содержательны коллекціи В. А. Городцова изъ Изюмскаго у., Харьковской губ., въ составъ которыхъ входятъ глиняные сосуды, покрытые узорами, одна жаровня, въ видѣ отбитаго бока сосуда, содержащая внутри краску, бронзовые бусы, орудія и двѣ половины

литейной формы для отливки небольшихъ мѣдныхъ прутиковъ, изъ которыхъ выковывались мелкіе предметы въ родѣ ножей, шиль и т. п.

Коллекція Н. Е. Бранденбурга изъ раскопокъ близъ дер. Камышевахи, Бахмутскаго у., Екатеринославской губ.; въ составъ коллекціи входитъ часть человѣческаго черепа со слѣдами красной краски, три бронзовыхъ копьевидныхъ ножа, бронзовая конскія удила и глиняный горшочекъ съ раковиннымъ орнаментомъ.

Въ витринѣ 13 (верхъ) находятся памятники Донской срубной культуры, существовавшей почти одновременно съ катакомбной культурой. Покойники, какъ и въ предшествовавшей культурѣ, хоронились подъ курганами, въ срубяхъ, въ скорченномъ положеніи, въ большинствѣ случаевъ, головою на сѣверо-западъ, а въ меньшинствѣ случаевъ на сѣверо-востокъ. Культура срубнаго человѣка мало отличается отъ культуры катакомбнаго человѣка, однако существенная разница замѣчается въ формахъ и орнаментации глиняныхъ сосудовъ, имѣющихъ остросереберныя плечи и болѣе простой и бѣдный орнаментъ.

Верхняя полка—1) коллекціи изъ раскопокъ Н. Е. Бранденбурга изъ Донской области, 2) коллекція Д. Я. Самоквасова изъ раскопокъ въ Александровскомъ у., Екатеринославской губерніи, 3) коллекція изъ раскопокъ В. А. Харламова, въ Мариупольскомъ у., той же губерніи, въ составѣ которой особенно интересенъ каменный топорикъ, покрытый оброннымъ узоромъ.

2-я полка—коллекція В. И. Сизова изъ раскопаннаго кургана близъ с. Скорнякова, Задонскаго у., Воронежской губ. Въ этомъ курганѣ покойникъ лежалъ въ срубѣ, покрытомъ сверху шалашомъ; подобные шалаша были прослѣжены В. А. Городцовымъ въ Изюмскомъ у., Харьковской губ., и гр. А. А. Бобринскимъ—въ Кіевской губ.

Въ витринѣ 13 (низъ)—памятники Днѣпровской культуры. Днѣпровская культура по своему характеру тѣсно примыкаетъ къ культурамъ Зап. Европы. Характерные для нея блоковидные сосуды, сплошь покрытые орнаментомъ, распространяются отъ береговъ Днѣпра черезъ

всю Зап. Европу до Франціи, Англіи и до Пиренейскаго полуострова.

Витрины 14, 15 и 16.

Культуры Сѣвернаго Кавказа.

Кавказъ, находясь въ непосредственномъ соприкосновеніи съ Месопотаміей, являвшейся главнымъ культурнымъ очагомъ въ продолженіе всей бронзовой эпохи, развивался значительно быстрѣе, чѣмъ другія области Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что населеніе южной части Кавказа познакомилось съ металломъ ранѣе населенія сѣверной части. Къ сожалѣнію, благодаря недостаточности изслѣдованій, древнѣйшія металлическія культуры Южнаго Кавказа остаются неизвѣстными. Изъ отдѣльныхъ памятниковъ имѣется только мѣдный мечъ кипрскаго типа (въ формѣ копья съ длиннымъ черешкомъ), найденный въ окрестностяхъ г. Тифлиса и относящійся ко времени IV—III тысячелѣтія до Р. Х. (см. витр. 14, верхъ).

Въ Историческомъ Музеѣ хранятся памятники бронзовой эпохи только съ Сѣвернаго Кавказа, относимые къ первой половинѣ II тысячелѣтія до Р. Х.

Въ витринѣ 14 (верхъ и низъ) находится коллекція вещей, добытыхъ въ двухъ курганахъ близъ ст. Царской, Майкопскаго отд., Кубанской обл., раскопками проф. Н. И. Веселовскаго; въ составъ коллекціи входятъ замѣчательные предметы: на ряду съ кремневыми отлично обработанными орудіями (пилками, наконечниками стрѣлъ) найдены золотыя, серебряныя и бронзовыя вещи, обрывки очень тонкихъ тканей, одна изъ которыхъ окрашена въ пурпуровый цвѣтъ; среди золотыхъ и серебряныхъ вещей обращаютъ вниманіе пара серегъ, въ видѣ колечекъ съ каменными привѣсочками, золотыя бусы, серебряныя пронизи и крупныя иглы (прямая золотая и изогнутая серебряная). Къ украшеніямъ слѣдуетъ отнести большое число просверленныхъ зубовъ оленя, раскрашенныхъ краской. Въ составъ мѣдныхъ и бронзовыхъ вещей входятъ: топоры, ножи, копья, до-

лота, пластинки для рубанковъ (предметъ очень рѣдкій), три большихъ вилки (одна—однорогая и двѣ—двурогія, служившія для выниманія мяса изъ котловъ), разливательная ложка, два небольшихъ сосудика. Кромѣ описанныхъ предметовъ, при покойникахъ были найдены пять глиняныхъ сосудовъ (три—въ витринѣ 14, низъ, два—наверху витринъ 14 и 15).

Въ обоихъ курганахъ покойники были посыпаны ярко-красной краской (образцы см. въ витр. 14, низъ).

Въ витринѣ 15 находятся коллекціи, добытыя раскопками проф. Н. И. Веселовскаго въ разныхъ пунктахъ Майкопскаго отд., Кубанской обл. По составу своему вещи близки къ найденнымъ въ ст. Царской; наиболѣе замѣчательными представляются: 1) глиняныя жаровни на высокихъ нерасчлененныхъ ножкахъ; эти предметы обыкновенно ставились въ могилу къ покойнику, быть можетъ, съ ароматическими куреніями; 2) бѣлыя цилиндрическія бусы, сдѣланныя изъ костяной пасты; мѣсто производства ихъ до сихъ поръ остается невыясненнымъ; вѣроятно же всего, онѣ шли изъ Месопотаміи (изъ Вавилона), откуда далеко расходились черезъ Россію въ Зап. Европу и Сибирь; первое появленіе ихъ на Кавказѣ относится ко времени не ранѣе XV в. до Р. Х., но тамъ же онѣ существовали и значительно позже.

Въ витринѣ 16 находятся коллекціи изъ раскопокъ Н. И. Веселовскаго изъ тѣхъ же мѣстностей, что и въ предыдущей витринѣ, и, кромѣ того, изъ различныхъ пунктовъ Терской обл. Изъ послѣднихъ особенно интересны каменный топорикъ и мѣдный копьевидный ножъ, добытыя раскопками гр. П. С. Уваровой въ г. Нальчикѣ; изящный каменный топорикъ ясно подражаетъ мѣднымъ образцамъ (ср. топорикъ въ той же витринѣ, верхъ).

Витрины 17—20.

Сибирь.

Культуры Сибири въ бронзовую эпоху, судя по даннымъ современной археологіи, получили первое разви-

тіе подь живимъ вліяніемъ средне-азіатскаго и месо-потамскаго культурныхъ очаговъ. Возникновеніе сибирскихъ культуръ относится къ сравнительно позднему времени.

Главные центры Сибирской культуры совпадали съ областями Средняго Урала и Алтая.

Средне-уральская культура.

Средне-уральская культура начала бронзовой эпохи характеризуется большимъ количествомъ изящно оббитыхъ и шлифованныхъ каменныхъ орудій, рѣдкими случаями находокъ металлическихъ (мѣдныхъ и бронзовыхъ) вещей и богато орнаментированными глиняными сосудами.

Памятниками этой культуры является обширная коллекція обломковъ глиняной посуды, собранная близъ д. Палкина, Екатеринбургскаго у., Пермской губ., О. Е. Клеромъ и К. П. Оадѣевымъ (витр. 17 и 18).

Сибирскія культуры.

Сибирскія культуры начала бронзовой эпохи развились, повидимому, одновременно и тѣмъ же порядкомъ, какъ и Средне-уральская. При общемъ господствѣ каменныхъ орудій, сначала появляются въ небольшомъ количествѣ мѣдныя, въ видѣ копій, ножей, шилъ и др. Керамика долгое время удерживаетъ орнаментацию неолитическаго характера.

Въ витринѣ 19 помѣщены коллекціи изъ Томской и Иркутской губ. Заслуживаютъ особеннаго вниманія въ коллекціи С. А. Григорьева, собранной близъ г. Иркутска, цилиндрическія бѣлыя бусы, сдѣланныя изъ костяной пасты, которыя, какъ выше уже было отмѣчено, вырабатывались, вѣроятно же всего, въ Месопотаміи (сравн. бусы въ витр. 15).

Въ витринѣ 20 расположены коллекціи О. Б. Згерскаго-Струмилло, собранныя имъ въ Красноярскомъ и Канскомъ уу., Енисейской губ. Въ составъ коллекцій входятъ многочисленныя кремневые орудія, преимущественно, прекрасно оббитые наконечники стрѣлъ и

обломки глиняной круглодонной посуды, сплошь покрытой узорами. Особый интерес представляют и въ этой коллекціи бѣлыя цилиндрическія бусы изъ костяной пасты. Растекаясь по обширнѣйшей области Сибири, эти оригинальныя вещицы помогаютъ опредѣленію времени разнообразнѣйшихъ культуръ, часто имѣющихъ чрезвычайно архаическій видъ.

Зала 4.

Памятники конца бронзовой эпохи.

(Приблизительно, XV—X вв. до Р. X.).

Въ 4 залѣ коллекціи расположены двумя группами: въ одной изъ нихъ (въ деревянныхъ витринахъ вдоль глухой стѣны) помѣщаются памятники изъ разныхъ географическихъ областей Россіи и Сибири; въ другой (въ витринахъ вдоль оконъ)—памятники Кавказа.

Къ концу бронзовой эпохи во всѣхъ поименованныхъ областяхъ, за исключеніемъ Сѣвера и Запада Россіи, совершается быстрый переходъ отъ каменной индустріи къ металлической. Въ это время повсюду господствуютъ орудія и другіе предметы домашняго быта, сдѣланные изъ мѣди и бронзы. На Кавказѣ, въ Крыму, въ Восточной, Южной и Средней Россіи и Сибири возникаютъ спеціальныя мастерскія, откуда выработанный товаръ распространяется въ разныхъ направленіяхъ. Замѣтно возрастающее благосостояніе населенія обусловливаетъ притокъ такихъ же предметовъ иногда изъ очень отдаленныхъ странъ. Устанавливающійся такимъ образомъ обмѣнъ вещами даетъ возможность опредѣлять время и дѣловыя сношенія между разнообразными народами.

Витрина 1 (верхъ).

Культуры Сѣверной Россіи.

Культуры Сѣверной Россіи значительно отставали отъ другихъ областей въ своемъ обогащеніи металли-

ческими орудіями; но тѣмъ не менѣе къ концу бронзовой эпохи и туда такія орудія успѣли проникнуть, при чемъ съверо-западъ (Финляндія) испытывалъ вліяніе Швеціи и Норвегіи, а центральныя и восточныя области—Приуралья.

Полка 1-я—копіи каменныхъ и бронзовыхъ орудій, типичныхъ для времени. Представленныя здѣсь копіи съ мечей и долотовиднаго топора (пальштаба) являются привознымъ товаромъ или изъ Скандинавіи, или изъ Даніи, или изъ славянскаго сѣвера Германіи, гдѣ такія формы обычны.

Полка 2-я—каменныя орудія, изъ которыхъ нѣкоторыя украшены скульптурными головками медвѣдей, характерныя для средняго района сѣверной области. Планшета справа—бронзовые кинжалъ, браслетъ и идольчики, происходящіе изъ клада, найденнаго близъ г. Галича, Костромской губ.

Витрина 1 (низъ).

Культуры Средней Россіи.

Въ витринѣ расположены коллекціи изъ стоянки близъ с. Алканова, Рязанской губ. и уѣзда, и изъ двухъ могильниковъ (Старшаго и Младшаго), открытыхъ близъ д. Волосовой, Муромскаго у., Владимірской губ. Собранный матеріалъ указываетъ, что въ Средней Россіи долго удерживались въ употребленіи кремневыя орудія, и что обогащеніе металлическими орудіями происходило сначала подъ южнымъ и восточнымъ (уральскимъ) вліяніемъ, а въ концѣ эпохи—подъ скандинавскимъ. Характерные предметы послѣдняго вліянія оказались въ Младшемъ Волосовскомъ могильникѣ, раскопанномъ В. А. Городцовымъ, въ видѣ бронзовыхъ умбо (круглой бляхи, специально предназначавшейся для украшенія круглыхъ боевыхъ щитовъ) и узкихъ кельтовъ (долотовидныхъ топоровъ) меларскаго типа (см. среднюю планшету). Притокъ этихъ вещей съ Запада совпадаетъ со временемъ появленія въ Средней Россіи желѣзныхъ орудій, приблизительно, около XI—IX вв. до Р. Х.

Витрина 2.

Въ витринѣ помѣщаются предметы изъ клада, найденнаго близъ с. Сосновой Мазы, Хвалынскаго у., Саратовской губ. Въ составъ клада входятъ: серпы (рис. 33),

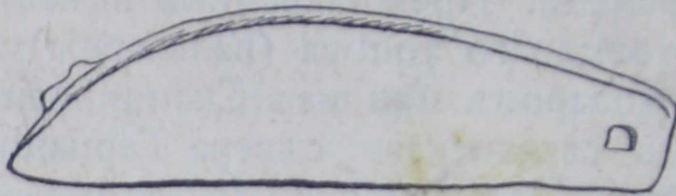


Рис. 33.

кинжалы (рис. 34), кельты, долота и куски бронзовыхъ сплавовъ. Многія изъ вещей являются не законченными въ обработкѣ, а оставленными въ томъ видѣ, какъ онѣ вышли изъ литейныхъ формъ. Имѣются предметы (кинжалы и серпы), отливка которыхъ оказалась совершенно неудачной, вслѣдствіе того, что половинки литейныхъ формъ сдвинулись. Нѣкоторыя изъ неудачно-отлитыхъ вещей разбиты на куски съ очевидной цѣлью вторичной переливки ихъ. Все это указываетъ, что предметы клада происходятъ изъ литейной мастерской. Неоднократно повторенный въ Россіи и за границей (въ Америкѣ) химическій анализъ указываетъ на интересный сортъ бронзы, въ составъ которой вошло 91,55% мѣди и 6,22% желѣза.

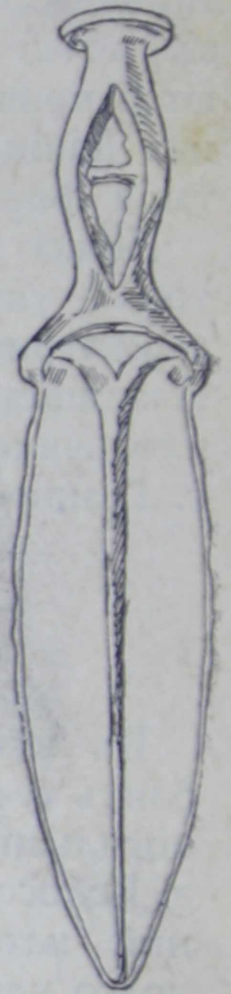


Рис. 34.

Витрина 3.

Культуры Восточной Россіи.

Наибольшее число памятниковъ конца бронзовой эпохи найдено въ области соединенія Камы съ Волгой, гдѣ, повидимому, существовалъ довольно развитой

культурный очагъ, къ сожалѣнію, еще недостаточно обследованный и поэтому обозначающійся болѣе или менѣе случайными находками. Возникновеніе этого очага обуславливалось природными богатствами края вообще и, въ особенности, присутствіемъ мѣдныхъ рудъ въ Уральскихъ горахъ и ихъ отрогахъ. Слѣды разработки этихъ рудъ человѣкомъ конца бронзовой эпохи найдены въ видѣ заброшенныхъ копей, а остатки древнихъ литейныхъ мастерскихъ свидѣлствуютъ о выработкѣ изъ мѣстной руды бронзовыхъ орудій.

Въ общемъ всѣ находки, относящіяся къ концу бронзовой эпохи въ Восточной Россіи, показываютъ, что населеніе ея было довольно культурно: знало земледѣліе, скотоводство, умѣло добывать и обрабатывать металлы и жило довольно богато.

Предметы, расположенные въ витринѣ, составляютъ преимущественно случайныя находки, сдѣланныя въ различныхъ мѣстностяхъ Волжско-Камской области.

Верхъ (полка 1-я)—коллекція изъ г. Елабуги, Вятской губ.: три бронзовыхъ топора съ вислыми обухами, долотовидный топоръ и кинжалъ. Коллекція вещей изъ Каракулинскаго могильника, Сарапульскаго у., Вятской губ.; въ составъ коллекціи входятъ: долотообразный топоръ (кельтъ), зеркало, круглыя бляхи, мелкія украшенія и обломки глиняной посуды.

Полка 2-я—два кельта изъ Тетюшскаго у., Казанской губ.; два копья, кинжалъ и кельтъ изъ г. Елабуги, Вятской губ.; кельтъ и топоръ съ вислымъ обухомъ изъ с. Лопьяль, Уржумскаго у., той же губ.; три кельта и мелкія круглыя бляшки изъ раскопокъ И. Н. Смирнова близъ с. Дмитріевскаго, Елабужскаго у., Вятской губ.; и топоръ съ вислымъ обухомъ изъ д. Сухаревой, Сарапульскаго у., Вятской губ.; топоръ принесенъ въ даръ Музею И. Е. Коноваловымъ.

Низъ витрины—бронзовые копье и два ножа изъ д. Красный Яръ, Уфимской губ., даръ О. Х. Мандисона; топоръ съ вислымъ обухомъ, серпъ и долото изъ с. Миловки, той же губ. и уѣзда; бронзовый кинжалъ изъ той же губ.; бронзовый топоръ съ вислымъ обухомъ изъ Бирскаго у., той же губ., принесенный въ даръ

Музею Н. И. Булычевымъ; бронзовый прорѣзной наконечникъ копья изъ с. Елеева, того же уѣзда и губерніи.

Интересна коллекція предметовъ изъ с. Воскресенскаго, Екатеринбургскаго у., Пермской губ. (средняя планшета, спереди); вещи были найдены при костякѣ въ курганѣ; при покойникѣ были положены два бронзовыя копья, изъ нихъ одно прорѣзное съ орнаментомъ, бронзовый ножъ, три круглыя бляхи и два глиняныхъ сосудика (одинъ въ черепкахъ); близъ этого же села была найдена очень любопытная каменная форма для отливки двухъ серповъ. Изъ Пермской же губ. происходятъ и остальные предметы, расположенные въ этой витринѣ: бронзовые копье и ножъ, двѣ круглыя бляхи и каменный дискъ изъ раскопокъ В. В. Гольмстенъ близъ д. Ср.-Иткулово, Екатеринбургскаго у.; бронзовые топоры, прорѣзныя и простыя копья, кельты, бусы и другіе предметы изъ разныхъ мѣстъ той же губерніи. Въ серединѣ витрины находится каменный пестикообразный предметъ, назначеніе котораго точно неизвѣстно.

Витрина 4.

Культуры Южной Россіи.

Въ концѣ бронзовой эпохи культуры Южной Россіи получаютъ довольно значительное развитіе и испытываютъ разнообразныя вліянія, изъ которыхъ наиболѣе сильнымъ является южное, со стороны Малой Азіи; сильно вліяніе также Урала; менѣе же значительно—со стороны Венгріи.

Очень характерными явленіями въ культурѣ представляются: 1) мѣстное, повидимому, сильно развитое производство металлическихъ орудій, о чемъ свидѣтельствуютъ прекрасно выработанныя каменные литейныя формы, и 2) появленіе первыхъ образцовъ идиографическаго письма, зафиксированнаго на глиняныхъ сосудахъ.

Верхъ (полки 1-я и 2-я)—бронзовые топоры съ вислыми обухами (рис. 35), серпъ и долота изъ Воронежской и Харьковской губерній.

Низъ—литейныя формы, вырѣзанныя изъ стеатита и другихъ породъ, найденныя въ Таврической губ., близъ с. Кардашинки. По своему брусковому виду и вырѣзкамъ на всѣхъ граняхъ гнѣздъ для отливки разныхъ предметовъ, равно какъ и по своему матеріалу, стеатитовыя формы оказываются совершенно схожими съ найденными въ развалинахъ древней Трои, въ Малой Азіи.



Рис. 37.



Рис. 35.

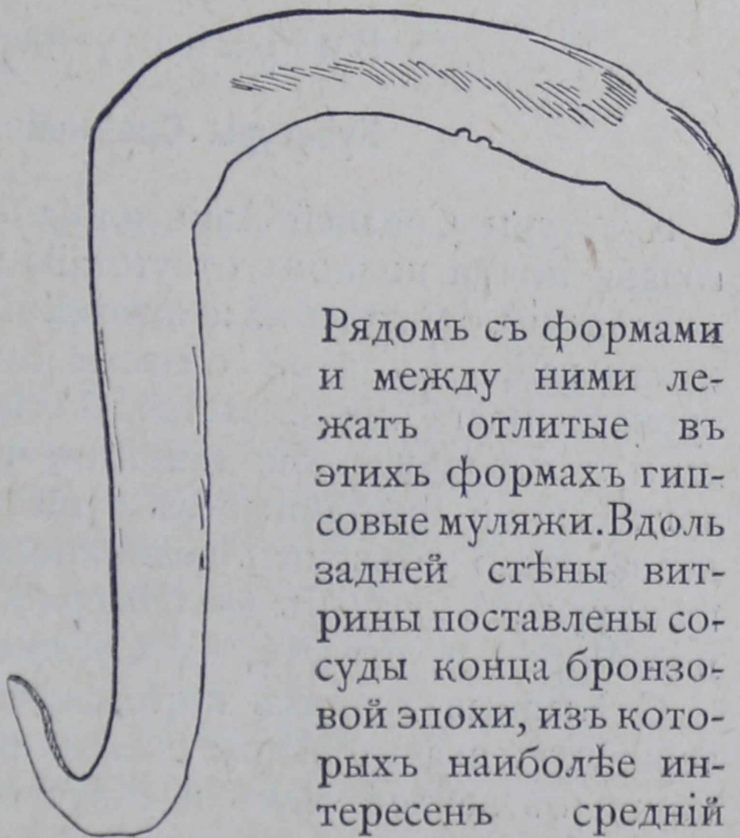


Рис. 36.

Рядомъ съ формами и между ними лежатъ отлитые въ этихъ формахъ гипсовые муляжи. Вдоль задней стѣны витрины поставлены сосуды конца бронзовой эпохи, изъ которыхъ наиболѣе интересенъ средній съ идиографическими знаками, въ видѣ крестовъ и другихъ

болѣ сложныхъ фигуръ, расположенныхъ вокругъ сосуда въ строку (для ясности значки обведены краснымъ карандашомъ). Любопытны бронзовые серпы, найденные въ Екатеринославской губ., изъ нихъ одинъ, узкій, повторяетъ совершенно точно венгерскіе серпы (рис. 36), а другой, широкій, является болѣ оригинальной формой, указывающей на сродство со средне-азиатскими серпами (рис. 37). Изъ предметовъ, найденныхъ въ Таврической губ., Бердянскаго у., близъ с. Елистева, интересенъ копьевидный ножъ съ загнутымъ концомъ; заслуживаетъ вниманія именно этотъ послѣдній признакъ, служившій, какъ объяснилъ С. К. Кузнецовъ, для гаданія по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ; чтобы не разрывать нѣжныхъ покрововъ внутреннихъ органовъ, конецъ этихъ ножей притуплялся и загибался вверхъ. Остальные предметы имѣютъ болѣ или менѣ случайный характеръ и происходятъ изъ разныхъ мѣстъ Южной Россіи.

Витрина 5 (верхъ).

Культуры Средней Азіи.

Культуры Средней Азіи конца бронзовой эпохи, благодаря почти полному отсутствію археологическихъ изслѣдованій, остаются мало извѣстными. Несомнѣнное существованіе въ этой области самостоятельнаго культурнаго очага доказывается болѣ логическими доводами и историческими данными, чѣмъ добытыми археологическими фактами: безъ существованія такого очага невозможно объяснить возникновеніе второстепенныхъ культурныхъ очаговъ въ Сѣверной Индіи, Китаѣ, Южной Россіи и, отчасти, въ Средней Европѣ.

Сдѣланныя до сихъ поръ, случайныя находки характеризуютъ значительную степень развитія культуры, знакомой съ земледѣліемъ и скотоводствомъ.

Наиболѣ интересныя вещи найдены въ Семирѣченской обл., на берегахъ озера Иссыкъ-Куля и близъ г. Вѣрнаго. Въ составъ ихъ входятъ: бронзовые массивные топоры съ вислыми обухами и длинными узкими клин-



Рис. 39.

ками, простыя и прорѣзные копья (рис. 38), серпы (рис. 39), копьевидные ножи, конскія удила съ уздечнымъ наборомъ и сосудики. Серпы—разныхъ типовъ, съ широкими пластинками и разными приспособленіями для скрѣпленія съ рукояткой, что указываетъ на распространенное земледѣліе.

Любопытна мѣдная кирка, найденная въ гор. Усть-Каменогорскѣ вмѣстѣ съ двумя долотами.

Витрины 5 (низъ)—10.

Культуры Сибири.

Культуры Сибири въ концѣ бронзовой эпохи развивались подъ живымъ вліяніемъ средне-азиатскаго культурнаго очага, испытывая въ то же время и вліяніе со стороны Китая. Наиболѣе богатой культурой является Алтайская на истокахъ р. Енисея, гдѣ, на протяженіи отъ г. Минусинска до г. Красноярска, вся мѣстность покрыта памятниками этого времени въ видѣ кургановъ, могильниковъ, рудныхъ копей и множества отдѣльных затерянныхъ



Рис. 38.

предметовъ. Алтайскія издѣлія вырабатывались въ такомъ большомъ количествѣ, что масса ихъ расходилась далеко къ востоку и западу въ области менѣ развитыхъ народовъ. Алтайскія мѣдно-бронзовыя издѣлія

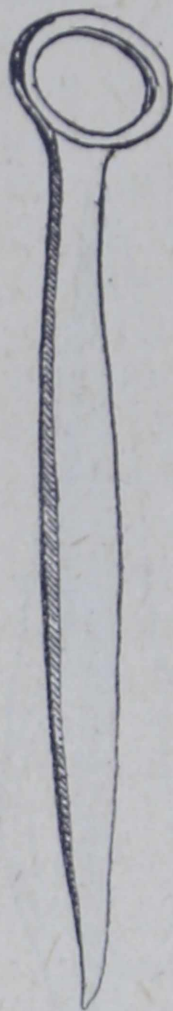


Рис. 40.

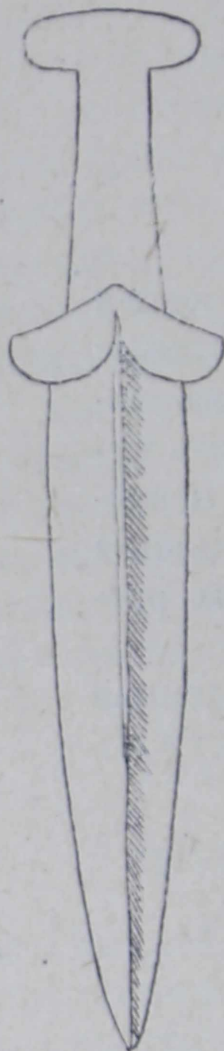


Рис. 41.

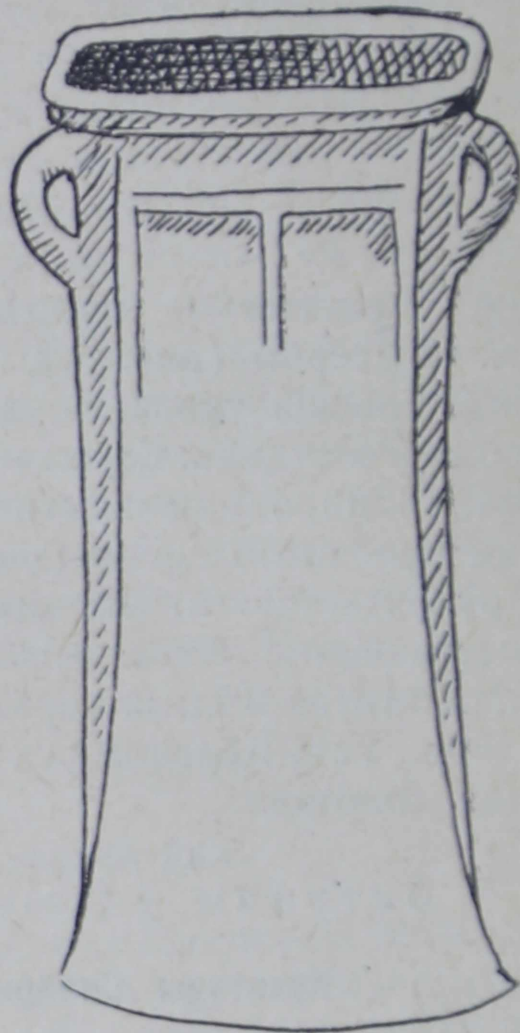


Рис. 42.

имѣютъ настолько своеобразный характеръ, что легко отличаются отъ другихъ.

Особенно характерны ножи (рис. 40) и кинжалы (рис. 41), боевые молоты, или клевцы, и гвоздевидныя головныя булавки. Общими типами для всѣхъ сибирскихъ культуръ являются кельты (долотовидные топоры) (рис. 42), получившіе здѣсь наибольшее разнообразіе формъ.

Въ витринѣ 5 (низъ) помѣщены коллекціи, принесенныя въ даръ И. А. Лопатинымъ; предметы собраны

имъ въ Минусинскомъ округѣ, Енисейской губ. Въ составъ коллекцій входятъ мѣдно-бронзовые ножи [съ отверстиями въ рукояткахъ для привязи къ поясу, узкіе ножевидные серпы (рис. 43), характерные алтайскіе кинжалы, кельты, долота, головныя булавки и нѣкоторые другіе предметы.

Въ витринѣ 6 (верхъ) находятся коллекціи изъ Минусинскаго окр., Енисейской губ., собранныя Августовскимъ.

Та же витрина (низъ) — обширная коллекція, собранная въ томъ же Минусинскомъ округѣ О. Б. Згерскимъ-Струмилло. Въ этомъ собраніи представляютъ интересъ слѣдующіе предметы: 1) двѣ половинки одной мѣдной формы для отливки кельта; 2) ножи съ рукоятками, украшенными фигурками животныхъ; 3) конскія удила и псаліи; 4) зеркала, изъ которыхъ замѣчательно одно съ ручкой въ видѣ четырехъ горныхъ козловъ; 5) разныя бляхи, то въ формѣ животныхъ, то въ видѣ человеческой личины. Среди вещей этого собранія многія носятъ ясныя слѣды китайскаго вліянія, если только вещи не взяты цѣликомъ изъ Китая; къ такимъ предметамъ слѣдуетъ отнести кривые, какъ бы согнутые пополамъ, ножи и круглыя зеркала съ кнопкой для держанія ихъ. Нельзя не отмѣтить также присутствія въ коллекціи массивнаго топора съ вислымъ обухомъ, форма котораго указываетъ на существовавшую связь со Средней Азіей.



Рис. 43.

Въ витринѣ 7 (верхъ) — предметы изъ разныхъ мѣстностей Тобольской губ.; типы ихъ довольно обычны для Западной Сибири. На ряду съ бронзовыми встрѣчаются каменные полированные и костяныя орудія. Любопытны глиняные круглодонныя сосудики съ четырех-

угольными прорѣзями въ бокахъ (рис. 44). Эти сосуды добыты изъ погребеній; сдѣланныя въ бокахъ прорѣзи имѣютъ, очевидно, ритуальное значеніе, точный смыслъ котораго остается неразъясненнымъ. Обычай прорѣзать глиняные сосуды, сопровождавшіе покойниковъ, существовалъ въ разное время и у разныхъ народовъ; самое любопытное для русской археологіи то, что такой обычай существовалъ у русскихъ славян-

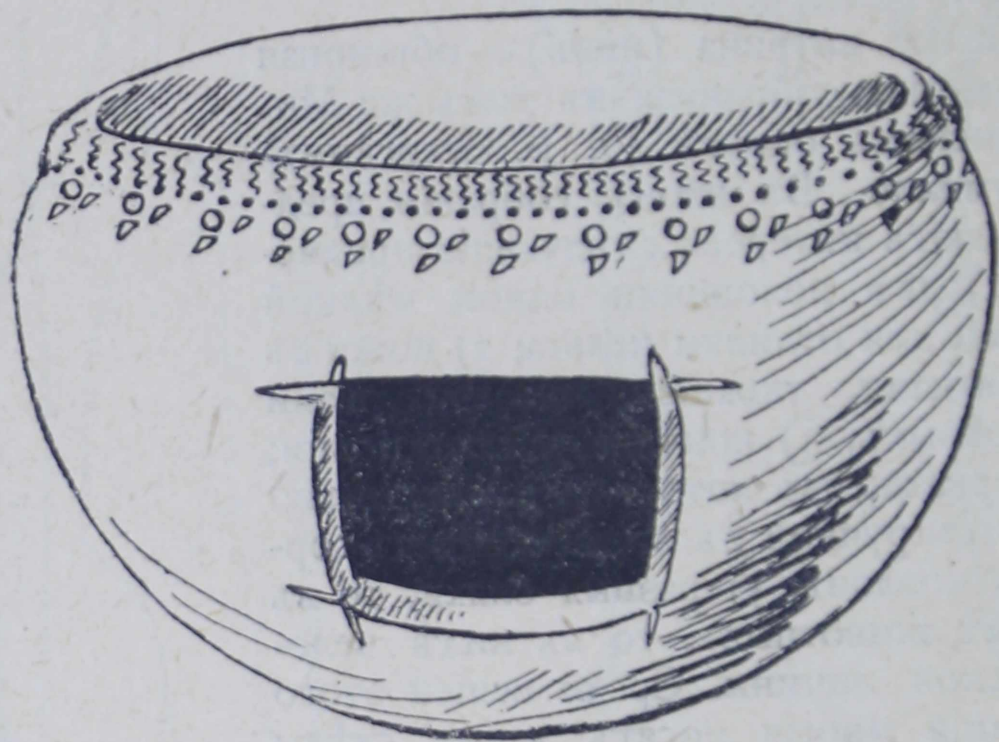


Рис. 44.

скихъ племенъ. У вятичей (см. зала 13, витр. 3) погребальные сосуды имѣли четырехугольныя вырѣзки, а у новгородскаго племени—словенъ эти сосуды пробивались со дна (см. зала 9, витр. 3).

Въ витринѣ 7 (низъ)—памятники, собранные въ разныхъ мѣстностяхъ Енисейской губ. Особенный интересъ представляетъ собраніе И. П. Кузнецова; предметы происходятъ изъ раскопокъ, произведенныхъ около 1885 г. близъ г. Красноярска. Покойники сопровождалась бронзовыми орудіями, глиняными сосудами и костями домашнихъ животныхъ (см. рис. въ серединѣ витрины).

Въ витринѣ 8 (верхъ) и 9 (низъ)—обширная коллекція бронзовыхъ орудій и разныхъ вещей бытового

назначенія, глиняные сосудики и нѣкоторые другіе предметы, добытые раскопками А. В. Адрианова въ Минусинскомъ округѣ, Енисейской губ. Коллекціи эти датируются бѣлыми цилиндрическими бусами изъ костяной пасты (витр. 8, низъ, двѣ планшеты справа, и витр. 9, низъ, средняя планшета), существовавшими около XV в. до Р. Х. и позже. Среди вещей обращаютъ вниманіе предметы вотивнаго (обѣтнаго) назначенія, сопровождавшіе покойниковъ. Характерными признаками этихъ вещей являются ихъ малые размѣры. Въ силу требованія религіи сопровождать покойниковъ вещами и въ виду цѣнности такихъ вещей, родственники полагали своимъ умершимъ копіи съ предметовъ; таковы въ нижней витринѣ бронзовые кинжальчики, металлическія зеркала въ видѣ плоскихъ кружковъ, клевцы (боевые топоры) и др.

Въ витринѣ 9 (верхъ)—предметы изъ раскопокъ Г. О. Оссовскаго изъ Маріинскаго округа, Томской губ.; большинство вещей коллекціи имѣютъ тоже вотивный характеръ и представляютъ бронзовые кинжалы, ножи, клевцы и др. Относятся онѣ, повидимому, къ болѣе позднему времени, чѣмъ предыдущая коллекція, именно, ко времени, когда обычай пользованія вотивными вещами былъ особенно развитъ.

Интересна бронзовая статуэтка, изображающая Озириса, случайно найденная въ Томской губ. находка эта указываетъ на вліяніе культуры Египта на Сибирь и на связь, существовавшую между этими двумя странами.

Въ витринѣ 10 (верхъ) находятся коллекціи изъ Енисейской губ., Ачинскаго и Минусинскаго округовъ; коллекціи добыты раскопками Д. А. Клеменца и, кромѣ обычныхъ бытовыхъ предметовъ въ видѣ бронзовыхъ ножей, шиль, костяныхъ стрѣлъ, украшеній, содержатъ также нѣкоторое количество вотивныхъ вещей.

Въ витринѣ 10 (низъ)—коллекціи изъ раскопокъ А. В. Адрианова въ Абаканской степи, Минусинскаго округа, Енисейской губ. Наиболѣе важными предметами въ этихъ коллекціяхъ являются гипсовыя маски. Обычай покрывать лицо покойника подобными масками

былъ широко распространень въ Зап. Сибири во времена перехода отъ употребленія бронзовыхъ орудій къ желѣзнымъ. Изученіе гипсовыхъ масокъ дало возможность предполагать, что имъ старались придавать сходство съ умершими. Въ этомъ обычаѣ возможно усматривать еще одно доказательство вліянія Египта на сибирскія культуры даннаго времени. Въ коллекціяхъ слѣдуетъ также отмѣтить присутствіе бѣлыхъ цилиндрическихъ бусъ изъ костяной пасты (см. планшету спереди).

Витрины 11—19.

Культуры Кавказа.

Въ концѣ бронзовой эпохи въ горахъ Кавказа вспыхнуло нѣсколько яркихъ и своеобразныхъ очаговъ, представителями которыхъ являются культуры: Кобанская, Фаскауская на Сѣв. Кавказѣ и Урартійская (народа наири)—на Южн. Кавказѣ.

Характерными признаками культуръ являются: 1) необыкновенное изобиліе бронзовыхъ предметовъ, 2) первое появленіе желѣза, чаще всего въ видѣ украшеній, что указываетъ на высокую стоимость этого металла, и 3) находеніе въ бытѣ позднѣйшихъ каменныхъ орудій.

Развитіе культуръ Кавказа этого времени совершалось подъ вліяніемъ Месопотаміи и Сиріи (страны хеттовъ). Въ свою очередь культуры Кавказа оказывали вліяніе на южно-русскія области и даже на отдаленныя области Средней и Сѣверной Европы (Скандинавія).

Въ витринахъ 11 и 12 находятся памятники Кобанской культуры. Имя свое культура получила отъ аула Кобань, Терской обл., гдѣ въ 1869 г. былъ открытъ обширный и богатый могильникъ. Покойники въ этомъ могильникѣ были находимы въ каменныхъ ящикахъ изъ плитъ песчаника. Умершіе полагались преимущественно на правомъ боку въ согнутомъ положеніи и сопровождались различными вещами въ большомъ количествѣ (см. модели въ витр. 11). При мужчинахъ находилось оружіе: кинжалы, топоры, булавы и украшенія: браслеты на рукахъ и на ногахъ, фибулы (застежки), брон-

зовые широкіе пояса и поясныя бляхи; женщины сопровождалась различнаго рода украшеніями.

Позже въ разныхъ другихъ мѣстахъ Сѣв. Кавказа были также обнаружены памятники Кобанской культуры.

Изъ предметовъ Кобанской культуры обращаютъ вниманіе поясныя пряжки съ желѣзной инкрустаціей (витр. 12, полка 3-я); широкія длинныя пластинки съ однимъ крючкомъ; копія съ двухъ половинокъ каменной формы для отливки топоровъ кобанскаго типа (витр. 12, полка 5-я); привѣски въ видѣ животныхъ или головокъ каменныхъ барановъ и др.

Въ витринахъ 13, 14, 15 и на первыхъ четырехъ полкахъ 16 находятся памятники Фаскауской культуры. Культура получила свое имя отъ могильника Фаскау, Терской области. Время культуры до сихъ поръ точно не опредѣлено, такъ какъ главная масса собранныхъ памятниковъ добыта кладоискателями, что значительно отняло у нихъ научную цѣнность; судя же по разнымъ типамъ бронзовыхъ орудій, можно полагать, что культура существовала частью одновременно съ Кобанской культурой въ концѣ бронзовой эпохи, а частью и позже, т.-е. въ началѣ желѣзной эпохи. Обширныя коллекціи Историческаго Музея были куплены у горца И. Б. Дзелихова. Въ составъ коллекціи входятъ разнообразныя типы топоровъ, изъ которыхъ особенно интересны бронзовые съ фигурными лезвіями и длинными втулками (витр. 14, полка 4-я, и витр. 15, полка 1-я), нигдѣ въ другихъ культурахъ еще не обнаруженные; громаднхъ размѣровъ булавки со спирально-завитыми плоскими головками (витр. 14 и 15, низъ), служившія для застегиванья верхней одежды—плащей; обыкновенно эти булавки находятся попарно на груди покойника; очень интересенъ коническій бронзовый шлемъ (витр. 14—15, низъ), напоминающій формой древне-ассирійскіе шлемы.

Въ витринѣ 16 (полки 1-я—4-я) расположены коллекціи изъ раскопокъ К. И. Ольшевскаго, В. А. Долбежова и гр. А. А. Бобринскаго изъ разныхъ мѣстъ Сѣвернаго Кавказа; всѣ эти предметы принадлежатъ, повидимому, той же культурѣ.

На полкѣ 5-й хранятся бронзовые орудія: кинжалы, копья и др. изъ Тифлисской губ.; треугольные кинжалы своей оригинальной формой указываютъ на существованіе въ Тифлисской губ. особой культуры, которая еще не изучена и поэтому не можетъ быть выдѣлена. Къ этой культурѣ слѣдуетъ отнести и два бронзовыхъ меча (низъ витрины, слѣва) изъ г. Тифлиса и г. Баку.

Низъ витрины 16 занятъ предметами изъ раскопокъ В. А. Городцова въ с. Цагвери, близъ им. Боржомъ, гдѣ на глубинѣ семи аршинъ, подъ нѣсколькими культурными наслоеніями, были открыты развалины богатой мастерской, въ которой вырабатывались мѣдныя, бронзовые и каменные (обсидіановыя) вещи. Мастерская была обставлена огромными камнями, представляя внутри помѣщеніе около 6 арш. ширины, длина же ея осталась невыясненной, такъ какъ часть ея была размыта р. Черной (Гуджареткой). Полъ мастерской на четверть аршина былъ покрытъ чернымъ слоемъ, содержащимъ въ себѣ много углей, золы, костей домашнихъ животныхъ (коровы, лошади, овцы и др.), огромное количество осколковъ обсидіана, среди которыхъ найдены прекрасно обработанные наконечники стрѣлъ, ножевидныя пластинки и скребки; тутъ же на ряду съ ними оказались обломки тиглей, нѣкоторые изъ которыхъ содержали еще остатки застывшей бронзы; обломки многихъ глиняныхъ литейныхъ формъ, глиняные наконечники раздувальныхъ кузнечныхъ мѣховъ (сопла); мѣдные шлаки, обломки точильныхъ брусковъ и одинъ цѣлый большой точильный камень, два обломка андизитовыхъ (каменныхъ) ступъ, въ которыхъ, повидимому, измельчалась мѣдная руда. Изъ предметовъ домашняго быта особенно часто попадались обломки глиняной посуды высокой техники, подѣлки изъ рога и кости животныхъ, мѣдное шило и одна игла, свистокъ изъ фаланги оленя, просверленная раковина устрицы, служившая привѣской. Время мастерской можно относить къ концу бронзовой эпохи (XV в. до Р. Х.).

Въ витринахъ 17, 18 и 19 расположены памятники народа наири (Урарту). Народъ наири обиталъ южнѣе

Кавказскаго хребта, владѣя истоками великихъ рѣкъ Месопотаміи—Тигра и Евфрата, а также озерами Гокчей и Ваномъ. Этотъ народъ стоялъ особнякомъ и, если отъ него не происходятъ нынѣшніе грузины, то, по мнѣнію М. В. Никольскаго, его слѣдуетъ считать совершенно исчезнувшимъ изъ среды современныхъ обитателей Малой Азіи и Закавказья. Имя свое народъ получилъ отъ семитскаго «нару»—«рѣка», обозначающаго, что народъ жилъ на верховьяхъ рѣкъ.

Памятники культуры наири восходятъ къ глубокой древности. Часть ихъ, несомнѣнно, относится къ концу бронзовой эпохи, но главная масса принадлежитъ къ первой половинѣ ранней поры желѣзной эпохи. Народъ наири рано вступилъ въ сферу исторической жизни; первое упоминаніе о немъ относится приблизительно къ 1300 г. до Р. Х., когда ассирійскій царь Салманасаръ I построилъ нѣсколько городовъ для защиты своихъ владѣній отъ набѣговъ племенъ наири. Съ этого времени имя народа постоянно встрѣчается въ ассирійской литературѣ по 700 г. до Р. Х., когда, подъ ударами ассирійскаго царя Синахериба, сына Саргона II, и скиѳовъ Средней Азіи и Южной Россіи, царство этого народа было стерто съ лица земли.

Памятниками жизни народа наири въ настоящее время являются развалины городовъ, храмовъ, дворцовъ, селеній множество погребеній въ курганахъ и могильникахъ и, что особенно важно, надписи на хорошо вытесанныхъ плитахъ и скалахъ. Его клинообразная письменность была заимствована отъ ассирійцевъ; изъ нея мы узнаемъ названія городовъ, имена царей, боговъ, о разнаго рода политическихъ событіяхъ и проч.

Въ Историческомъ Музеѣ находятся лучшія коллекціи, относящіяся къ Урартійской культурѣ.

Въ витринѣ 17 на двухъ верхнихъ полкахъ хранится коллекція изъ раскопокъ въ Елисаветпольской губ. и уѣздѣ, сс. Човдаръ, Еленендорфъ, Мирзикъ, Топаль-Хасанлы.

На остальныхъ полкахъ этой витрины и въ витр. 18 размѣщена коллекція Э. Ресслера изъ разныхъ мѣстностей Эриванской и Елисаветпольской губ. На ряду съ

ними находятся небольшія собранія П. И. Шукина и Е. Амамчянца.

Въ витринѣ 19 находятся коллекціи изъ раскопокъ А. А. Ивановскаго въ разныхъ пунктахъ Елисаветпольской губ.

Въ составъ этихъ обширныхъ коллекцій входитъ чрезвычайно много интересныхъ предметовъ частью мѣстнаго производства, а частью привозныхъ изъ Египта, Сиріи и Месопотаміи. Къ предметамъ мѣстнаго производства слѣдуетъ отнести почти всю глиняную посуду, отличающуюся оригинальностью формы и инкрустированного орнамента, въ которомъ фигурируютъ въ крайне стилизованномъ видѣ изображенія человѣка, животныхъ и др.; большинство издѣлій—изъ бронзы мѣди и камня; сердоликовыя бусы также являются мѣстными издѣліями. Изъ Египта, привозились бусы изъ голубоватой пасты (см. витр. 17, полка 5-я и витр. 19, полка 3-я и 5-я). Къ сирійскимъ издѣліямъ могутъ быть отнесены сѣчкообразные топоры (витр. 18, полка 3-я), хотя эта форма могла быть и мѣстной, заимствованной отъ такъ назыв. хеттскихъ топоровъ. Изъ Месопотаміи получалась глазированная посуда (витр. 17, полка 3-я, обломки съ изображеніемъ льва), нѣкоторыя золотыя вещи и, вѣроятно же всего, круглыя бляхи изъ бѣлой пасты (витр. 19, полка 4-я).

На колонкѣ въ углу установленъ андизитовый камень съ клинописной надписью, найденный М. В. Никольскимъ и А. А. Ивановскимъ близъ г. Эривани на холмѣ «Ганли-топа»; камень происходитъ изъ развалинъ крѣпости, построенной урартійскимъ царемъ Аргишти въ VII в. до Р. X.; надпись гласитъ слѣдующее: «Аргишти сынъ Менуа, эту крѣпость соорудилъ изъ 10000 камней этихъ».

На стѣнѣ, противъ витр. 19, находится гипсовая копія съ плиты, покрытой клиновисью урартійскаго (ванскаго) царя Русы II, сына Аргишти II, VII в. до Р. X. Надпись начинается съ посвященія плиты божествамъ. Далѣе упоминается о заслугахъ царя Русы: о покореніи страны Куарлини, о насажденіяхъ, сдѣланныхъ имъ, о каналѣ, прорытомъ для орошенія этихъ насажденій, и о жер-

твахъ, принесенныхъ божеству Хальду, Теисбу (божество вѣтра и бурь), Ардини (божество солнца). Конецъ надписи содержитъ заклинательную формулу, въ которой царь Руса грозитъ гнѣвомъ боговъ тому, кто уничтожитъ или испортитъ его памятникъ. Плита найдена въ Эриванской губ., близъ Эчмиадзинскаго монастыря, гдѣ и хранится.

На глухой стѣнѣ залы находятся двѣ бытовыя картины проф. Г. И. Семирадскаго, писанныя на основаніи историческихъ свидѣтельствъ о бытѣ и нравахъ русскихъ славянъ до принятія христіанства и, такимъ образомъ, изображающія событія гораздо болѣе поздняго времени, чѣмъ то, къ которому относятся выставленныя въ этой залѣ коллекціи.

Первая картина изображаетъ похороны русса въ Булгарѣ по описанію Ибнъ-Фодлана, арабскаго писателя X вѣка по Р. Х. На берегу Волги былъ сложенъ погребальный костеръ; на него поставлена лодка покойнаго; на лодкѣ сооруженъ шатеръ, покрытый парчей; въ шатрѣ на коврѣ посадили покойника, одѣтаго въ парчевую одежду съ золотыми пуговицами, въ соболью шапку съ парчевымъ верхомъ и въ сапоги; при покойникѣ поставили горячій напитокъ (вино), плоды, благовонныя растенія, хлѣбъ, мясо и лукъ, положили его оружіе; затѣмъ присутствующіе взяли двухъ лошадей, гоняли ихъ, пока онѣ не вспотѣли, и убили; убили также двухъ быковъ, собаку и курицу и все это частью бросили въ лодку, частью размѣстили на кострѣ. Затѣмъ привели дѣвушку, давшую согласіе на погребеніе ея съ покойникомъ. Она сняла запястія, бывшія на ней, и подала ихъ старой женщинѣ, называемой ангеломъ смерти, эта же женщина должна была убить дѣвушку; затѣмъ дѣвушка сняла пряжки (ножные обручи, ножные браслеты), бывшія на ея ногахъ, и отдала двумъ дѣвушкамъ, прислуживавшимъ ей; потомъ ее подняли на лодку, но не ввели ее въ палатку; мужчины пришли со щитами и палками; дѣвушкамъ подали кружку съ горячимъ напиткомъ; она пѣла надъ ней и выпила ее, прощаясь со своими подругами; ей дали другую кружку, которую она взяла и запѣла длинную пѣсню; старуха же

торопила ее выпить кружку напитка и войти въ палатку; дѣвушку кладутъ около покойника, четверо мужчинъ держатъ ее за руки и за ноги, двое же душатъ веревкой, а старуха—«ангелъ смерти»—вонзаетъ между реберъ широкой кинжалъ, пока дѣвушка не умретъ. Въ это время мужчины ударяютъ въ щиты, чтобы не слышно было ея криковъ, и чтобы это не удержало другихъ дѣвушекъ идти на смерть. Послѣ смерти дѣвушки одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ умершаго, снявши съ себя одежду, поджигаетъ костеръ; когда же костеръ сгорѣлъ, то на его мѣстѣ насыпали курганъ; на вершинѣ кургана поставили березовый столбъ, а на немъ написали имя покойника и князя. (А. Я. Гаркави. «Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ. (Съ половины VII вѣка до конца X вѣка по Р. Х.)», Спб., 1870 г., стр. 97).

Вторая картина служитъ иллюстраціей для разсказа Льва Діакона о войнѣ Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ и изображаетъ обряды, которые русскіе совершали надъ своими убитыми въ іюлѣ 971 года, послѣ неудачнаго сраженія съ греками подъ стѣнами Доростола (Силистріи) на р. Дунаѣ. Левъ Діаконъ, очевидецъ событія, описываетъ его слѣдующимъ образомъ. «Какъ скоро наступила ночь, и явилась полная луна на небѣ, то россы вышли на поле, собрали всѣ трупы убитыхъ къ стѣнѣ и на разложенныхъ кострахъ сожгли, заколовъ надъ ними множество плѣнныхъ и женщинъ. Совершивъ сію кровавую жертву, они погрузили въ струи рѣки Истра (Дуная) младенцевъ и пѣтуховъ и такимъ образомъ задушили. Уважая эллинскія таинства, которымъ они научились или отъ философовъ своихъ Анахарсиса и Замолксиса или отъ товарищей Ахилла, они всегда совершали надъ умершими жертвы и возліанія» («Исторія Льва Діакона Калойскаго и др. соч. византійскихъ писателей. Переведенныя съ греческаго на російскій языкъ Д. Поповымъ», Спб., 1820., стр. 92; см. также А. Д. Черткова «Описаніе войны великаго князя Святослава Игоревича, противъ болгаръ и грековъ въ 967—971 годахъ», М., 1843 г., стр. 254).

Вдоль стѣнъ залы размѣщены изваянія, называемыя каменными бабами; статуи эти относятся тоже къ болѣе позднему времени, чѣмъ памятники, хранящіеся въ этой залѣ. Время и народность, къ которымъ относятся каменные бабы, въ наукѣ точно не установлены, но правдоподобнымъ считается, что въ предѣлы Европейской Россіи онѣ занесены кочевниками изъ Сибири и Средней Азіи, и что во II и III вѣкахъ по Р. Х. онѣ уже существовали въ области Войска Донского и Екатеринославской губ., хотя существуютъ и другіе взгляды, по которымъ этихъ бабъ приписываютъ болѣе позднимъ народностямъ, даже половцамъ. Каменные бабы ставились обычно на курганахъ надъ покойниками.

Памятники желѣзной эпохи.

Культуры бронзовой эпохи смѣнились культурами желѣзной эпохи, т.-е. временемъ, когда человѣкъ началъ пользоваться желѣзомъ, выплавляя его изъ руды и перековывая или переливая его въ орудія и другіе предметы домашняго быта. Переходъ къ такому употребленію желѣза совершался не вдругъ, а постепенно. Ранѣе съ желѣзнымъ производствомъ познакомились болѣе цивилизованные народы, а потомъ и народы культурно отсталые. Въ настоящее время, повидимому, уже нѣтъ народовъ, не знакомыхъ съ желѣзными издѣліями. Самое введеніе въ бытовую жизнь послѣднихъ совершалось также постепенно. Сначала появились единичные желѣзные предметы, всѣ же другіе оставались бронзовыми и каменными. Потомъ, съ теченіемъ времени, количество желѣзныхъ предметовъ уравнивается съ количествомъ послѣднихъ. Наконецъ, желѣзо окончательно вытѣсняетъ и бронзу, и камень, при чемъ каменные орудія выводятся изъ употребленія ранѣе бронзовыхъ, а самыя вещества камня и бронзы начинаютъ эксплуатироваться лишь для второстепенныхъ нуждъ быта.

Употребленіе желѣза въ общечеловѣческой культурѣ ясно обозначается въ концѣ II тысячелѣтія до Р. Х. Въ это время главнымъ центромъ желѣзнаго произ-

водства являлись Южный Кавказъ и Месопотамія. Около 1000 лѣтъ до Р. Х. желѣзныя орудія имѣлись во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ древняго міра, проникая далеко и въ страны болѣе отсталыя. Такъ мы видимъ желѣзныя орудія въ Ассири-Вавилоніи, Египтѣ, Финикіи, Малой Азіи, на Кавказѣ и въ предѣлахъ Россіи.

Конецъ желѣзной эпохи еще не насталъ до настоящаго времени, такъ что продолжительность эпохи можно оцѣнивать около 3000 лѣтъ.

Въ настоящемъ путеводителѣ желѣзная эпоха подраздѣляется, какъ было упомянуто выше, на три поры: раннюю пору желѣзныхъ орудій (время отъ начала желѣзной эпохи до Р. Х.), среднюю пору (время I тысячелѣтія по Р. Х.) и позднюю пору (время II тысячелѣтія по Р. Х.).

Зала 5.

Культуры Восточной Россіи.

Витрина 1.

При изученіи памятниковъ конца бронзовой эпохи мы видѣли возникновеніе культурнаго очага въ области соединенія рѣкъ Камы и Волги; это возникновеніе, какъ было упомянуто выше, обусловливалось уютностью и богатствомъ области въ физико-географическомъ отношеніи. Развитіе очага въ желѣзную эпоху шло весьма успѣшно. Въ Историческомъ Музеѣ имѣются изъ этой области памятники трехъ культуръ. Древнѣйшія изъ нихъ содержатъ почти исключительно одни бронзовыя, болѣе позднія—бронзовыя и желѣзныя, а самыя позднія—почти исключительно одни желѣзныя орудія, но на ряду съ ними появляются въ большемъ числѣ и костяныя орудія. Это явленіе, но въ меньшей степени, повторяется въ Сибири и въ Средней Россіи.

Полка 1-я—коллекціи предметовъ изъ Ананьинскаго могильника, находящагося на берегу р. Камы, близъ с. Ананьина, Елабужскаго у., Вятской губ. Могильникъ

представляетъ невысокій холмъ продолговатой формы. Погребенія въ могильникѣ совершались подѣ тремя видами: 1) простого труположенія, 2) неполнаго сожженія и 3) расчлененія покойниковъ; при этомъ нѣкоторые черепа оказывались преднамѣренно пробитыми острымъ орудіемъ. Костяки обыкновенно лежали головой на югъ; одни изъ нихъ оказывались вытянутыми, другіе—скорченными. Всѣ они сопровождались различными вещами домашняго быта, но у однихъ преобладали бронзовыя, а у другихъ—желѣзныя орудія, что, можетъ быть, указываетъ на то, что первыя могли относиться къ болѣе раннему, а вторыя къ болѣе позднему времени. Въ мужскихъ погребеніяхъ обыкновенно находятся ножи, кельты, топоры, копья, стрѣлы и рѣже кинжалы; въ женскихъ—гривны, ожерелья, бусы. Гривны носились и мужчинами. Сожженные костяки сопровождались однимъ или нѣсколькими глиняными сосудами; находимыя при нихъ вещи носили слѣды вліянія огня, что указываетъ на сожженіе покойниковъ въ одеждахъ съ украшеніями и оружіемъ.

Останки покойниковъ полагались въ насыпи холма; для нѣкоторыхъ изъ нихъ устраивались каменные склепы, а другіе покрывались сверху плитами. На двухъ плитахъ оказались изображенія воиновъ съ гривной на шеѣ, съ кинжаломъ и клевцомъ (боевымъ молотомъ) у пояса. Одна изъ этихъ плитъ помѣщена у средняго простѣнка въ деревянной бѣлой рамѣ, а вторая—небольшой камень—на полкѣ витрины.

Полка 2-я—коллекція предметовъ изъ Уфимскаго могильника, на берегу р. Уфы, близъ ея впаденія въ р. Бѣлую, въ 5 в. отъ г. Уфы, около урочища Чертово городище. Раскопки, произведенныя В. В. Гольмстенъ, обнаружили, что покойники въ могильникѣ лежатъ въ вытянутомъ положеніи и сопровождаются различными вещами; при мужчинахъ полагались желѣзные копья и ножи, стрѣлы съ бронзовыми наконечниками, лежавшія въ кожаныхъ колчанахъ, поясныя бляхи и крючки; женщинъ сопровождали украшенія: браслеты, ручныя кольца, налобныя вѣнчики, привѣски, бляхи, иногда украшенныя изображеніями животныхъ, височныя при-

вѣски, шейныя гривны и проч. Время этого могильника болѣе позднее, чѣмъ Ананьинскаго: оружіе и орудія Уфимскаго могильника—желѣзныя, за исключеніемъ бронзовыхъ трехгранныхъ наконечниковъ стрѣлъ; послѣдніе, вообще, и въ другихъ культурахъ бытовали очень долго на ряду съ желѣзными орудіями. Могильникъ слѣдуетъ относить къ первымъ вѣкамъ по Р. Х.

На остальныхъ полкахъ витрины расположены коллекціи предметовъ костеносныхъ городищъ изъ раскопокъ А. А. Спицына. Городища эти находятся по берегамъ рѣкъ Камы, Вятки и ихъ притоковъ. Обычно они занимаютъ треугольные мысы, огражденные съ двухъ сторонъ береговыми обрывами или оврагами, а съ третьей—землянымъ валомъ. Почва городищъ насыщена бытовыми предметами, оставленными ихъ древними обитателями; среди этихъ предметовъ преобладаютъ издѣлія изъ кости, но встрѣчаются и вещи изъ бронзы и желѣза. Кромѣ предметовъ бытового характера, въ культурныхъ слояхъ городищъ въ изобиліи находятся кости домашнихъ и дикихъ животныхъ, причемъ количество послѣднихъ значительно превышаетъ количество первыхъ; это обстоятельство позволяетъ думать, что главнымъ занятіемъ жителей городищъ была охота, а не скотоводство. Изъ кости выработались: наконечники стрѣлъ (полка 3-я, планшеты справа), гарпуны и удильные крючки (полка 3-я, планшеты слѣва), иглы для вязанія сѣтей и шилья (полка 4-я, планшеты слѣва) и многіе другіе предметы. Нѣкоторыя костяныя издѣлія украшены рѣзьбой; среди нихъ обращаютъ вниманіе художественно исполненныя рукоятки ножей, украшенныя головками лосей (полка 3-я, четвертая планшета, слѣва).

Время существованія костеносныхъ городищъ было весьма продолжительно: общая масса и расцвѣтъ ихъ относятся ко времени, когда желѣзо въ этой области вытѣснило бронзу, т.-е. къ концу ранней поры желѣзныхъ орудій.

Витрина 2.

Древній культурный очагъ Волжско-Камской области особенно сильно разгорѣлся въ среднюю пору желѣз-

ныхъ орудій, когда его начинаютъ питать матеріалы, притекавшіе изъ болѣе культурныхъ странъ того времени. Владѣльцами этого очага, по мнѣнію многихъ изслѣдователей, являлись финны. Богатства, скопленные въ данной области, были настолько велики, что возбуждаютъ невольное удивленіе и заставляютъ вспомнить о сказочныхъ богатствахъ Біарміи, воспѣтыхъ въ скандинавскихъ сагахъ, въ основу которыхъ, повидимому, легли рассказы о реальныхъ богатствахъ капищъ, именно, Волжско-Камской области, которая непрерывно даетъ все новыя и новыя находки рѣдчайшихъ памятниковъ, поражающихъ нерѣдко своимъ научнымъ значеніемъ. Въ составъ ихъ входятъ монеты, серебряныя украшенія и сосуды. Древнѣйшія монеты оказываются индо-парѣянскими (I вѣка по Р. Х.), затѣмъ слѣдуютъ сасанидскія (IV—VI вв.), индо-бактрійскія (V—VII вв.) и болѣе позднія арабскія монеты. Въ числѣ многочисленныхъ серебряныхъ сосудовъ находятся греко-римскіе, византійскіе, персидскіе, арабскіе и индійскіе. Среди украшеній главную массу составляютъ шейныя массивныя гривны, обыкновенно отлитыя изъ высокопробнаго серебра. Притокъ всѣхъ этихъ вещей не представлялъ мимолетнаго, случайнаго явленія, а былъ вполне систематическимъ, совершавшимся въ продолженіе почти всѣхъ вѣковъ средней поры желѣзныхъ орудій.

Въ обмѣнъ на товары культурныхъ странъ волжско-камскіе жители могли отвѣчать отпускомъ сырья, въ видѣ кожъ, шерсти, сала, дорогихъ мѣховъ, воска и, наконецъ, нѣкоторыхъ продуктовъ горнаго промысла, въ особенности мѣди, добываніе которой здѣсь являлось вполне окрѣпшимъ старымъ промысломъ.

Памятниками этого времени являются многочисленные городища и костища, служившія мѣстами общественнаго богослуженія, а также могильники, гдѣ жители погребали своихъ умершихъ.

Полка 1-я—костяныя издѣлія съ городищъ Вятской губ., изъ раскопокъ А. А. Спицына.

Полка 2-я—подобные же предметы съ городищъ Глазовскаго у., Вятской губ., изъ раскопокъ Н. Г. Первухина.

Полка 3-я и часть 4-й (пять планшетъ, слѣва) — интересная коллекція съ Гляденовскаго костыща изъ раскопокъ Н. Новокрещенныхъ. Костыще расположено на береговомъ мысѣ поемной долины р. Камы, въ 20 в. отъ г. Перми, и представляетъ изъ себя мѣсто, гдѣ совершались служенія богамъ и приносились въ жертву какъ животныя, такъ и различные предметы какъ бытового, такъ и специально-культурнаго характера. Кости животныхъ, частью пережженныя, частью нетронутыя огнемъ, образовали буровато-сѣрую массу, достигавшую двухъ аршинъ толщины и занимавшую площадь болѣе 170 квадратныхъ сажень. Въ этомъ слѣдѣ было найдено большое число монетъ, бусъ, бытовыхъ предметовъ, украшеній и, что особенно интересно, множество вотивныхъ вещей, т.-е. вещей специально изготовленныхъ для принесенія по обѣту въ жертву божеству. Вотивныя вещи съ Гляденовскаго костыща изготовлены, главнымъ образомъ, изъ мѣди и изображаютъ мужчинъ, женщинъ, всадниковъ, собакъ, лошадей, коровъ, овецъ, свиней, разныхъ дикихъ животныхъ, птицъ, змѣй, ящеровъ и пчелъ (рис. 45—50).

Остальныя полки заняты предметами, найденными въ разныхъ мѣстахъ Пермской и Вятской губ. Среди нихъ обращаетъ на себя вниманіе большое число серебряныхъ гривень (шейныхъ колець), которыя, возможно, служили не только украшеніями, но и играли роль монетныхъ знаковъ; часть выставленныхъ гривень была найдена въ видѣ клада, сложеннаго въ серебряномъ ведрѣ (на нижней полкѣ). Интересны два серебряныхъ сосуда (4-я полка): небольшое блюдо, найденное въ с. Кайгородскомъ, Слободскаго у., Вятской губ., блюдо это представляетъ арабское (сассанидское) издѣліе, и кувшинъ (копія), найденный близъ с. Куринова, Осинскаго у., Пермской губ., также арабскаго дѣла.

Финскія культуры Средней Россіи.

Витрины 3—9.

Область Средней Россіи заселялась изстари разными финскими племенами. Культуры ихъ поражаютъ чисто-

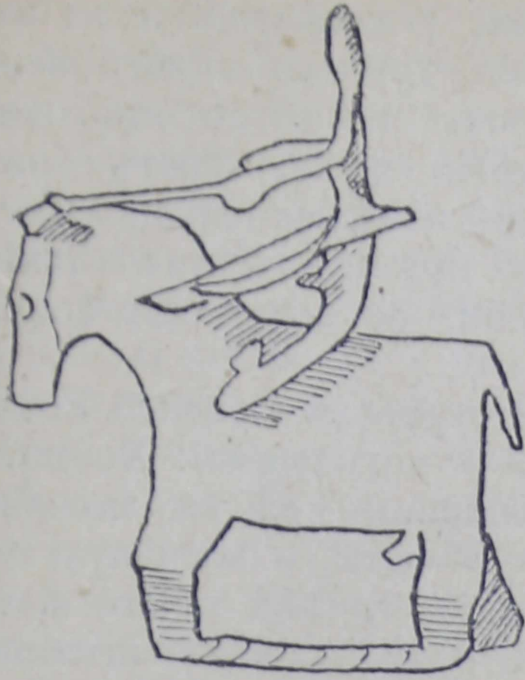


Рис. 46.



Рис. 49.



Рис. 45.

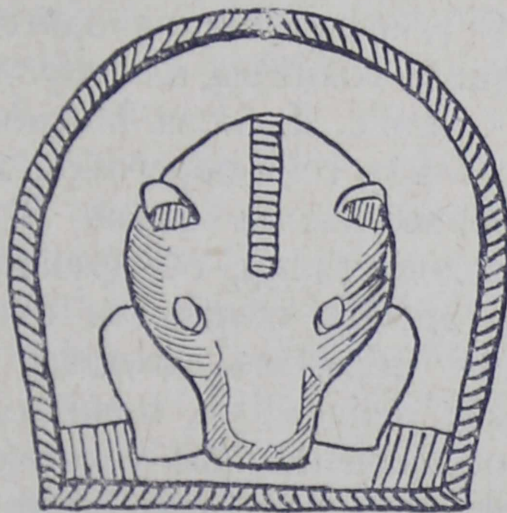


Рис. 47.

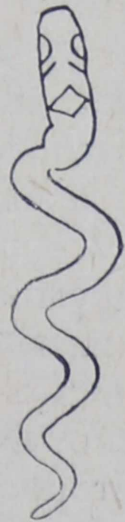


Рис. 50.



Рис. 48.

тою и устойчивостью типовъ, указывающими на ихъ самобытность. Притекавшія изъ другихъ странъ вещи играли здѣсь подчиненную роль. Въ массѣ многочисленныхъ металлическихъ издѣлій преобладаютъ бронзовыя и серебряныя, которыя извлекаются изъ богатыхъ могильниковъ буквально пудами. Не мало также встрѣчается желѣзныхъ издѣлій, но вещи изъ золота еще нигдѣ не найдены.

Памятниками финскихъ культуръ въ Средней Россіи являются: холмища, городища и могильники. Холмища представляютъ изъ себя священные мѣста, подобно костыщамъ Волжско-Камской области, и хотя культурные слои холмищъ не содержатъ въ себѣ такого количества костей и костяныхъ издѣлій, какъ костыща, однако характеръ находокъ на тѣхъ и другихъ представляется весьма схожимъ. Холмища обыкновенно защищены валами и рвами, иногда служили также мѣстомъ жилья человѣка подобно городищамъ и поэтому часто носятъ имя городищъ.

Въ витринѣ 3, полка 1-я, находятся коллекціи предметовъ съ Дьякова холмища, или городища. Холмище это расположено близъ с. Дьякова, Московской губ. и уѣзда, и представляетъ изъ себя береговой мысъ на р. Москвѣ. Раскопки, произведенныя здѣсь В. И. Сизовымъ и другими изслѣдователями, обнаружили предметы, указывающіе, что древніе обитатели этого мѣста занимались, главнымъ образомъ, охотой, рыболовствомъ и скотоводствомъ; земледѣліе, повидимому, имѣло лишь второстепенное значеніе. Изъ техническихъ промысловъ мѣстнымъ жителямъ извѣстны были металлургія, ткацкое производство и обработка глины и кости. Изъ вещей въ коллекціи В. И. Сизова интересны костяныя издѣлія (планшета первая, справа): изображеніе четвероногаго животнаго, гарпуны, иглы для вязанія рыболовныхъ сѣтей, ткацкій челнокъ вильчатой формы и другія костяныя орудія, количество которыхъ весьма значительно (выставлены только образцы). Большой интересъ представляютъ плоскія желѣзныя стрѣлы, совершенно схожія со стрѣлами изъ Мцхетскаго (близъ г. Тифлиса) могильника, гдѣ онѣ датированы монетами

римскихъ императоровъ конца I в. до Р. Х. и начала I в. послѣ Р. Х. (витр. 13, полка 5-я, первая планшета, справа). Имѣется полное основаніе полагать, что и въ Средней Россіи эта культура существовала въ то же время. Рядомъ съ этими стрѣлами находится кремневое орудіе, хотя найденное вмѣстѣ съ желѣзными вещами, но имѣющее съ ними очевидно только случайную связь, такъ какъ оно относится къ глубочайшей древности каменнаго періода.

Изъ глиняныхъ издѣлій интересны конической и грибовидной формы грузила гладкія, а иногда орнаментированныя (планшета вторая, справа); глиняныя ложковидныя льячки для переливки въ формы расплавленного металла, половинки формы для отливки металлическихъ привѣсокъ, цѣлая боченкообразная дѣтская погремушка, предметы культового значенія въ видѣ креста и четырехугольниковъ, покрытыхъ точечнымъ орнаментомъ, имѣвшимъ, быть можетъ, особый смыслъ (третья планшета, справа).

Среди металлическихъ вещей обращаетъ вниманіе подковообразная пряжка съ выемками для заполнения ихъ эмалью, время этой вещи—IV в. по Р. Х.; очевидно, холмище (городище) существовало нѣсколько вѣковъ.

На 2-й, 3-й и 4-й полкахъ расположены памятники, собранные на холмищахъ и городищахъ, подобныхъ Дьякову, изслѣдованныхъ въ Калужской и Рязанской губ. В. А. Городцовымъ, Н. В. Тепловымъ и Н. И. Булычевымъ. Въ этихъ коллекціяхъ обращаетъ вниманіе изобиліе издѣлій изъ кости; кромѣ того въ собраніи Н. В. Теплова интересны привѣски изъ раковинъ и бусы изъ позвонковъ рыбъ, не встрѣченныхъ на другихъ холмищахъ (полка 3-я, планшеты вторая и третья, слѣва). Любопытны костяные гребни (полка 3-я, планшета первая, справа), которые поражаютъ своей архаичностью; подобной формы гребни начинаютъ встрѣчаться мѣстами даже въ концѣ неолитической эпохи; здѣсь же они могутъ быть относимы только къ началу средней поры желѣзной эпохи.

Финскіе могильники заслуживаютъ особаго вниманія: благодаря обилію находимыхъ въ нихъ вещей, они

даютъ возможность познакомиться съ угасшимъ народомъ, съ его духовными и физическими силами, насколько таковыя запечатлѣлись на костяхъ и произведе-

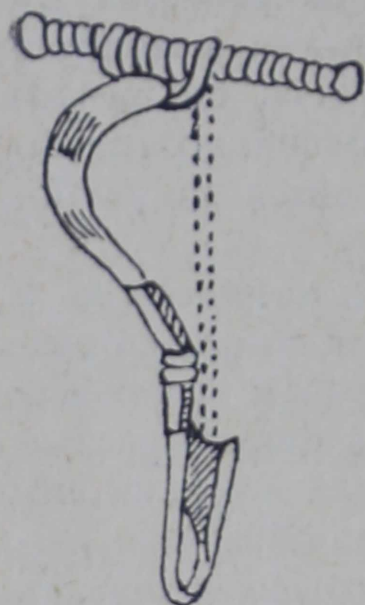


Рис. 51.

деніяхъ. Несомнѣнно, это былъ народъ, хорошо одаренный во всѣхъ отношеніяхъ, обладавшій значительнымъ богатствомъ и отличавшійся религіозностью.

На полкѣ 5-й (три планшеты, справа)—предметы изъ Дубровическаго могильника, случайно открытаго близъ с. Дубровичи, Рязанской губ. и уѣзда. Могильникъ относится къ III в. по Р. Х.; датой служатъ три маленькихъ арбалетныхъ фибулы (рис. 51), пользовавшіяся широкимъ распространеніемъ въ Западной Европѣ и проникавшія въ область Днѣпра и Оки, гдѣ онѣ были находимы вмѣстѣ

съ римскими монетами II—III вв. по Р. Х. (зала В., витр. 2, полка 1-я, планшета слѣва). Дубровическій могильникъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остается необслѣдованнымъ.

Всѣ остальные предметы въ этой витринѣ (полки 5-я и 6-я) происходятъ изъ Борковскаго могильника, открытаго близъ с. Борки, Рязанской губ. и уѣзда. Обширныя изслѣдованія могильника, произведенныя А. В. Селивановымъ, А. И. Черепнинымъ и В. А. Городцовымъ, выяснили, что могильникъ этотъ, занимая огромнѣйшія площади, существовалъ продолжительное время: приблизительно отъ III до VII вв.

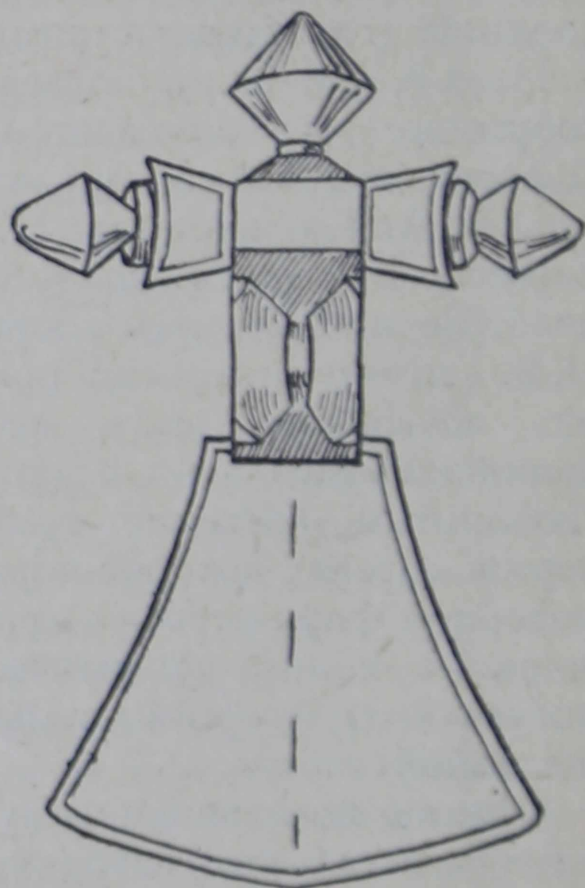


Рис. 52.

по Р. Х. Въ витринѣ помѣщены наиболѣе древнія вещи этого могильника, датой которыхъ могутъ служить арбалетныя и крестообразныя фибулы (рис. 52), которыя относятся къ III—V вв. по Р. Х.

Вещи обоихъ могильниковъ являются характерными для финской культуры, благодаря присутствію такъ наз. шумящихъ привѣсокъ въ видѣ коньковъ, утокъ, колокольчиковъ. Типичны для этихъ могильниковъ бусы изъ красной пасты, служившей для заполнения гнѣздъ въ металлическихъ вещахъ, такъ назыв. готскаго стиля, украшенныхъ выемчатою эмалью. Интересны желѣзные большіе однолезвийные мечи, находимые иногда въ ножнахъ, съ серебряной оправой (см. нижнюю полку).

Въ витринѣ 4 (4-ре верхнія полки)—коллекціи изъ Кузьминскаго могильника. Могильникъ открытъ близъ с. Константиновскаго, Рязанской губ. и уѣзда, и изслѣдованъ Н. А. Кутуковымъ и А. И. Черепнинымъ. Выставленные вещи могильника могутъ быть приурочены къ V—X в. по Р. Х.; характерными для ранняго времени вещами представляются подковообразная пряжка съ выемчатою эмалью (полка 2-я, планшета третья, слѣва), крестообразная фибула (полка 3-я, планшета первая, слѣва). Изъ вещей интересны: ожерелья, круглыя грудныя бляхи, головные уборы (полка 3-я, планшеты вторая и третья), гривны съ круглыми коробочками, желѣзные топоры въ формѣ кельтовъ, существовавшіе отъ древнѣйшихъ временъ до X в. по Р. Х.

Остальныя полки заняты подобными же вещами изъ Курманскаго могильника, изслѣдованнаго гр. О. А. Уваровымъ въ Касимовскомъ у., Рязанской губ., время котораго приблизительно совпадаетъ со временемъ Кузьминскаго могильника.

Въ витринѣ 5 (полка 1-я и половина 2-й слѣва)—коллекція изъ Кошибѣвскаго могильника, изъ раскопокъ А. А. Спицына. Могильникъ былъ открытъ въ Елатомскомъ уѣздѣ, Тамбовской губ. Время его опредѣляется III—VII вв. по Р. Х. Ранней датой служатъ арбалетныя фибулы (полка 1-я, планшета первая, справа).

На полкахъ 2-й (три планшеты, справа), 3-й, 4-й и части 5-й (шесть планшеты, справа)—коллекція предме-

товъ изъ Лядинскаго могильника. Могильникъ раскопанъ близъ с. Ляды, Тамбовскаго уѣзда и губ., В. Ястребовымъ. Время могильника относится къ X и даже XI вв. по Р. Х. Характеръ предметовъ остается общій для финскихъ культуръ, но на ряду со старыми формами появляются и новыя. Особенно интересны обиліе шумящихъ привѣсокъ, прикрѣпленныхъ къ ажурнымъ четырехугольнымъ и круглымъ бляхамъ (полки 2-я и 3-я, планшеты справа), а также шпильки со стрѣловидными концами и съ головками въ видѣ спиралей, носившіяся въ видѣ височныхъ украшеній (полка 3-я, среднія планшеты); любопытны плоскія полулунныя гривны съ шумящими привѣсками, а также остатки женскихъ косъ, обвитыхъ ремнями съ бронзовыми спиральями (полка 4-я, планшета третья, справа).

Полка 5-я (шесть планшеть, слѣва) — коллекція предметовъ изъ могильника близъ г. Моршанска, Тамбовской губ.

На нижней полкѣ — коллекція изъ раскопокъ П. Д. Дружкина изъ Нижегородской губ. и уѣзда, д. Терюшево.

Въ витринѣ 6 (полка 1-я и 2-я, пять планшеть, слѣва) — коллекція изъ разныхъ пунктовъ ближайшихъ окрестностей гор. Муромъ, Владимірской губ., служившаго, безъ сомнѣнія, крупнымъ центромъ жизни финскаго племени — муромы. Время муромскихъ могильниковъ относится, приблизительно, къ VIII—X вв. по Р. Х.

На полкѣ 3-й и полкѣ 4-й (двѣ планшеты, слѣва) находится коллекція изъ раскопокъ А. А. Спицына изъ д. Максимовки, Муромскаго уѣзда, Владимірской губ. Время могильника относится приблизительно къ X в.

На полкахъ 5-й и 6-й этой витрины и въ витринахъ 7-й, 8-й и 9-й расположена часть обширнѣйшей коллекціи изъ Подболотнянскаго могильника. Раскопки могильника произведены въ 1910 г., на средства гр. П. С., П. А. и Е. А. Уваровыхъ, В. А. Городцовымъ съ его учениками В. В. Гольмстенъ и Д. Н. Эдингомъ. Могильникъ находится близъ дер. Подболотье,

въ 7-ми верстахъ отъ гор. Мурома, Владимірской губ. Время могильника датируется вещами и монетами, относящимися къ VII—XI вв. по Р. Х. Народность могильника принадлежитъ, несомнѣнно, къ племени мурома. Обиліе вещей, сопровождавшихъ покойниковъ, поразительно. Выяснено, что покойники, наряженные въ ихъ лучшія украшенія, выставлялись напоказъ. Особымъ богатствомъ отличались наряды молодыхъ женщинъ (см. витрину 9) и дѣвочекъ. Ихъ головы, шеи, грудь, пояса, платье и обувь иногда оказывались почти сплошь покрытыми серебряными и бронзовыми украшениями: головными жгутами, обвитыми бронзовыми спиралями, многочисленными серебряными и бронзовыми височными кольцами, спинными въ видѣ коромыселъ привѣсками (витр. 6, полка 5-я, планшета вторая, слѣва), гривнами, бусами, грудными бляхами, поясными шумящими привѣсками, боковыми ремнями и всевозможными бляхами. Мужскія погребенія также сопровождались обильными вещами: топорами, копьями, стременами и удилами; но, что особенно интересно, нѣкоторыя изъ нихъ сопровождались предметами кузнечнаго ремесла (витр. 6, полка 6-я, планшета четвертая, слѣва). На площади могильника встрѣчены погребенія животныхъ — лошадей и одной коровы, тоже сопровождавшихся различными вещами; очевидно, эти животныя пользовались особымъ уваженіемъ, считались священными или, можетъ быть, даже обоготворялись.

Витрина 10.

Культуры западно-русскихъ финновъ.

Въ витринѣ (на первыхъ трехъ полкахъ и части четвертой) помѣщена коллекція предметовъ изъ Люцинскаго могильника, находящагося близъ гор. Люцина, Витебской губ., на возвышенности, называемой Комаровой горой. Въ концѣ 80-хъ годовъ XIX в. было обнаружено, что здѣсь находится богатый могильникъ приблизительно X в. по Р. Х. Первые раскопки могильника были произведены Е. Р. Романовымъ; позже, въ

1891 г., изслѣдованіе продолжилъ В. И. Сизовъ. Культура Люцинскаго могильника распространяется, насколько выяснено раскопками, по теченію р. З. Двины по направленію къ Балтійскому морю и принадлежитъ одному изъ финскихъ племенъ (вѣроятно же всего эстамъ), обитавшему въ этой мѣстности, что подтверждается замѣчательнымъ сходствомъ, а иногда и полнымъ тождествомъ обряда погребенія съ средне-русскимъ финскимъ обрядомъ, въ особенности племени мурома; въ могильникѣ встрѣчены одинаковые съ средне-русскими финскими головные уборы, спиральные во много оборотовъ браслеты и др., но находятся и вещи, свойственныя исключительно этой области, напр., кастетообразные браслеты (полка 2-я, планшета вторая, слѣва и др.), которые не найдены ни въ какомъ другомъ мѣстѣ. Очень оригинальны также большія, витыя бронзовыя гривны съ конусообразными кнопками (полка 3-я, планшета первая, слѣва), а также кольчужныя ткани (полка 4-я, планшета третья, справа).

На остальныхъ полкахъ этой витрины помѣщены вещи изъ разныхъ мѣстъ Витебской губ., относящіяся къ той же культурѣ.

Витрина 11.

Культуры Южнаго Кавказа.

Въ витринѣ помѣщены памятники изъ разныхъ мѣстъ Эриванской и Тифлисской губ., повидимому, VIII—VI вв. до Р. Х., имѣющіе связь съ культурой погибшаго царства Урарту (см. болѣе древніе памятники этой культуры въ залѣ IV, витр. 17, 18, 19). Сходство замѣчается въ металлическихъ вещахъ, а разница—въ керамическихъ издѣліяхъ.

Витрина 12.

Культуры Сѣвернаго Кавказа.

Въ витринѣ находятся памятники изъ разныхъ мѣстностей Терской обл. и Черноморской губ. Изъ нихъ особенно замѣчательными представляются вещи изъ

Казбекскаго клада, добытаго раскопками Г. Д. Филимонова. Памятники эти поражаютъ своими крупными формами. На ряду съ бронзовыми вещами господствуетъ желѣзное оружіе: мечи, кинжалы, копья. Время клада опредѣляютъ IV в. до Р. Х., основываясь на арамейской надписи, сдѣланной на серебряной чашѣ (полка 4-я, третья планшета, справа).

Витрина 13.

Культуры Кавказа X—I вв. до Р. Х.

Памятники расположены въ витринѣ сообразно съ ихъ возрастомъ: болѣе древніе занимаютъ верхнія полки, болѣе поздніе—нижнія. Древнѣйшіе по своимъ типамъ тѣсно примыкаютъ къ памятникамъ бронзовой эпохи, тогда какъ позднѣйшіе получаютъ уже совершенно другой характеръ. Среди послѣднихъ особенно замѣчательной является коллекція изъ Самтаврскаго могильника, расположеннаго близъ мѣст. Мцхета, Тифлисской губ.

Изслѣдованіе Самтаврскаго могильника производилось нѣсколькими лицами. Коллекція Историческаго Музея добыта раскопками Байерна въ 1882 г. Въ составъ ея входятъ разныя вещицы, сопровождавшія покойниковъ, двѣ серебряныя монеты императора Августа, битыя во 2-мъ году до Р. Х. (полка 5-я, планшета первая, справа) и три серебряныхъ парянскихъ монеты приблизительно того же времени. Покойниковъ полагали въ гробницы въ видѣ каменныхъ ящиковъ (см. модель въ низу витрины).

Витрина 14.

Культуры Кавказа I—X вв. по Р. Х.

Въ витринѣ размѣщены коллекціи сборнаго характера, предметы которыхъ могутъ быть приурочены къ I—X вв. по Р. Х. Памятники распредѣлены такимъ образомъ, что древнѣйшіе расположены на верхнихъ полкахъ, болѣе поздніе—на нижнихъ.

Витрина 15.

Культуры, созданныя народами, входившими въ составъ Хазарскаго царства VII—X вѣка по Р. Х.

Хазарское царство возникло во II вѣкѣ по Р. Х., когда оно занимало область къ сѣверу отъ Кавказскаго горнаго хребта. Съ нашествіемъ въ предѣлы Россіи гунновъ, Хазарское царство, повидимому, потеряло самостоятельность, но въ концѣ VII вѣка оно снова овладѣваетъ вниманіемъ исторіи, достигнувъ наибольшаго могущества въ IX вѣкѣ, когда владѣнія царства простирались отъ Кавказа до береговъ р. Оки и отъ нижней Волги до устья Днѣпра. Въ X вѣкѣ обнаружилось политическое паденіе царства, и въ 966 г. русскій князь Святославъ уничтожилъ его окончательно.

О происхожденіи хазаръ имѣются разныя сужденія: одни считаютъ ихъ тюрками, другіе—финнами, третьи—венграми и т. д. Несомнѣнно, населеніе Хазаріи было смѣшанное, и въ составъ его входили разные народы, удерживавшіе свои обычаи и религіи.

Хазарское царство управлялось каганомъ, самодержавнымъ владыкой. Въ періодъ наибольшаго могущества каганы вступали въ брачные союзы даже съ византійскимъ императорскимъ домомъ. Этимъ, между прочимъ, объясняется значительное вліяніе Византіи на хазарскія культуры; однако, необходимо замѣтить, что еще болѣе сильное вліяніе послѣднія испытывали со стороны Мусульманскаго Востока, откуда притекала въ значительномъ количествѣ серебряная монета и другіе предметы.

Хазарскія древности пока еще мало изучены. Наиболѣе крупныя находки сдѣланы на берегахъ р. Донца и нижняго Дона.

Въ витринѣ помѣщены древности, добытыя раскопками разныхъ лицъ въ двухъ могильникахъ: Салтовскомъ и Зливкинскомъ.

Салтовскій могильникъ находится близъ с. Верхне-Салтова, Волчанскаго у., Харьковской губ., на правомъ берегу р. Донца. Могильникъ занимаетъ обширную пло-

щадь, окружая бывшую въ то время сильную крѣпость, развалины которой называются «Салтановскимъ Городищемъ».

Могилы салтовскихъ погребеній имѣютъ видъ катакомбъ. Покойники хоронились по одному, по два и по три. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наблюдалось, что погребенные мужчины сопровождались одною и двумя погребенными женщинами, кисти рукъ которыхъ оказывались вложенными въ кисти рукъ мужчины, а это указываетъ, можетъ быть, на насильственную смерть женщинъ, вѣроятно, женъ.

Въ головахъ покойниковъ ставились глиняные сосуды (см. верхъ и низъ витрины), и полагались кости, вѣроятно, съ мясомъ быковъ и барановъ. Съ мужчинами полагалось оружіе, а съ женщинами—множество разнаго рода украшеній; образцы всѣхъ этихъ предметовъ и выставлены въ витринѣ.

По формѣ могилъ (въ видѣ катакомбъ) и по характеру вещей Салтовскій могильникъ оказывается очень схожимъ съ катакомбными могильниками Сѣвернаго Кавказа, открытыми близъ ауловъ Чми, Камбултэ, Лизгора и др. (см. рядомъ витр. 14, нижнія полки). Всѣ эти могильники одинаково датируются серебряными арабскими монетами VII—X вѣка по Р. Х. и, повидимому, принадлежатъ хазарамъ.

Зливкинскій могильникъ открытъ также на берегу р. Донца, близъ хут. Зливки, Изюмскаго у., Харьковской губ. Въ этомъ могильникѣ покойники полагались не въ катакомбахъ, которыя благодаря песчаности грунта не могли быть сооружаемы, а въ простыхъ ямахъ; но вещи, посуда, даже клейма на многихъ сосудахъ оказались тождественными съ салтовскими. Большая коллекція вещей изъ Зливкинскаго могильника хранится въ Музеѣ Харьковскаго Университета. Здѣсь же (см. нижнюю полку, справа) имѣется только 4 глиняныхъ сосуда.

Въ витринѣ помѣщены бронзовыя статуэткі: византійскаго базилевса (полка 4-я) и всадника (полка 5-я, справа). Статуэткі относятся, приблизительно, къ VIII—IX вѣкамъ. Въ низу витрины находится изваяніе всадника,

принадлежность котораго къ Хазарской культурѣ не установлена.

Культуры Средней Азіи.

Культуры Средней Азіи въ Музеѣ представлены только случайными памятниками, поступившими отъ разныхъ учреждений и лицъ. Время памятниковъ также разнообразно и недостаточно точно выяснено.

Витрина 16.

На трехъ верхнихъ полкахъ помѣщены предметы изъ г. Самарканда; въ составъ ихъ входятъ, преимущественно, фрагменты керамическихъ издѣлій и разныя металлическія мелкія вещи и личныя украшенія. Главная масса ихъ относится къ греко-восточной культурѣ послѣднихъ трехъ вѣковъ до Р. Х.; таковы бронзовыя втульчатая стрѣлы (полки 1-я и 2-я, планшеты справа), халцедоновыя и сердоликовыя перстни (полка 2-я, пл. справа), всѣ глиняныя статуэткы, на которыхъ опредѣленно сказывается греческое вліяніе, и др.

Полка 4-я (пять планшетъ справа) содержитъ памятники, добытыя также въ Самаркандѣ; время этихъ памятниковъ особенно разнообразно: часть ихъ относится, несомнѣнно, ко времени ранней поры желѣзной эпохи (послѣдніе вѣка до Р. Х.), но большая часть принадлежитъ уже къ поздней порѣ, къ XII—XIV вѣкамъ по Р. Х.

Всѣ вышеописанныя предметы поступили въ даръ отъ П. И. Щукина.

Передъ планшетами лежатъ два узкогорлыхъ глиняныхъ сосудика съ коническими днами, поступившіе отъ Археологической Комиссіи. О назначеніи такихъ сосудиковъ имѣется особая литература въ трудахъ археологическихъ обществъ. Въ настоящее время довольно опредѣленно выяснено и проверено въ Музеѣ опытами ¹⁾, что эти сосудики, встрѣчаемые очень часто по Волгѣ, Кавказу и особенно въ Туркестанѣ, служили

¹⁾ Опыты произведены Завѣдующимъ Отдѣломъ Доисторическихъ Древностей В. А. Городцовымъ.

лампами. Внутри сосудовъ вливалось масло, а черезъ узкое горло проводился фитиль. Такая лампа ставилась въ особые подсвѣчники (см. наверху витрины, гдѣ поставлена нижняя часть мѣднаго подсвѣчника). Такимъ образомъ, глиняныя лампочки служили въ роли современныхъ отъемныхъ свѣчей въ православныхъ церквахъ. Ихъ удобство состоитъ въ томъ, что ихъ легко вынимать изъ подсвѣчника для наливаія въ нихъ масла, закиганія и гашенія. Время лампочекъ относится, приблизительно, къ XIV—XVI вѣкамъ. Употреблялись онѣ, повидимому, въ магометанскихъ мечетяхъ и домашнемъ быту.

На планшетѣ крайней слѣва (полка 4-я) помѣщены предметы, добытые Фетисовымъ въ Семирѣченской области. Предметы—поздніе XIV—XVI вѣка. Любопытны перламутровыя кольца, бляхи и наконечникъ ремня, составлявшіе уздечный или поясной наборъ.

На 5-й полкѣ справа помѣщены мѣдные сосуды, булава и др., добытые раскопками А. З. Селиванова на берегу озера Иссыкъ-Куль. Предметы относятся къ магометанской культурѣ Средней Азіи.

На той же полкѣ помѣщены глиняныя сосуды, доставленные Археологической Комиссіей.

Въ низу витрины слѣва сложены булыжные камни съ надписями и крестами. Это — христіанскіе надгробные памятники съ несторіанскими сирскими надписями. Всѣ надписи прочитаны и изданы С. С. Слуцкимъ.

Сверху и сбоку несторіанскихъ надгробныхъ памятниковъ поставлены два обломка одной скалы, покрытой любопытными рисунками, въ видѣ силуэтовъ животныхъ (лошадей, верблюда и др.). Обломки доставлены въ даръ Музею изъ Тургайской области Н. С. Воронецъ. Время тургайскихъ скальныхъ рисунковъ еще не выяснено, но имѣется основаніе относить ихъ къ началу ранней поры желѣзной эпохи, т.-е. приблизительно къ XV—X вѣкамъ до Р. Х.

Въ срединѣ нижней полки стоитъ трехногій бронзовый сосудъ древняго времени (до Р. Х.). На немъ положено мѣдное большое блюдо съ изображеніями, время котораго загадочно: оно, можетъ быть, и древне,

напримѣръ, средней поры желѣзной эпохи, но, можетъ быть, и очень поздне, такъ какъ подобные предметы до сихъ поръ фабрикуются по древнимъ образцамъ. Блюдо поступило въ даръ отъ П. И. Шукина.

Передъ витриной, на колоннѣ, стоитъ бронзовый трехногій котелъ съ изображеніемъ всадниковъ. Котелъ подаренъ кн. С. Н. Трубецкимъ; происхождение его точно неизвѣстно, но, судя по стилю, онъ долженъ происходить или изъ Сѣв. Персіи, или, еще вѣроятнѣе, изъ Туркестана. Время его относится къ поздней порѣ желѣзной эпохи.

Противъ витрины, на полу, стоитъ большой бронзовый жертвенникъ на четырехъ ногахъ, въ видѣ четырехугольнаго подноса съ массивными ручками съ каждой стороны. По краямъ жертвенника помѣщены крылатые львы, слѣдующіе другъ за другомъ въ одну сторону. Жертвенникъ происходитъ изъ Семирѣченской области. Въ Музей поступилъ отъ Археологической Комиссіи. Къ какому времени онъ относится, точно неизвѣстно.

Витрина 17.

Въ трехъ верхнихъ полкахъ размѣщена коллекція предметовъ, собранныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Туркестана генераломъ А. В. Комаровымъ, купленныхъ и переданныхъ въ даръ Музею П. И. Шукинымъ.

На четвертой полкѣ размѣщены предметы, добытые разными лицами въ болѣе сѣверныхъ частяхъ Туркестана.

Время, къ которому относятся всѣ предметы, размѣщенные на полкахъ витрины, точно не установлено, но большая часть ихъ принадлежитъ къ разнымъ столѣтіямъ поздней поры желѣзной эпохи (II-е тысячелѣтіе по Р. Х.). Изъ вещей интересны глиняныя лампы въ видѣ узкогорлыхъ сосудовъ (полка 4-я, слѣва): обѣ лампы пестро украшены характерными узорами восточнаго типа; одна изъ нихъ—обычной формы, въ видѣ узкогорлаго сосуда съ коническимъ дномъ (вставлена въ часть мѣднаго подсвѣчника); другая имѣетъ рѣдкій видъ плоскаго кольцевиднаго сосуда, приспособленнаго для

подвѣшиванія на горизонтальномъ стержнѣ, укрѣпленномъ на высокомъ подсвѣчникѣ, или, еще вѣроятнѣе, вбиваемомъ въ стѣну.

На ряду съ лампами поставлены два звена одного мѣднаго подсвѣчника съ арабскими письменами (въ одно изъ нихъ вставлена лампа, какъ она, по предположенію, и должна быть вставляема въ подсвѣчники такого рода).

Любопытенъ трехногій каменный сосудъ (4-я полка, справа), по наружнымъ плоскостямъ украшенный грубоватымъ примитивнымъ узоромъ. Сосудъ найденъ въ Тургайской области. Время его, повидимому, очень древнее.

Культуры Сибири.

Культуры Сибири желѣзной эпохи относятся къ ранней, средней и поздней порѣ. Къ ранней порѣ (приблизительно I-е тысячелѣтіе до Р. Х.) принадлежатъ тѣ культуры, въ составъ которыхъ входятъ бронзовыя, желѣзныя и костяныя орудія, бронзовые котлы на высокомъ поддонѣ, называемые скиѣскими. Къ средней порѣ относятся культуры, сопровождаемыя болѣе или менѣе характерными предметами для I-го тысячелѣтія по Р. Х. Наконецъ, къ поздней порѣ—всѣ остальные культуры.

Витрина № 18.

Въ витринѣ сосредоточены памятники ранней поры желѣзной эпохи, поступившіе изъ Тобольской, Томской и Енисейской губерній. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны памятники, добытые раскопками Г. О. Оссовскаго, П. С. Проскурякова, Д. А. Клеменца и собранные И. А. Лопатинымъ и С. Сѣдельниковымъ. Въ составъ памятниковъ входятъ многочисленныя издѣлія изъ кости (полки 1-я—4-я, слѣва), бронзовыя кельты, ножи, кинжалы, серпы, удила, бронзовыя зеркала, желѣзные кинжалы, такъ называемаго скиѣскаго типа, ножи и другія орудія, формою живо воспроизводящія болѣе древніе бронзовые прототипы; бронзовыя котлы (ниж-

няя полка) и глиняные сосуды. По этимъ памятникамъ прослѣживается переходъ отъ культуръ бронзовой эпохи къ культурамъ желѣзной эпохи, выражающійся замѣною бронзовыхъ орудій желѣзными.

Витрина 19.

Въ витринѣ расположены памятники ранней и средней поры желѣзной эпохи. Наиболѣе интересными изъ нихъ представляются предметы изъ раскопокъ С. К. Кузнецова, П. С. Проскурякова и А. В. Адрианова (полки 1-я—3-я). Въ составъ ихъ входятъ костяныя и желѣзныя орудія, въ видѣ наконечниковъ стрѣлъ, кинжаловъ, топоровъ и др., значительное количество украшеній, глиняные и серебряные сосуды небольшихъ размѣровъ.

На четвертой полкѣ помѣщены предметы болѣе или менѣе случайнаго происхожденія, но сами по себѣ представляющіе значительный научный интересъ; таковы: 1) три серебряныхъ сосуда на высокихъ поддонахъ изъ д. Нарымской, Красноярскаго окр., Енисейской губ. (полка 4-я, слѣва); 2) бронзовый шлемъ, подаренный Московскому Университету М. К. Сидоровымъ; шлемъ происходитъ изъ Минусинскаго окр. той же губ.; 3) бронзовыя китайскія зеркала гладкія и съ характерными украшеніями (четыре планшеты, справа); 4) глиняные сосуды на высокихъ поддонахъ, формою какъ бы подражающіе металлическимъ сосудамъ.

Въ низу витрины стоятъ бронзовые котлы скиѣскаго типа.

Витрина 20.

Въ витринѣ помѣщены предметы поздней поры желѣзной эпохи. На верхнихъ трехъ полкахъ расположены чрезвычайно любопытныя вещи, добытыя А. Еленевымъ въ Бирюсинскихъ пещерахъ, Иркутской губ. Въ составъ вещей входятъ: желѣзныя конскія удила, желѣзные ножи, стрѣлы, крючки, обломки разныхъ предметовъ; многочисленныя издѣлія изъ дерева, бересты и кости. Многіе предметы по своему назначенію загадочны; на-

примѣръ, совершенно непонятными являются большіе куски бересты, обрѣзанные въ формѣ геометрическихъ сложныхъ фигуръ. Время этихъ предметовъ, повидимому, очень позднее. На трехъ нижнихъ полкахъ размѣщена коллекція еще болѣе любопытныхъ предметовъ, добытыхъ А. В. Адриановымъ въ могилахъ близъ г. Оглахты, Минусинскаго округа, Енисейской губ. Въ составъ коллекціи входятъ: деревянные сосуды въ формѣ блюдъ, чашъ, ковшей (полка 4-я); одинъ боченокъ (полка 6-я, слѣва); обломки двухъ луковъ (полка 5-я, слѣва); нѣсколько крестообразныхъ фигуръ (полка 5-я), въ которыхъ изслѣдователи узнаютъ идоловъ; приостренныя палочки въ видѣ веретенъ; обрывки тканей (въ коробкахъ); маскоидъ (большая коробка на нижней полкѣ, справа), представляющій изображеніе головы покойника, покрытое тканью. Время погребеній точно не установлено, но, судя по сохранности и типамъ деревянныхъ предметовъ, оно не можетъ быть особенно древнимъ.

Витрина 21.

Въ витринѣ сосредоточены памятники поздней поры желѣзной эпохи. На полкахъ 1-й—4-й и отчасти 5-й (представленныя планшеты) размѣщены предметы, собранные О. Б. Згерскимъ-Струмилло въ Минусинскомъ округѣ, Енисейской губ. Въ составъ ихъ входятъ многочисленныя наконечники желѣзныхъ стрѣлъ разнообразныхъ формъ, часто съ прорѣзными лопастями, издающими при полетѣ особый свистъ, пугающій плохо обученныхъ кавалерійскихъ лошадей; уздечныя удила, большинство съ усиками (псаліями), иногда представленными въ видѣ птицъ; стремяна разныхъ типовъ; чрезвычайно интересные металлическіе наборы конскихъ уздечекъ, нѣрѣдко покрытыхъ тонкою серебряною инкрустаціею и оригинальными узорами. Большинство этихъ предметовъ—китайскаго происхожденія. Любопытны скобы съ трубками для султановъ, возвышавшихся на головахъ лошадей.

На двухъ нижнихъ полкахъ помѣщены предметы изъ разныхъ мѣстностей: среди нихъ болѣе интересны

предметы религиознаго шаманскаго культа; таковы: бронзовый дискъ съ изображеніемъ людей, рыбы и оленя, бронзовая лодочка съ тремя пассажирами и бронзовыя фигурки людей, животныхъ, мифологическихъ птицъ, обыкновенно, называемыхъ чудскими образками (нижняя полка, слѣва).

Коллекція проф. Д. Я. Самоквасова.

Въ деревянныхъ витринахъ залы размѣщены обширныя и весьма цѣнныя коллекціи, принесенныя въ даръ Музею профессоромъ Д. Я. Самоквасовымъ, добытыя раскопками или купленныя имъ на личные средства.

Размѣщеніе коллекцій по витринамъ произведено самимъ Д. Я. Самоквасовымъ по особой, выработанной имъ, системѣ, благодаря чему коллекціи составляютъ особый кругъ (циклъ), не связанный съ общею разстановкою памятниковъ Музея.

Витрины 1 и 2 (деревянные).

Въ витринахъ помѣщены каменные орудія, приобретенныя проф. Д. Я. Самоквасовымъ въ Даніи. Формы орудій поражаютъ своими крупными размѣрами и великолѣпной отдѣлкой, наглядно указывая, что культуры Западной Европы уже въ каменный періодъ достигли значительнаго развитія.

Витрина 3.

Въ верхней части витрины, на табл. XXXVI и XXXVII, помѣщены предметы палеолитической эпохи каменнаго періода, добытыя въ пещерѣ Мамонта, въ окрестностяхъ с. Ойцова, Олькушскаго уѣзда, Кѣлецкой губ. (раскопки графа Ив. Завиши).

На всѣхъ прочихъ таблицахъ помѣщены кремневые орудія и осколки, собранные на песчаныхъ розсыпяхъ побережій рѣки Вислы и ея притоковъ въ предѣлахъ Варшавской губ.

Въ нижней части витрины помѣщены подобныя же орудія и осколки, собранные на песчаныхъ розсыпяхъ.

побережій р. Десны и ея притоковъ, преимущественно въ предѣлахъ Новгородсѣверскаго уѣзда, Черниговской губ. Далѣе слѣдуютъ разныя вещи, въ видѣ глиняныхъ сосудовъ и ихъ обломковъ, каменныхъ орудій и т. п., найденныхъ въ предѣлахъ Южной Россіи, въ погребеніяхъ со скорченными костяками. Особенно интересны, на табл. LXI, янтарныя бусы, мелкія просверленныя раковинки, ажурныя костяныя бляхи, найденныя вмѣстѣ съ круглодонными сосудами и полированными кремневыми орудіями въ каменной гробницѣ, подѣ Новогеоргіевскомъ, у деревни Коссево, Плоцкой губерніи.

Въ той же витринѣ помѣщаются каменные пращи овалной формы и яйцевидныя глиняныя слѣпки различной величины со сквозными отверстіями и круглыми углубленіями; орудія изъ кости и лосинаго рога и др. изъ Юхновскаго городища, Новгородсѣверскаго уѣзда Черниговской губ.

Витрина 4.

Въ верхней части витрины размѣщены памятники бронзовой эпохи металлическаго періода, происходящіе изъ могильниковъ Сѣвернаго Кавказа.

Въ нижней части витрины, на планшетахъ, приставленныхъ къ задней стѣнкѣ витрины, находятся окрашенныя охрой и неокрашенныя кости людей и животныхъ изъ тѣхъ же сѣверно-кавказскихъ могильниковъ. Въ средней части витрины расположены сосуды и мелкія вещи изъ раскопокъ, произведенныхъ Д. Я. Самовасовымъ въ Италіи, Крыму (Керчи) и на Сѣверномъ Кавказѣ.

Витрины 5—7.

Въ витринахъ расположены замѣчательныя коллекціи предетовъ изъ скифо-сарматскихъ кургановъ, изслѣдованныхъ Д. Я. Самоквасовымъ въ предѣлахъ Южной Россіи и Сѣвернаго Кавказа.

Въ витринѣ 5, внизу, на таблицахъ, сложенныхъ пачкою, нашиты серебряныя греческія и римскія монеты найденныя въ тѣхъ же областяхъ.

Витрина 8.

Въ витринѣ расположены вещи изъ позднихъ катакомбныхъ погребеній Сѣвернаго Кавказа. Вещи приписываютъ аланамъ (осетинамъ) и хазарамъ. Время ихъ опредѣляютъ VII—X вѣками по Р. Х.

Витрина 9.

Въ витринѣ расположены вещи изъ курганыхъ погребеній XI—XII вѣка по Р. Х., изслѣдованныхъ Д. Я. Самоквасовымъ въ разныхъ мѣстностяхъ, преимущественно въ Южной Россіи.

На верху витринъ 3—9 разставлены глиняныя сосуды, а на отдѣльномъ щитѣ развѣшаны мечи, сабли, копья разныхъ временъ, добытые раскопками въ разныхъ пунктахъ Евр. Россіи и относящіеся къ различнымъ временамъ и, вѣроятно, различнымъ народностямъ.

Витрины 10 и 11 (деревянные круглыя)

Въ витринахъ выставлены коллекціи, относимыя Д. Я. Самоквасовымъ къ славяно-русскимъ племенамъ.

Особенный интересъ представляютъ вещи коллекціи изъ «Черной Могилы» (витрина 10), раскопанной Д. Я. Самоквасовымъ въ самомъ городѣ Черниговѣ (дворъ Духовнаго Училища). По сохранившемуся преданію, въ этомъ курганѣ былъ погребенъ князь Чрный, основатель города Чернигова. Погребеніе предствляло видъ трупосожженія; въ остаткахъ сожженнаго трупана найдено большое количество сплавившихся или юпорченныхъ огнемъ металлическихъ вещей, а также и обуглившихся костяныхъ издѣлій. Нѣкоторыя вещи (турьи рога) найдены выше кострища въ насыпи кургана, куда онѣ, повидимому, были положены во время тризны. Время кургана опредѣляется византійскими монетами X вѣка, найденными среди прочихъ вещей. Изъ вещей замѣчательны: два турьихъ рога, обванныхъ широкими серебряными, позолоченными бляхами; желѣзный шлемъ, окованный мѣдными бляхами; брон-

зовая статуэтка, изображающая божка; сильно окисшіе желѣзные мечи, сабля, копья, стремена, кольчуги и др.; издѣлія изъ кости, въ видѣ игральныхъ шашекъ, зерни, овальныхъ пластинокъ съ вырѣзанными крестообразными знаками на ихъ поверхности.

Каменные бабы.

Въ залахъ 4 и 5, у стѣнъ и въ простѣнкахъ, поставлены каменные изваянія, называемыя каменными бабами. Время и народность ихъ точно не установлены, но правдоподобнымъ считается, что въ предѣлы Евр. Россіи онѣ занесены кочевниками изъ Сибири и Средней Азіи, и что во II и III вѣкахъ по Р. Х. онѣ уже существовали, какъ въ Области Войска Донского, такъ и въ Екатеринославской губ. Многіе русскіе археологи и историки считаютъ возможнымъ, слѣдуя за указаніемъ Рубрука (XIII вѣка), приписывать эти маститые памятники старины половцамъ, что, однако, съ точки зрѣнія новыхъ археологическихъ фактовъ, представляется невѣрнымъ. Каменные бабы ставились обычно на курганахъ, надъ покойниками, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напримѣръ, при дѣтскихъ погребеніяхъ) ихъ зарывали въ могильныя ямы и засыпали курганными насыпями. Эти случаи представляютъ особенный интересъ, такъ какъ, съ одной стороны, даютъ возможность установить связь каменныхъ бабъ съ опредѣленнымъ типомъ погребеній, а слѣдовательно и опредѣлить ихъ время, съ другой стороны, указываютъ, что эти изображенія имѣли значеніе не простыхъ надгробныхъ монументовъ, а скорѣе божествъ, охранявшихъ покойниковъ.

Изваянія бабъ вырабатывались не только изъ камня, но и изъ дерева и металла, имѣя иногда миниатюрные размѣры (зала 6, витр. 2 и зала В, витр. 5).

Зала 6.

Древности скиѣскія и сарматскія.

Въ залѣ, отдѣланной по образцу керченскихъ гробницъ, помѣщены памятники того времени, когда въ

предѣлахъ Южн. Россіи господствовали скиѣы и сарматы, двѣ народности, выступившія на историческомъ поприщѣ ранѣе всѣхъ другихъ народностей, обитавшихъ въ предѣлахъ Россіи, за исключеніемъ киммерійцевъ, вещественные памятники которыхъ до сихъ поръ остаются невыясненными.

Скиѣы (*Σκυθαι*), по свидѣтельству Геродота, вторглись изъ Азіи въ Россію въ VII вѣкѣ до Р. Х. Сарматы явились нѣсколько позже, именно, въ VI вѣкѣ. Первоначально скиѣы занимали сѣверный берегъ Чернаго моря, приблизительно отъ р. Дона до р. Днѣстра, сарматы же населяли область отъ Дона до Кубани и, можетъ быть, далѣе до Кавказскаго хребта. Обѣ народности, повидимому, были родственными другъ другу и сначала жили довольно мирно, но во II вѣкѣ до Р. Х. сарматы, усилившись, напали на скиѣовъ, опустошили и обратили въ пустыню большую часть Скиѣи, перебивъ всѣхъ непокорныхъ. Послѣ этого весь югъ Россіи, отъ Кубани до Дуная, оказался въ составѣ единой Сарматіи, просуществовавшей до II вѣка по Р. Х.

Скиѣы дѣлились на нѣсколько племенъ, которыя отличались другъ отъ друга говоромъ, обычаями и нравами; одни изъ нихъ занимались земледѣліемъ, другія—скотоводствомъ, но какъ тѣ, такъ и другія вели оживленную торговлю съ греками, отпуская имъ въ изобиліи хлѣбъ, скоть, кожи, воскъ и др. сырые продукты и получая взаменъ этого золотыя, серебряныя, глиняныя издѣлія, дорогія ткани, масла, вино и т. п. Покрой одежды у всѣхъ скиѣовъ одинаковъ: всѣ они носили остроконечныя войлочные шляпы или, вѣрнѣе, шлыки, кафтаны, длинныя шаровары и невысокіе мягкіе сапоги безъ каблуковъ. Женскія одежды состояли изъ рубашекъ и платьевъ, очень похожихъ на современныя. Великолѣпныя иллюстраціи одеждъ даны многочисленными изображеніями на серебряныхъ и золотыхъ сосудахъ и бляхахъ, а также живописными фресками, сохранившимися на стѣнахъ нѣкоторыхъ могильныхъ склеповъ. По этимъ изображеніямъ видно, что какъ мужская, такъ и женская

одежды часто покрывались многочисленными металлическими (обыкновенно, золотыми) бляхами, а дополненіемъ къ одеждамъ служили ожерелья, гривны, серьги, браслеты, кольца и др.

Вооруженіе составляли: луки, стрѣлы, копья, топоры, кинжалы и мечи; крупное оружіе дѣлалось почти исключительно изъ желѣза, а стрѣлы—изъ бронзы.

Жилищами для скиѳовъ-кочевниковъ служили крытыя телѣги на двухъ и четырехъ колесахъ, формы которыхъ увѣковѣчены въ глиняныхъ моделяхъ (игрушкахъ? см. витр. 5); формы же жилищъ скиѳовъ-земледѣльцевъ остаются неизвѣстными. Нѣкоторые скиѳы имѣли свои города, изъ которыхъ Гелонъ пользовался особенною извѣстностью.

Ни храмовъ, ни изображеній боговъ скиѳы не дѣлали, но для бога войны сооружали холмы изъ хвороста, на вершинахъ которыхъ водружались желѣзные мечи, являвшіеся символами самого бога.

Покойниковъ хоронили съ большою торжественностью. Трупъ покойника въ продолженіе 40 дней возили по знакомымъ и ежедневнѣ устраивали пиры. Но особенною пышностью сопровождались похороны царей. Для покойниковъ выкапывались глубокія и обширныя ямы, куда полагались вмѣстѣ съ ихъ трупами многіе, иногда драгоценные, предметы домашняго быта. Ямы покрывались сверху бревнами и камышомъ и затѣмъ засыпались курганами. Иногда, вмѣсто ямъ, устраивались каменные склепы. Изъ скиѳскихъ кургановъ особенною извѣстностью пользуются Чертомлыцскій (Екатеринославской губ., близъ мѣстечка Никополя) и Кульобскій (близъ Керчи). Оба они содержали, повидимому, царскія погребенія, но первый имѣлъ для помѣщенія покойниковъ ямы, а второй—склепъ, сложенный изъ тесанныхъ каменныхъ брусевъ.

Что касается сарматовъ, то въ нихъ видятъ предковъ осетинъ (аланъ), остатки которыхъ обитаютъ въ сѣверныхъ предгорьяхъ Кавказа до сихъ поръ. Одеждой ихъ, по свидѣтельству Діона Хрисостома, служили: кафтаны, кожаныя или матерчатыя шаровары и короткіе плащи. Женщины одѣвались въ длинныя платья,

похожія на современныя. Одежды мужчинъ и женщинъ украшались многочисленными золотыми бляхами и др. предметами личного убора. Относительно жилищъ показанія древнихъ писателей расходятся: одни утверждаютъ, что сарматы вели кочевой образъ жизни и жили въ повозкахъ, возимыхъ то волами, то лошадьми, другіе—что они жили осѣдло въ городахъ. Изъ древностей, приписываемыхъ сарматамъ, особенно замѣчательны керченскія катакомбы, уцѣлѣвшія росписи которыхъ даютъ возможность знакомиться со многими чертами сарматскаго быта.

Фризъ стѣны, обращенной къ Херсонесской залѣ, занятъ копіями съ фресокъ изъ Керченской катакомбы, открытой въ 1872 году (см. у стѣны ея модель).

Первая картина на фризѣ представляетъ всадника въ латахъ и шишахъ, нападающаго съ длиннымъ копьемъ на бородатую фигуру пѣшаго мужчины, вооруженнаго кинжаломъ и четырехугольнымъ щитомъ. Вторая картина изображаетъ воина, несущаго прапоръ. За нимъ идутъ еще четыре фигуры, вооруженныя длинными копьями и круглыми щитами; изъ нихъ первая, какъ и воинъ, несущій прапоръ, покрыта латами и шишакомъ, остальные же три фигуры—безъ шишаковъ, съ короткими волосами. На послѣдней картинѣ представлена битва: два раненыхъ на первомъ планѣ. Все поле этихъ картинъ покрыто изображеніями зеленыхъ вѣточекъ въ два листка, попеременно съ изображеніями въ видѣ сердецъ, раздѣленными пополамъ; верхняя часть—краснаго цвѣта, нижняя—блѣднорозоваго.

На противоположной стѣнѣ помѣщена стѣнопись изъ Керченской катакомбы, открытой въ 1877 году. Въ катакомбѣ надъ входомъ стоитъ надпись:

ΑΝΘΕΣΤΗΡΙΟΣ ΗΓΗ
ΣΙΠΠΟΥ Ο ΚΑΙ
ΚΤΗΣΑΜΕΝΟΣ

значить: «Анѣстирій сынъ Игисиппа, который приобрѣлъ».

Изъ надписи заключаютъ, что катакомба эта—фамильная, и что схороненный въ ней Анѳестирій самъ приобрѣлъ ее при жизни своей.

На стѣнописи изображена домашняя жизнь Анѳестирія, сына Игисиппа. Какъ житель степи, онъ со своею семьей обитаетъ въ палаткѣ; къ палаткѣ приклонено длинное копье, внутри ея видны двѣ человѣческія фигуры. Возлѣ палатки, на высокомъ сѣдалищѣ, сидитъ женщина, совершенно въ томъ положеніи, какъ это принято было изображать на могильныхъ плитахъ Керчи (см. въ залѣ Б). Вокругъ женщины—трое дѣтей и всадникъ, можетъ быть, самъ Анѳестирій. Далѣе, направо, виденъ другой всадникъ и пасущіяся лошади. Полагаютъ, что эти стѣнописи относятся ко второму или третьему вѣку по Р. Х.

На фризѣ стѣны, обращенной къ залѣ 5, изображены бытовые сцены скиѳской жизни, взятая съ знаменитой чертомлыцкой (никопольской) серебряной вазы, фарфоровая копія съ которой находится въ витринѣ 5.

Чертомлыцкій курганъ, гдѣ была найдена ваза, раскопанъ знаменитымъ историкомъ И. Е. Забѣлинымъ, нашедшимъ въ курганѣ, кромѣ вазы, много сокровищъ, хранящихся въ Эрмитажѣ въ Петроградѣ.

Витрина 1, въ срединѣ залы.

Въ витринѣ, на пьедесталѣ, поставлена модель склепа Кульобскаго кургана, а на бокахъ пьедестала изображены: видъ кургана съ южной стороны, до раскопокъ его, планъ кургана и планъ склепа съ объясненіемъ расположенія въ склепѣ покойниковъ и вещей.

Склепъ имѣетъ видъ квадратной комнаты въ $6\frac{1}{2}$ аршинъ длины и ширины. Потолокъ его устроенъ шатромъ, образованнымъ рядами камней, постепенно сближающимися другъ къ другу. Полъ вымощенъ каменными плитами. Входъ открывался съ сѣверной стороны. Внутри склепа, на деревянномъ возвышеніи, стоялъ деревянный саркофагъ (гробъ) съ останками царя, имѣвшаго на головѣ царскую золотую діадему;

его ложе оказалось засыпаннымъ множествомъ драгоценнѣйшихъ украшеній, вѣроятно же всего, нашивавшихся на одежды и на покровъ, отъ которыхъ не сохранилось остатковъ. Большая часть этихъ сокровищъ хранится въ Петроградѣ, въ Эрмитажѣ, и нѣсколько вещицъ — въ Историческомъ Музеѣ (витр. 4). Недалеко отъ гроба находились мечъ съ золотой рукояткой, золотая чаша, лукъ въ электроновомъ (смѣсь золота съ серебромъ) налучьѣ и ременная плеть. На полу, около деревяннаго возвышенія, какъ разъ противъ входа, помѣщался трупъ женщины, голова которой украшалась электроновою діадемою великолѣпной работы, а шея, грудь и ноги — множествомъ золотыхъ бляшекъ; въ ногахъ стоялъ замѣчательный электронный сосудикъ, покрытый изображеніями скиѣскаго царя и воиновъ (копію съ этого сосуда см. въ витр. 4). Въ юго-западномъ углу склепа, въ четырехугольномъ углубленіи, лежали кости коня, бронзовые поножи (кнемиды) и шлемъ; тутъ же покоился костякъ мужчины (конюха?), сопровождаемый большимъ числомъ золотыхъ бляшекъ, служившихъ украшеніями одежды. Вдоль стѣнъ стояли большіе глиняные и бронзовые сосуды, въ послѣдніе были вложены малые серебряные и золотые сосудики.

Безспорно, самымъ цѣннымъ сосудомъ является электронный сосудъ, найденный при костякѣ женщины, вѣроятно, царицы. По своему художественному значенію, этотъ сосудъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди скиѣскихъ памятниковъ вообще. На немъ изображены люди и ихъ одежды съ полною реальностію и, повидимому, фотографическою точностію, что даетъ возможность судить о типахъ людей, объ ихъ одеждѣ и вооруженіи.

Витрина 2.

Въ витринѣ помѣщены памятники наиболѣе древней скиѣской жизни въ Южн. Россіи. Слева, на стѣнкѣ витрины, прибиты три планшеты, одна подъ другою, съ предметами, найденными въ Кіевской губ.; въ составъ ихъ входятъ бронзовые большіе ножи и великолѣпный наконечникъ бронзоваго копья, которые могутъ быть

относимы къ VII вѣку до Р. Х. На нижней (третьей) планшетѣ помѣщаются двѣ замѣчательныя электронныя височныя привѣски, изъ которыхъ одна—безъ кольца, и серебряный браслетъ съ концами въ видѣ головокъ львовъ, сдѣланныхъ изъ низкопробнаго золота; рядомъ съ этимъ браслетомъ нашитъ обломокъ второго такого же (вѣроятно, парнаго) браслета. Вещи эти могутъ относиться къ VI вѣку до Р. Х. Другія вещи изъ той же Кіевской губ. (планшеты слѣва, внизу), повидимому,—болѣе позднія и представляются смѣшанными.

Любопытны и древнія золотыя вещи изъ дер. Дубовой, Верхнеднѣпровскаго уѣзда, Екатеринославской губ.: ихъ можно относить къ раннему скиѣскому времени.

II планшетъ, изъ которыхъ 8 прибиты къ стѣнѣ и 3 положены на дно витрины, содержатъ часть коллекціи, принесенной въ даръ Музею Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Коллекція добыта раскопками В. А. Городцова, на специально пожертвованныя для этой цѣли средства членомъ названнаго Общества профессоромъ Д. Я. Самоквасовымъ. Часть предметовъ происходитъ изъ Бѣльскаго городища, а часть—изъ сосѣднихъ съ городищемъ кургановъ.

Бѣльское городище располагается на берегу р. Ворсклы, близъ с. Бѣльска, Зѣньковскаго уѣзда, Полтавской губ. Это—самое обширное городище, имѣющее до 30 верстъ въ окружности. Для болѣе упорной обороны городище усилено тремя фортами, или меньшими городищами, расположенными въ трехъ различныхъ пунктахъ по линіи главнаго вала городища. Самымъ сильнымъ по высотѣ земляныхъ валовъ является западный фортъ, расположенный у современнаго с. Бѣльска; этотъ фортъ носить слѣды наибольшей обитаемости, и на немъ были сосредоточены раскопки, давшія представленныя въ витринѣ вещи, характерныя для разныхъ вѣковъ скиѣской культуры. Датой древнѣйшихъ вѣковъ служатъ обломки инкрустированной бѣлой пастой глиняной посуды (планшета съ образцами этой посуды лежитъ въ срединѣ витрины). Время этой посуды, несомнѣнно, древнѣе VI вѣка. Къ болѣе позднему времени, именно къ VI вѣку, относится обломокъ

большой чернофигурной античной вазы (планшета, прибитая къ стѣнкѣ витрины, во второмъ ряду, вторая слѣва); еще болѣе обильно отмѣчаются послѣдующіе вѣка обломками краснофигурной античной керамики съ великолѣпнымъ блестящимъ чернымъ лакомъ и простой античной посуды въ видѣ амфоръ, фіаловъ и др. Наиболѣе позднія скиѣскія вещи, найденныя въ городищѣ, могутъ быть приурочены къ III—II вѣкамъ до Р. Х. Къ этимъ вѣкамъ слѣдуетъ относить и вещи, добытыя изъ кургановъ.

На площади Бѣльскаго городища было вскрыто огромное число костей домашнихъ животныхъ, а въ одномъ курганѣ найдены были обугленные колосья пшеницы, сопровождавшіе покойника. Все это свидѣтельствуемъ о томъ, что обитатели городища занимались и земледѣліемъ и обширнымъ скотоводствомъ, что вполне согласуется и съ показаніями Геродота и другихъ древнихъ писателей. Судя по костямъ, въ составъ домашнихъ животныхъ входили: лошадь, корова, овца, коза, свинья и собаки двухъ породъ: крупной и мелкой.

Обширное Бѣльское городище, повидимому, не служило мѣстомъ постояннаго обитанія, а являлось убѣжищемъ въ непокойное военное время, когда окрестные жители, укрываясь отъ нападающаго врага, искали за укрѣпленными земляными валами городища убѣжище для себя и домашнихъ животныхъ, вводя послѣднихъ въ обширный дворъ укрѣпленія. Въ оврагахъ, пересекающихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ площадь городища, и теперь еще видны остатки земляныхъ плотинъ, возведенныхъ для запруживанія воды, необходимой для водопоя, повидимому, многочисленнымъ животнымъ. Люди пользовались водою изъ р. Ворсклы; по крайней мѣрѣ на это указываетъ ходъ, огражденный валомъ, идущій отъ сѣвернаго форта въ с. Куземинѣ къ рѣкѣ.

Среди вещей особеннаго вниманія заслуживаютъ остатки открытой мастерской для отливки бронзовыхъ стрѣлъ. Долгое время держалось мнѣніе, что великолѣпные наконечники скиѣскихъ стрѣлъ были привозными, а не мѣстнаго изготовленія. Бѣльская мастерская окончательно вырѣшила вопросъ въ пользу мѣстнаго

производства. Въ мастерской, представлявшей видъ небольшой землянки, найдены мѣдные шлаки, куски мѣди, вылитой изъ тигля и застывшей, очевидно, при производствѣ работы, и, что особенно интересно, значительное число наконечниковъ стрѣлъ.

Витрина 3.

Коллекція предметовъ изъ скиѣскихъ кургановъ, расположенныхъ близъ с. Аксютинцы, Роменскаго у., Полтавской губ. Въ составъ коллекціи вошли предметы, добытые раскопками разныхъ изслѣдователей и поступившіе въ Музей въ разное время. Характеръ ихъ въ общемъ—одинаковый. Среди предметовъ имѣются золотыя украшенія, бронзовыя стрѣлы, удила, поножь (кнемида), колокольчики, сосуды (см. на верху витрины), желѣзные топоры, копья, удила, псаліи; очень любопытны щипцы съ ложчатыми концами, терракотовыя греческіе сосуды, грубые глиняные сосуды, каменное блюдо и значительный наборъ разнообразныхъ мелкихъ бусъ.

Коллекціи изъ кургановъ окрестностей сс. Великіе Буды и Волковицы того же уѣзда и губерніи (три планшеты, справа); составъ предметовъ носить тотъ же характеръ, какъ и предшествующей коллекціи.

Кромѣ того, въ витринѣ размѣщены деревянные сосуды, ложки и два бронзовыхъ зеркала въ деревянныхъ рамахъ, происходящіе изъ Екатеринославской губ.; приобрѣтены покупкой.

Витрина 4.

Въ витринѣ слѣва помѣщена фарфоровая копія съ серебряной вазы (вышиною около 1 аршина и діаметромъ въ плечахъ около 9 вершковъ), добытой изъ знаменитаго Чертомлыцкаго кургана, гдѣ было обнаружено богатѣйшее погребеніе скиѣскаго царя. Поверхность вазы изящно расчеканена травнымъ орнаментомъ съ изображеніемъ цвѣтовъ, птицъ, наверху двухъ грифоновъ, терзающихъ оленя, а по фризу украшена

горельефными изображеніями сценъ изъ жизни скиѳовъ, занятыхъ уходомъ за своими конями.

Рядомъ находится бронзовый котелъ сжатой формы на высокомъ поддонѣ, планшета съ золотыми вещами, добытыми изъ не менѣе знаменитаго Кульобскаго кургана близъ г. Керчи, гдѣ было вскрыто царское погребеніе (см. витр. 1). Здѣсь же расположены:

1. Копія съ хранящагося въ Петроградскомъ Эрмитажѣ электроноваго сосуда, украшеннаго семью фигурами скиѳовъ, изъ которыхъ шесть сидятъ попарно и одна фигура отдѣльно. Всѣ изображенныя сцены происходятъ въ степи, покрытой цвѣтами. Въ первой парѣ — царь съ діадемой (повязкой) на головѣ бесѣдуетъ со скиѳомъ, сидящимъ на колѣняхъ; во второй парѣ представлено, какъ скиѳъ, можетъ быть врачъ, извлекаетъ зубъ изо рта другого скиѳа; въ третьей парѣ скиѳъ, вѣроятно также врачъ, забинтовываетъ, повидимому раненую, ногу другому скиѳу; наконецъ, одиночный скиѳъ занятъ натягиваніемъ тетивы на лукъ. Всѣ изображенные скиѳы имѣютъ длинныя бороды, одѣты въ кафтаны, стянутые поясами; вмѣсто шапокъ, на головахъ — башлыки.

2. Копія съ хранящагося въ Петроградскомъ Эрмитажѣ серебрянаго сосуда, украшеннаго тремя группами животныхъ: упавшаго на заднія ноги козла, на котораго нападаютъ крылатые грифоны; упавшаго оленя, сзади на него напалъ левъ, а спереди подбѣгаетъ львица; и кабана, схваченнаго львомъ.

3. Копія съ золотой круглой чаши-поддона, украшеннаго головами горгоны съ высунутыми языками, головами, вѣроятно, бога Пана, головами кабановъ, рыбами и дельфинами.

Въ той же витринѣ расположены интересныя глиняныя фигурки, позволяющія составить нѣкоторыя понятія о разныхъ чертахъ домашняго и религіознаго быта. Любопытны, напримѣръ, глиняная повозочка съ крытымъ верхомъ (кибитка), несомнѣнно изображающая жилище скиѳовъ-кочевниковъ, помѣщавшихся въ повозкахъ; фигурка человѣка, сидящаго на пѣтухѣ, представляющаго фригійскаго бога луны; другія статуэткі знакомятъ съ одеждами и вооруженіемъ какъ скиѳовъ, такъ и другихъ народовъ, имѣвшихъ съ ними сношенія.

Витрина 5.

Въ витринѣ расположены предметы, относящіеся къ Сарматской культурѣ. Среди нихъ обращаютъ вниманіе:

Коллекція предметовъ изъ Бессарабской губ., въ составъ которой входятъ части бронзовыхъ украшеній (латъ), бронзовый шлемъ и обломки глинянаго сосуда; предметы относятся приблизительно ко времени около Р. Х.

Коллекція изъ Курской губ.: золотыя бляшки, электроновая гривна, три глиняныхъ чернолаковыхъ сосуда и стеклянная чаша (фіаль) съ изображеніемъ на ней сцены вакхическаго культа; предметы относятся къ I—III вв. по Р. Х.

Изъ области Войска Донскаго, слободы Недвиговки: мѣдныя древне-греческія монеты, бусы, обломки глиняной посуды, стеклянныя слезницы и обломки стеклянныхъ сосудовъ, глиняныя лампочки и ручки амфоръ съ клеймами.

Изъ Кубанской области, станицы Маріинской: плоская серебряная чаша съ позолотой, покрытая сложнымъ рельефнымъ орнаментомъ въ видѣ травъ, листвы и поясныхъ женскихъ изображеній съ крыльями и высокими головными уборами.

Изъ кургана той же области, станицы Сѣверской: нѣсколько золотыхъ бляхъ; два стеклянныхъ, обложенныхъ золотомъ, сосуда; золотая цилиндрическая окладка изъ листового золота съ тиснеными рельефными изображеніями грифоновъ; двѣ одинаковыхъ золотыхъ окладки отъ сосудовъ: каждая состоитъ изъ двухъ параллельныхъ зубчатыхъ ободковъ, соединенныхъ шестью поперечными зубчатыми полосками, съ верхняго ободка спускаются цѣпочки, оканчивающіяся дутыми золотыми шариками; копіи золотыхъ монетъ Перисада (оригиналы ихъ хранятся въ собраніи монетъ и медалей Музея).

Изъ той же области, станицы Новоджереліевской: бусы, смятые золотой браслетъ, гривна и серьги.

Изъ Астраханской губ.: золотая бляшка съ изображеніемъ человѣка и пантеры или тигра.

Изъ Оренбургской губ., Орскаго уѣзда: золотыя серьги и бляшки, костяная ложка, головка льва, вырѣзанная изъ кости, служившая, повидимому, набалдашникомъ трости, бусы, раковины и др.

Зала В.

Памятники римских колоній, готскіе, Крыма и Кавказа.

Отдѣлка залы произведена по сохранившимся до нашего времени древне-армянскимъ и византійскимъ постройкамъ, а именно: наличники дверныхъ пролетовъ сдѣланы по образцу дверей древне-армянскаго Татевскаго монастыря, перестроеннаго въ 895 году; окно украшено связанными колоннами; очелье надъ ними— въ византійскомъ стилѣ, по образцу сѣни въ церкви Пантократора въ Константинополѣ. Арка, ведущая въ залу Б, окаймлена оброннымъ украшеніемъ, по образцу, находящемуся въ Кутаисскомъ соборѣ.

Потолокъ сдѣланъ по образцу расписныхъ деревянныхъ потолковъ въ византійскихъ базиликахъ, въ частности по образцу потолка, сохранившагося въ г. Палермо (Италія), въ церкви Монреаль.

Узоръ мозаики пола сдѣланъ по образцу византійской мозаики въ церкви Спасителя въ г. Константинополѣ.

Витрина 7.

Въ витринѣ размѣщены памятники римскихъ колоній Сѣвернаго Кавказа I—III вв. по Р. Х. Культура характеризуется присутствіемъ предметовъ чисто-римскаго и отчасти греческаго производства, а также мѣстныхъ варварскихъ памятниковъ быта. Античныя издѣлія носятъ печать упадка. Высокая художественная античная техника конца ранней поры желѣзной эпохи теперь получила чисто-ремесленный, такъ сказать, оптовый характеръ, выражая паденіе вкуса даже въ такихъ подѣлкахъ, какими являются золотыя, наиболѣе цѣнныя ювелирныя издѣлія. Таковыми прежде всего представляются многочисленные золотыя бляшки, служившія по старой варварской (сарматской) традиціи украшеніемъ одежды; онѣ получили въ это время совершенно примитивныя геометрическія формы ромбиковъ, треугольниковъ, зигзаговъ, полумѣсяцевъ, въ сущности не имѣвшихъ ни-

какого изящества и никакой художественной цѣны. Наряду съ этимъ явленіемъ получаютъ широкое распространеніе скань, зернь, вставки въ вещи разноцвѣтныхъ камней, стеколь и эмали; замѣчается приливъ стеклянной посуды, подражающей формамъ металлической и терракотовой посуды. Главными центрами производства этихъ предметовъ служили черноморскіе города, нѣкогда основанные греками и теперь входившіе въ составъ или Римской имперіи или Босфорскаго царства, находившагося въ вассальной зависимости отъ первой. Среди этихъ городовъ особенное значеніе имѣла столица Босфорскаго царства—Пантикапея, гдѣ этого рода предметы встрѣчаются въ необыкновенномъ изобиліи.

Среди выставленныхъ предметовъ обращаютъ вниманіе: бронзовый котель съ ручками въ видѣ собачекъ (на верху витрины) и глиняные сосуды въ видѣ птицы и баранчика (полка 3-я), мѣдный золоченый тазъ (низъ витрины) и глиняный сосудъ въ формѣ цилиндрическаго боченка (тамъ же). Интересны золотыя бляшки разныхъ формъ, медальоны, серьги и другія украшенія. Изъ предметовъ мужского вооруженія и конскаго снаряженія заслуживаютъ вниманія: короткіе мечи съ кольцеобразными гайками (полка 5-я и др.), многочисленныя желѣзныя стрѣлы, мѣдныя и желѣзныя чешуйки панцырей (полка 5-я), удила съ простыми и колесовидными псаліями, иногда покрытыми позолотой (полка 5-я), бляшки, украшавшія сбрую (полка 2-я, слѣва). Интересенъ каменный сверленый топоръ, положенный съ покойникомъ, какъ амулетъ (полка 6-я). Въ одномъ женскомъ погребеніи найдены были остатки золотистыхъ волосъ (полка 4-я).

Витрина №6.

Культуры III—VII вв. по Р. Х.

На первой полкѣ размѣщены предметы, добытые на Сѣверномъ Кавказѣ раскопками Н. И. Веселовскаго, В. Ѳ. Миллера и Г. Д. Филимонова. Время ихъ опредѣляется фибулами II—III вв. по Р. Х. (вторая и

третья планшеты, слѣва). Въ это время Сѣверный Кавказъ былъ занятъ сарматами (предками современныхъ осетинъ), называвшимися въ древности также аланами. Изъ другихъ вещей, кромѣ фибулъ, важныхъ, потому что онѣ опредѣляютъ время вещей, обращаютъ вниманіе бѣлыя пастовыя бусы (первая планшета, справа), которыя распространялись далеко на сѣверъ въ область финскихъ народностей; также интересны бронзовыя кольца, украшенныя рядами шариковъ (третья планшета, слѣва). Среди вещей мѣстнаго происхожденія имѣются привозныя изъ Египта въ видѣ бусъ, скарабеевъ и привѣсокъ изъ голубой пасты, и изъ Греціи въ видѣ стекляннаго сосудика—слезницы (та же планшета) и, наконецъ, античной головки (вторая планшета, справа).

На второй полкѣ и на верху витрины размѣщены предметы, добытые раскопками В. В. Хвойки въ окрестностяхъ с. Черняхова, Кіевской губ. и уѣзда, въ такъ наз. «поляхъ погребальныхъ урнъ». Поля погребальныхъ урнъ, или «поля погребеній» (*champs d'urnes*, *Urnenfelder*), представляютъ могильники безъ земляныхъ насыпей; такіе могильники, обыкновенно, планируются на открытыхъ, ровныхъ или нѣсколько возвышенныхъ, площадяхъ. Въ могилахъ встрѣчаются какъ остатки трупосожженій, такъ и простыхъ погребеній. Остатки трупосожженій, въ видѣ обугленныхъ и растрескавшихся на мелкіе куски человѣческихъ костей и попорченныхъ огнемъ металлическихъ предметовъ, полагаются въ глиняную урну, которая ставится на дно неглубокой ямы, гдѣ окружается другими глиняными сосудами. Рѣже сожженные кости покойниковъ кладутся на дно ямы и обставляются также сосудами (см. образцы ихъ на верху витрины и на полкѣ 1-й). При простыхъ погребеніяхъ ямы вырываются глубже, и покойники въ нихъ полагаются безъ строгой оріентировки, въ вытянутомъ и рѣже въ скорченномъ положеніи.

Поля погребальныхъ урнъ, по мнѣнію наиболѣе авторитетныхъ археологовъ, принадлежатъ древней славяногерманской народности. Они прослѣжены въ Лузаціи (области лужичанъ), Бранденбургѣ, Силезіи, Моравіи, Австріи, Сѣверной Венгріи, Галиціи, Познаніи и въ

Чехіи по берегамъ р. Лабы (Эльбы). Въ Россіи подобныя могильники находятся въ губерніяхъ Кіевской, Черниговской, Харьковской и др. Могильникъ близъ с. Черняхова датируется римскими монетами II в. по Р. Х. и арбалетными фибулами III в. по Р. Х. (см. полку 1-ю, планшету слѣва). Памятники, открытые въ Россіи, относятся къ болѣе позднему времени, что указываетъ на поздній приходъ славяно-германской народности въ предѣлы Россіи.

На остальныхъ полкахъ въ 5 витринѣ помѣщены памятники, приписываемые готамъ.

По сохранившемуся преданію, готы первоначально жили въ Скандинавіи, откуда, переправившись черезъ Балтійское море, заняли область по нижнему теченію Вислы, оказавшись среди славянскихъ, литовскихъ и отчасти финскихъ племенъ. Древнѣйшее упоминаніе о готахъ въ Привислинской области относится къ IV в. до Р. Х. Въ первой половинѣ II в. по Р. Х. они остаются въ той же области, но къ концу этого вѣка они быстро начинаютъ распространять свои владѣнія въ направленіи устья р. Дуная и сѣвернаго побережья Чернаго моря, которыми и овладѣваютъ въ началѣ III вѣка.

Занявши обширнѣйшія области, готы вскорѣ раздѣлились на двѣ вѣтви: восточную и западную, и стали называться остготамъ и вестготами. Остготы владѣли всѣмъ русскимъ Черноморьемъ, включая отчасти Кавказъ. Наибольшаго могущества остготы достигли въ царствованіе Германриха, овладѣвшаго большею частью нынѣшней Европейской Россіи, но при немъ же они и пали. Въ 375 году на остготовъ обрушились гунны и нанесли имъ такое пораженіе, что Германрихъ въ отчаяніи лишилъ себя жизни, а сынъ его Гунимундъ съ большею частью готовъ принялъ подданство гунновъ и вмѣстѣ съ ними напалъ на другую часть остготовъ и на вестготовъ, не выдержавшихъ такого натиска и своимъ отступленіемъ на Западъ положившихъ начало такъ назыв. «великому переселенію народовъ». Послѣ этого въ предѣлахъ Россіи осталась лишь небольшая часть готовъ, удержавшаяся въ Крыму и Тамани (Фанагоріи).

Къ концу IV в. эти готы считались христіанами, имѣли епископа и удержали свою политическую самостоятельность до VIII вѣка. Борясь съ хазарами въ X в., они искали защиты у могущественнаго князя, жившаго къ сѣверу отъ Дуная, въ которомъ всѣ изслѣдователи узнаютъ одного изъ великихъ кіевскихъ князей (Святослава). Позже крымскіе и таманскіе готы входятъ сначала въ составъ Византіи, а затѣмъ Татарской орды. Въ XV вѣкѣ крымскіе готы еще говорили на древнеготскомъ языкѣ, близкомъ къ нѣмецкому. Въ слѣдующихъ вѣкахъ они совершенно исчезаютъ, смѣшавшись съ татарами.

Изъ выставленныхъ вещей особый интересъ представляютъ украшенія и части одежды, носящія на себѣ слѣды такъ наз. готскаго стиля. Стиль этотъ характеризуется рѣзко-выраженными геометрическими формами, которыя скрашены разноцвѣтными вставками эмалей, стеколъ и драгоценныхъ камней и дополнены головками животныхъ, птицъ и человѣка. Стиль представляется строгимъ и далекимъ отъ природы. Растительный орнаментъ почти отсутствуетъ, зато широкимъ распространеніемъ пользуются геометрическія прорѣзи.

Начало этому стилю было положено, безъ сомнѣнія, греками, отъ которыхъ мода украшать предметы разноцвѣтными камнями и стеклами проникла въ Среднюю Азію и Сибирь. Ко времени появленія готовъ на берегахъ Чернаго моря этотъ стиль, видоизмѣненный на Востокѣ, сталъ проникать вмѣстѣ съ кочевниками въ Черноморье, гдѣ и былъ воспринятъ готами. Готы въ свою очередь наложили на этотъ стиль особую печать искусства и въ этомъ видѣ распространили его по всему длинному пути своихъ передвиженій черезъ всю Западную Европу. Всюду, куда проходила Готская культура, находятъ вещи этого стиля.

Наиболѣе характерными изъ готскихъ украшеній являются фибулы и поясныя пряжки. Самыми выразительными формами фибулъ представляются пальчатая и прорѣзная. Пальчатая фибула (рис. 53) состоитъ изъ двухъ щитковъ, соединенныхъ дуговиднымъ перехватомъ; верхній щитокъ имѣетъ форму полукруга, укра-

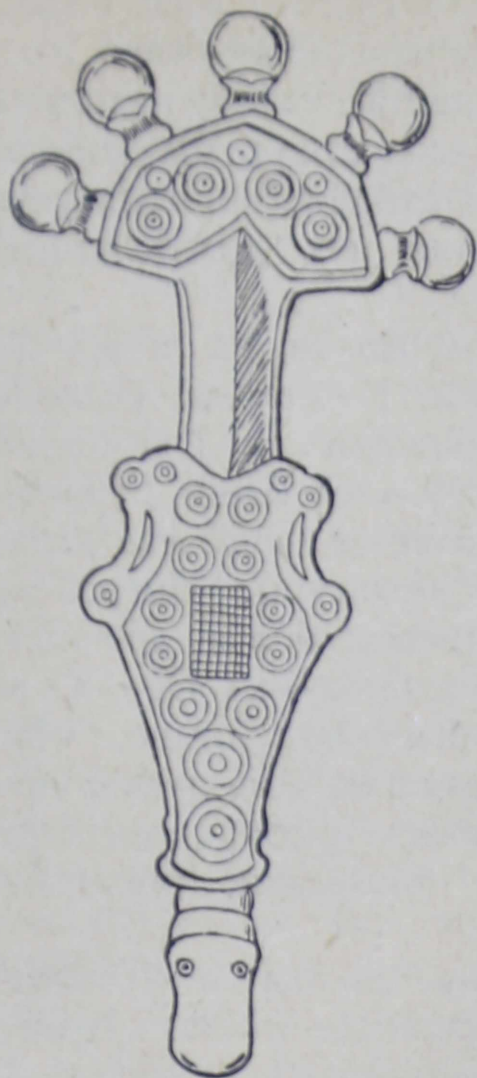


Рис. 53.

шеннаго однимъ, тремя, а чаще пятью выступами — пальцами (витр. 6, полка 3-я и 5-я и витр. 5, полки 3-я, 4-я и 5-я). Эта характерная форма фибулы, вѣроятно, получила начало отъ фибулъ, изображающихъ въ схематическомъ видѣ фигуру человѣка. Дѣйствительно, на болѣе архаичныхъ экземплярахъ легко можно усмотрѣть человѣческую фигуру (витр. 5, полка 3-я, первая планшета, слѣва).

Прорѣзные фибулы украшались обычно головками коней и соколовъ. Можно думать, что эти головки имѣли мистическое значеніе, такъ какъ у многихъ народовъ съ лошадиными головами связывались суевѣрные представленія.

Замѣчательны готскія поясные пряжки, отличающіяся особенно тщательной отдѣлкой (витр. 6, полки 3-я, 4-я и 5-я). Кольца пряжекъ часто имѣютъ видъ двуглавоу змѣи, а застежки—соколиной головки, при чемъ глаза животныхъ заполнены вставками изъ цвѣтныхъ стеколъ или камней. Другія типичныя пряжки, подковообразныя, украшены цвѣтной эмалью. Интересны прорѣзные бляхи, иногда соединенныя въ цѣпи, также украшенныя эмалью (витр. 5, полка 4-я, вторая планшета, справа).

Характерны для Готской культуры луновидныя привѣски (та же планшета), массивныя браслеты съ поперечными гребнями (полка 4-я), браслеты съ полыми расходящимися концами (витр. 5, полка 3-я), серьги въ видѣ кольца съ круглымъ щиткомъ внизу.

Площадью распространенія готскаго стиля служить значительная часть Европейской Россіи: вещи этого

стиля находятъ въ Крыму, на Кавказѣ, по всей полосѣ южно-русской степи и въ области средне-русскаго лѣса.

На полкѣ 3-й, на первой планшетѣ, слѣва, находится коллекція богатыхъ вещей готскаго стиля, найденныхъ въ Керчи; въ составъ коллекціи входятъ золотыя украшенія тонкой работы со вставками изъ драгоценныхъ камней.

На остальныхъ планшетахъ 3-й полки, на полкѣ 4-й и на четырехъ планшетахъ полки 5-й, слѣва, расположены предметы, добытые раскопками Н. Рѣпникова. Вещи найдены въ могильникѣ Суукъ-Су близъ Гурзуфа, въ Крыму. Этотъ могильникъ является наиболѣе характернымъ памятникомъ Готской культуры. Погребенія въ немъ относятся къ двумъ эпохамъ: болѣе древнія—къ VI—VII вв. по Р. Х. и болѣе позднія—къ IX—XI вв. Древнія погребенія были значительно богаче, чѣмъ позднія. Покойники въ нихъ полагались въ ямахъ, прикрытыхъ досками, и въ катакомбахъ и сопровождались преимущественно украшеніями: фибулами, пряжками, серьгами, бусами и пр.

На остальныхъ полкахъ витрины находятся коллекціи готскихъ вещей, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ Крыма.

Витрина 5.

На полкахъ 1-й и 2-й расположены предметы Готской и Аланской культуръ изъ разныхъ мѣстностей Кавказа. Интересны деформированные черепа (полка 2-я, справа) изъ кургановъ Сѣвернаго Кавказа; черепа приписываютъ готамъ.

На полкѣ 3-й, на трехъ планшетахъ, слѣва, находятся интересныя готскія вещи изъ Пастерскаго городища Кіевской губ. Здѣсь было изслѣдовано цѣлое культурное наслоеніе, указывающее на обитаніе городища во время готскаго владычества. Вещи этой коллекціи представляются весьма характерными: типичны прорѣзные фибулы, украшенныя головками животныхъ, браслеты съ полыми расширенными концами, серьги въ видѣ кольца со щиткомъ внизу, такъ называемаго, меровингскаго типа и др.

На остальныхъ планшетахъ этой полки расположены предметы готскаго стиля, найденные въ разныхъ мѣстахъ Южной Россіи.

Слѣдующая коллекція (полка 4-я и одна планшета, первая справа—на полкѣ 5-й) составляетъ кладъ готскихъ вещей, открытый Н. И. Булычевымъ во время раскопокъ на Мошинскомъ городищѣ въ Калужской губ. Кладъ былъ зарытъ въ валѣ городища и состоитъ изъ разнообразныхъ вещей, преимущественно, бронзовыхъ, украшенныхъ красной и голубой эмалью; предметы эти относятся къ концу IV в. Въ составъ клада входятъ: массивные браслеты (полка 4-я, первая планшета, справа), головные вѣнцы и шейныя гривны (полка 4-я, планшеты вторая и третья, слѣва), привѣски, бляхи, бусы и сложное украшеніе, состоящее изъ прорѣзныхъ бляхъ съ эмалью, соединенныхъ между собою (полка 4-я, вторая планшета, справа).

На полкѣ 5-й, на второй справа планшетѣ—вещи того же стиля изъ погребеній въ курганахъ Смоленской губ.; среди нихъ интересны украшенныя цвѣтной эмалью фибула, круглая бляха и четырехугольная бляха съ конскими головками; датируются онѣ IV вѣкомъ.

На той же полкѣ, на четырехъ планшетахъ, слѣва, находится коллекція вещей, случайно найденныхъ близъ д. Колосковой, Валуйскаго у., Воронежской губ.; въ составъ коллекціи входятъ пятипальчатая фибулы, пряжки, привѣски, браслеты и др.

На нижней полкѣ расположены глиняные сосуды въ цѣломъ видѣ и въ обломкахъ, архитектурные фрагменты изъ разныхъ мѣстностей Кавказа и Крыма, разнаго времени, преимущественно поздней поры желѣзной эпохи.

Витрина 4.

На полкахъ 1-й, 2-й и 3-й расположены предметы изъ разныхъ мѣстъ Кавказа. Изъ нихъ особый интересъ представляютъ фаянсовые и стеклянные сосуды, принесенные въ даръ гр. П. С. Уваровой (полка 2-я). Сосуды эти относятся къ XIV в.; лучшіе изъ нихъ (два фаянсовыхъ кувшина и др.)—персидской работы. Со-

бране это въ общемъ представляется выдающимся. Не менѣе интересна коллекція предметовъ, расположенныхъ на полкѣ 3-й, добытыхъ раскопками гр. П. С. Уваровой въ Терской обл., близъ с. Махческъ. Въ составѣ ихъ мы видимъ: 1) остатки шелковой одежды, воротъ и бортъ которой были обшиты золотымъ галуномъ, украшеннымъ бронзовыми лунницами, и застегнуты бронзовыми пуговицами (планшета первая, слѣва); 2) остатки обуви изъ юфти, расшитой цвѣтными шелками, и части кожаныхъ кошелековъ, еще болѣе богато расшитыхъ шелками; 3) желѣзные кинжалы въ деревянныхъ ножнахъ съ бронзовыми наконечниками; 4) серебряныя и фаянсовыя чашечки, и 5) два черепа съ остатками богатыхъ головныхъ уборовъ. Время этихъ вещей — XIV в.

На остальныхъ полкахъ находится коллекція предметовъ, добытыхъ, преимущественно, изъ христіанскихъ церквей и поселковъ древняго Херсонеса. Въ низу витрины (слѣва) находятся два рукомоиника (акваманилы) въ видѣ птицъ, найденные на Сѣверномъ Кавказѣ.

Памятники древняго Херсонеса.

Древній городъ Херсонесъ (современный Севастополь) основанъ греческими переселенцами изъ Гераклеи въ VI вѣкѣ до Р. Х. Памятники Херсонеса для населенія Россіи имѣютъ особое значеніе: въ то время, какъ древне-греческія колоніи, какъ Ольвія, Пантикапея и др., даютъ преимущественно памятники, относящіеся къ языческой эпохѣ, находки въ древнемъ Херсонесѣ освѣщаютъ главнымъ образомъ жизнь этого города въ христіанскія времена, что вполне соответствуетъ историческому значенію Херсонеса, какъ разсадника христіанства въ Черноморьѣ. Христіанство рано проникло въ Херсонесъ: проповѣдь и мученическая смерть папы Климента относятся къ концу I вѣка по Р. Х. Въ IV вѣкѣ христіанство прочно утвердилось въ Херсонесѣ, а въ послѣдующіе вѣка онъ становится центромъ, изъ котораго христіанство распространяется по окрестнымъ

странамъ. Съ такимъ характеромъ Херсонесъ является въ русской Начальной лѣтописи, которая связываетъ съ его именемъ крещеніе Владиміра Святого и русскаго народа. Вмѣстѣ съ христіанствомъ распространялось изъ Херсонеса и христіанское искусство; такъ, по словамъ той же лѣтописи, бронзовыя царскія врата, иконы и церковная утварь сооруженной Владиміромъ Десятинной церкви были вывезены имъ изъ Херсонеса.

Развалины Херсонеса уже давно обращали на себя вниманіе изслѣдователей, но начало правильному археологическому изслѣдованію положено лишь въ 1853 году. Съ этого времени изъ гробницъ и склеповъ извлечено много бытовыхъ древностей; по фамильнымъ склепамъ, кромѣ погребальныхъ обычаевъ, можно было прослѣдить и самый переходъ семей изъ язычества въ христіанство. Изслѣдованіе развалинъ городскихъ зданій привело къ открытію основанія христіанскаго храма на сѣверномъ концѣ Херсонеса, на самомъ берегу моря. Храмъ этотъ имѣлъ видъ базилики и какъ по своему стилю, такъ и на основаніи найденныхъ въ развалинахъ монетъ (римскихъ IV в.), причисляется къ древнѣйшимъ памятникамъ христіанскаго зодчества. Кромѣ этого храма, въ Херсонесѣ въ разное время были открыты и другія христіанскія сооруженія, между прочимъ, развалины храма на древней площади — по предположенію того самаго, въ которомъ совершились крещеніе и бракъ св. Владиміра.

Витрина 1.

Памятники языческой эпохи въ Херсонесѣ.

Въ витринѣ расположены предметы, найденные въ Херсонесѣ и его окрестностяхъ, относящіеся къ болѣе древнему — дохристіанскому періоду существованія города. Среди нихъ обращаютъ на себя вниманіе такъ называемые типусы (см. верхнюю полку посрединѣ), т.-е. формы для отливки разнаго рода украшеній изъ гипса и терракоты; на стѣнкѣ витрины прибиты планшеты съ отливками изъ этихъ типусовъ.

Интересна коллекція изъ кургана, раскопаннаго въ 1872 г. близъ древняго Херсонеса; вещи относятся ко времени римскаго владычества въ Черноморьѣ и состоятъ изъ остатковъ бронзоваго сосуда съ характерной витой ручкой и пепла съ частицами пережженныхъ костей (въ видѣ куска сѣрой массы), представляющими останки сожженного покойника.

Среди другихъ предметовъ слѣдуетъ обратить вниманіе на глиняныя лампочки, стеклянные и глиняные сосуды разныхъ формъ, на ихъ украшенія и проч.

Витрина 2.

Памятники переходнаго времени отъ язычества къ христіанству въ Херсонесѣ.

Среди выставленныхъ вещей особый интересъ представляютъ рѣзныя костяныя дощечки и карнизки отъ ящичковъ разной величины, костяные иглы, гарпуны, гребни; изъ металлическихъ вещей — удильные крючки, кольца, перстни и др. бытовые предметы. Кромѣ предметовъ мѣстнаго издѣлія имѣются и привозные изъ Египта: скарабеи, рядъ привѣсокъ изъ голубой пасты. Глиняные сосуды, размѣщенные въ витринѣ, происходятъ изъ раскопокъ гр. А. С. Уварова въ Херсонесѣ.

Витрина 3.

Памятники христіанской эпохи Херсонеса.

На стѣнкѣ витрины слѣва помѣщены акварельные рисунки: нижній — видъ развалинъ Херсонеса, верхній — изображеніе храма св. Владиміра, выстроеннаго надъ остатками древней церкви, въ которой, по предположенію, получилъ крещеніе великій князь Владиміръ, въ 988 году. Подъ рисунками находится модель развалинъ этого древняго храма (окрашена въ темный цвѣтъ) и цокольнаго плана храма, воздвигнутаго надъ развалинами.

Вправо отъ рисунковъ развѣшаны церковныя кадила, а на планшетахъ расположены: литые мѣдные и ка-

менные образки, кресты, энколпионы и разныя бытовья вещи (головныя булавки, стеклянныя кольца, браслеты, ключи, серебряныя слитки—монетныя гривны).

Утварь, хранящаяся въ этой витринѣ, имѣетъ особый интересъ, такъ какъ подобная ей была принесена въ первыя русскія церкви послѣ крещенія Руси.

Каменные изваянія.

1. Каменный крестъ, найденный на Кавказѣ въ Малой Кабардѣ; покрытъ со всѣхъ сторонъ рельефными изображеніями: на лицевой сторонѣ—три всадника другъ подъ другомъ, вооруженные мечами и луками; передъ среднимъ и нижнимъ стоятъ колѣнопреклоненныя фигуры людей; въ самомъ низу—животное, около него—два человѣка, одинъ держитъ сѣкиру, которою замахнулся на животное, и рядомъ—два человѣка, стоящіе по сторонамъ большого сосуда. На правой боковой сторонѣ креста, вверху—орнаментъ съ тремя четырехконечными крестами и ниже—всадникъ, поражающій копьемъ трехглаваго змѣя.

На задней сторонѣ находится греческая надпись; подъ надписью—три креста; подъ крестами—лани, которую сосетъ дѣтенышъ; въ спину лани вонзилась стрѣла; внизу изображена собака.

2. Каменное столпообразное изваяніе человѣка, вышиною въ 4 аршина 15 вершковъ, доставленное съ береговъ р. Егорлыка, Кубанской области. На груди—надпись: «IC — XC NI — KA».

Ниже пояса—греческая надпись, въ русскомъ переводѣ гласящая: «Успокоился рабъ Божій Георгій грекъ 130 года, 12 марта». Подъ надписью—два ряда рельефныхъ изображеній: въ верхнемъ—два человѣка около большого сосуда и направо отъ нихъ—колѣнопреклоненная фигура человѣка; ниже—два всадника, повидимому, сражающіеся. На лѣвомъ боку изваянія изображенъ человѣкъ съ кривымъ мечомъ, держащій на цѣпи змѣя, подъ которымъ—другой человѣкъ съ палкой. Сзади—два ряда фигуръ: въ верхнемъ—человѣкъ, преслѣдующій двухъ оленей, въ нижнемъ—два

человѣка, стрѣляющіе другъ въ друга изъ луковъ. На правомъ боку, вверху—кругъ, подъ нимъ—другой, съ вырѣзнымъ внутри его эллипсисомъ; внизу — олень и человѣкъ съ копьемъ.

3. Каменный столбъ съ обломаннымъ верхомъ съ береговъ р. Кунбелея, притока Терека. На лицевой сторонѣ изображены другъ надъ другомъ три всадника. На правой сторонѣ столба — сильно попорченныя изображенія людей и слѣды греческой надписи. Задняя сторона вверху сохранила часть рельефнаго орнамента и греческую надпись, читаемую въ переводѣ: «Помяни, Господи, душу раба Твоего Георгія... его... въ день судный во второе пришествіе Твое. Лѣта 7089. Апрѣля». Вѣрно ли прочитанъ годъ, утвердительно сказать нельзя. На лѣвомъ боку столба находится всадникъ, держащій на цѣпи трехголоваго змѣя.

4. Каменный крестъ изъ Кубанской области съ греческой надписью, гласящей въ переводѣ: «Успокоился рабъ Божій Георгій въ 1341 г. отъ Христа и отпущенія, мѣсяца октября 8-го дня». Ниже надписи и по боковымъ сторонамъ креста замѣтны разныя фигуры, изображенныя рѣзцомъ вглубь.

5. Каменный крестъ, доставленный изъ Пятигорска, съ греческой надписью, которая въ переводѣ гласитъ: «Помяни, Господи, души рабовъ Твоихъ Георгія, Іакова».

6. Изображеніе человѣческой фигуры въ острокопечной шапкѣ, въ лѣвой рукѣ—рукоятъ меча, въ ножнахъ, привѣшаннаго къ поясу; въ правой рукѣ — неясно выраженный предметъ (сосудъ?). На шапкѣ и плечахъ находятся вырѣзанные вглубь четырехконечные кресты.

7. Такая же фигура; въ правой рукѣ держитъ кривую саблю, а лѣвою придерживаетъ ножны, привѣшанныя къ поясу.

Съ лѣвой стороны отъ входа изъ скиѣской залы размѣщены:

8. Массивная, грубо обтесанная каменная плита, служившая подставкой памятника № 3; въ серединѣ—выдолбленное отверстіе, куда былъ вставленъ столбъ.

9. Верхняя часть (обломокъ) каменнаго столба. На одной сторонѣ имѣетъ слѣды греческой надписи, а на другой, вверху, — двѣ неясныя греческія буквы; ниже — рельефъ, изображающій верхнюю часть всадника съ обломанной головой; на бокахъ вырѣзаны кресты.

10 — 11. Два обломка подобныхъ же памятниковъ.

12. На стѣнѣ, въ рамѣ, — планъ Кутаисскаго собора и фотографіи съ детальныхъ его частей. Кутаисскій соборъ основанъ царемъ Багратомъ III (980—1014) и оконченъ Багратомъ IV (1027—1072) съ помощью византійскихъ зодчихъ.

13. Гипсовый слѣпокъ съ полукруглаго рельефа, изображающаго льва и кабана, изъ Дагестана.

14. Поставецъ съ фотографіями наиболѣе замѣчательныхъ построекъ Грузіи и Арменіи.

15. На низкой деревянной подставкѣ лежитъ камень, покрытый разными изображеніями, изъ Кубанской области. Назначеніе камня не выяснено.

16. Рядомъ съ предшествующимъ на полу лежитъ второй подобный же камень.

Около стѣнъ, подъ окномъ, на полу лежатъ обломки каменнаго иконостаса изъ закавказскаго монастыря Сафара, находящагося въ 7 верстахъ отъ Ахалцыха. На обломкахъ сохранились изображенія: 1) Благовѣщенія и Посѣщенія св. Елисаветы, 2) Срѣтенія Господня, 3) Рождества Богородицы, 4) Деисуса и др. Изображенія отличаются тонкостью и правильностью рисунка. Иконостасъ можно относить къ XI вѣку.

Зала Б.

Памятники греческихъ поселеній Южной Россіи на берегахъ Чернаго моря.

Стѣны залы, посвященной этимъ памятникамъ, украшены четырьмя архитравами, поддерживаемыми колоннами коринтскаго стиля; украшенія сдѣланы по пантикпейскимъ образцамъ. На аркѣ, примыкающей къ Херсонесской залѣ, помѣщенъ видъ Керченскаго пролива, называвшагося въ древности Босфоромъ Киммерій-

скимъ, работы проф. Айвазовскаго: направо видны городъ Керчь и царскій курганъ, а вдали, на лѣво,—берегъ Таманскаго полуострова. Рисунокъ мозаики пола заимствованъ изъ византійскихъ мозаикъ, открытыхъ въ гор. Равеннѣ.

Въ VII и VI вѣкахъ до Р. Х. греки, привлеченные богатствомъ Южной Россіи, основали здѣсь много городовъ-колоній по берегамъ Чернаго моря; изъ этихъ городовъ наибольшаго значенія, благодаря своему географическому положенію и торговлѣ, скоро достигли Пантикапея (теперешняя Керчь) и Ольвія (гдѣ нынѣ с. Парутино, на р. Бугѣ, въ 28 вер. отъ Очакова). Изъ поименованныхъ городовъ, а также изъ Фангоріи (теперь ст. Сѣнная), Горгиппії (Анапа) и Θεодосіи и добыты предметы древности, выставленные въ залѣ.

Большинство этихъ предметовъ найдено было при погребеніяхъ. Часть ихъ принадлежала непосредственно погребальному обряду, или имѣла религіозное значеніе, или же служила талисманами и амулетами; таковы: бусы съ привѣсками, изображающими безобразныхъ чудовищъ, египетскіе скарабеи, фигуры людей и животныхъ, монеты, служившія платою Харону за перевозъ душъ черезъ рѣку Стиксъ, курильницы и т. д. (см. витр. 4¹).

Большая часть предметовъ, находимыхъ при погребеніяхъ, это—имущество покойниковъ, которые въ загробномъ мірѣ, по вѣрованію древнихъ грековъ, нуждались во всемъ томъ, что обслуживало ихъ при жизни. Благодаря этому воззрѣнію древнихъ грековъ, можно узнать, кѣмъ былъ покойникъ, что онъ любилъ, чѣмъ онъ занимался. Нѣкоторыя привозныя вещи указываютъ на торговые сношенія греческихъ колонистовъ, другіе же предметы носятъ ясныя слѣды вліянія мѣстнаго населенія Южной Россіи.

Погребенія бывали двухъ родовъ: чаще трупъ погребался обычнымъ порядкомъ, рѣже—сжигался. Пер-

¹ Въ витринахъ 1 и 2 выставлены предметы изъ Ольвіи, въ витринахъ 3, 4, 5 и 6—изъ Пантикапеи и Θεодосіи.

воначально погребенія совершались въ грунтовыхъ ямахъ, иногда обложенныхъ досками; позже—въ устроенныхъ въ землѣ камерахъ, или склепахъ, въ которые вели длинные сходы; склепы иногда облицовывались камнемъ, иногда расписывались по штукатуркѣ. Покойниковъ, обыкновенно, клали въ деревянные гроба; гроба болѣе богатыхъ ставили въ деревянный саркофагъ, стѣнки котораго часто украшались рельефными раскрашенными гипсовыми изображеніями. Образцомъ такихъ украшеній могутъ служить глиняные рельефы изъ цикла Ніобидъ (витр. 4). Могилы часто сопровождалась надгробными плитами съ указаніемъ, кто погребенъ. Однѣ эпитафіи исходятъ, повидимому, отъ родныхъ умершаго, какъ на каменной плитѣ № 20—«Эросъ Туліевъ, прощай!» или на № 34—«Аѳинаида, жена Гая Юлія Сестилія, прощай!»; другія же указываютъ, что покойный состоялъ членомъ общества, которое и позаботилось о памяти усопшаго: № 19—«Общество, во главѣ съ предсѣдателемъ Трифономъ, попечителемъ Кестіемъ Вакхіевымъ и дѣлопроизводителемъ Аратономъ, и остальные сочлены поставили въ память Логона Родонова».

Надгробія интересны не только своими надписями, но и высѣченными на нихъ рельефами. Рельефы эти, часто раскрашенные, воспроизводятъ костюмъ, вооруженіе и отчасти обстановку того времени.

Предметы, добытые въ могилахъ, характеризуютъ личный обиходъ покойнаго. Здѣсь можно встрѣтить и остатки одежды (витр. 3, табл. 2—8), и золотыя бляшки, украшавшія одежду, и золотыя налобныя вѣнчики (витр. 3 и 4), застежки, фибулы и пряжки отъ пояса (витр. 4). На бляшкахъ имѣются изображенія мифологическаго характера, какъ Эроса и Психеи, Посейдона, Мена, головы Горгоны, Сфинкса и пр.

Въ частомъ употребленіи были такія украшенія, какъ серьги, перстни (витр. 4), браслеты и бусы; предметы эти дѣлались изъ золота, электрона (смѣсь золота и серебра), серебра, бронзы, изъ стекла и пасты (витр. 3).

Нѣкоторыя изъ этихъ вещей указываютъ, что онѣ или привезены изъ Египта, или сдѣланы по восточнымъ

образцамъ. Въ 3 и 4 витринахъ на таблицахъ расположены разные предметы домашняго обихода, какъ-то: костяныя шила и веретена, иглы, ключи, вѣсовыя гирьки, грузила, головныя шпильки, ухвертки и зеркала.

Въ гробницахъ находятъ очень много предметовъ изъ обожженной глины, напр., лампочки (витр. 5, полка 3-я), различные сосуды и статуэткы. Лампочки дѣлались съ однимъ, двумя, иногда даже пятью рожками для фитилей; поверхность ихъ покрывалась орнаментомъ или даже цѣлыми фигурами и группами. Сосуды разнообразны какъ по формѣ и назначенію, такъ и по техникѣ и матеріалу. Расписныя сосуды, по большей части,—привозныя, судя по работѣ, изъ Аттики, а простыя, желтоглиняныя—мѣстной работы.

Самыя большіе сосуды (амфоры) служили для храненія запасовъ вина или масла. На горлышкахъ и ручкахъ амфоръ часто встрѣчаются клейма мастеровъ и астиномовъ, т.-е. смотрителей рынка (см. сосуды подъ литерами А, В, С), которые своимъ клеймомъ удостоверяли доброкачественность и полномѣрность амфоръ. Сосуды, называемыя гидрии, ойнохои и прохусы, служили для подачи вина или воды (рис. 54, 55 и 56). По большей части сосуды эти—значительной вместимости и простой выработки. Часто встрѣчаются такъ называемыя пелики и келебы—сосуды, напоминающіе по формѣ вазы; обыкновенно, выработка ихъ тщательна, и они расписаны мифологическими сценами (рис. 57 и 58). Небольшіе сосуды (бальзамаріи) служили для храненія масла, которымъ греки натирались послѣ гимнастическихъ упражненій и изъ которыхъ совершали возліянія во время жертвоприношеній (рис. 59). Лекиѳы и алавастры были скорѣе всего принадлежностью туалетнаго стола женщинъ и предназначались для духовъ и маселъ (рис. 60, 61 и 62). Такъ называемыя рожки были необходимы, чтобы подливать масло въ лампочки (рис. 63 и 64). Киликсы замѣняли наши стаканы и чашки (рис. 65); алеканы, низкія чашки съ крышками, число которыхъ не велико, являлись предметами обихода богатаго дома; въ нихъ подавалась теплая вода съ духами для омовенія рукъ послѣ бды

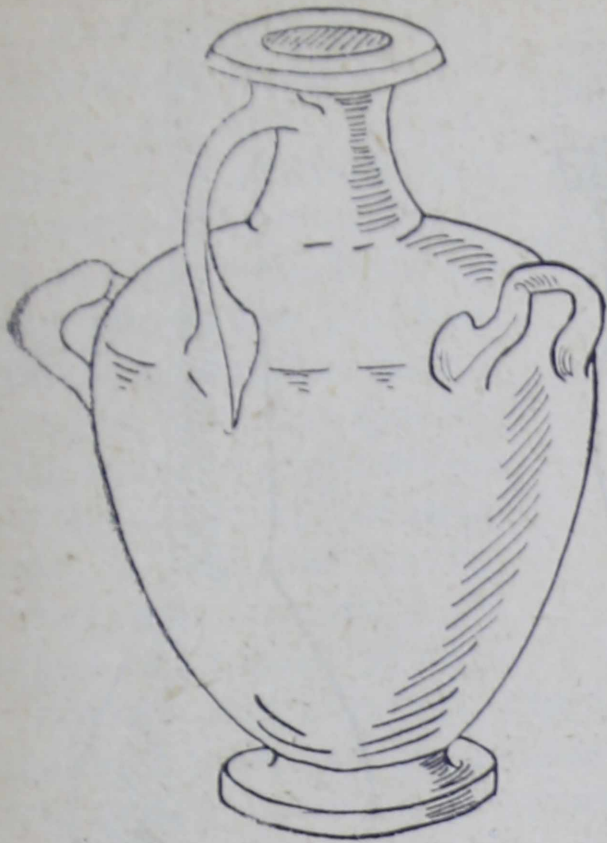


Рис. 54.



Рис. 55.

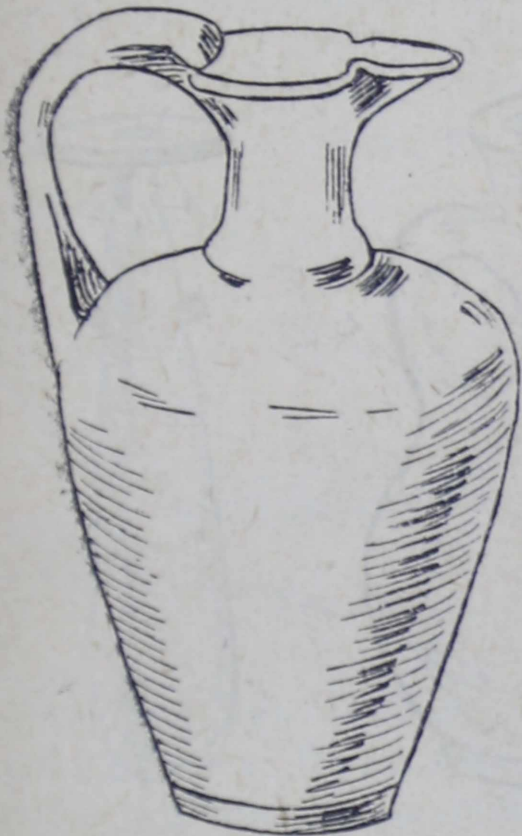


Рис. 56.

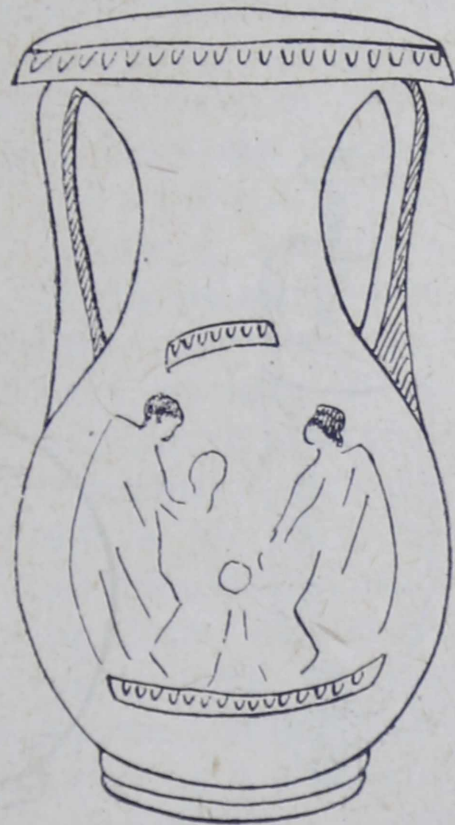


Рис. 57.

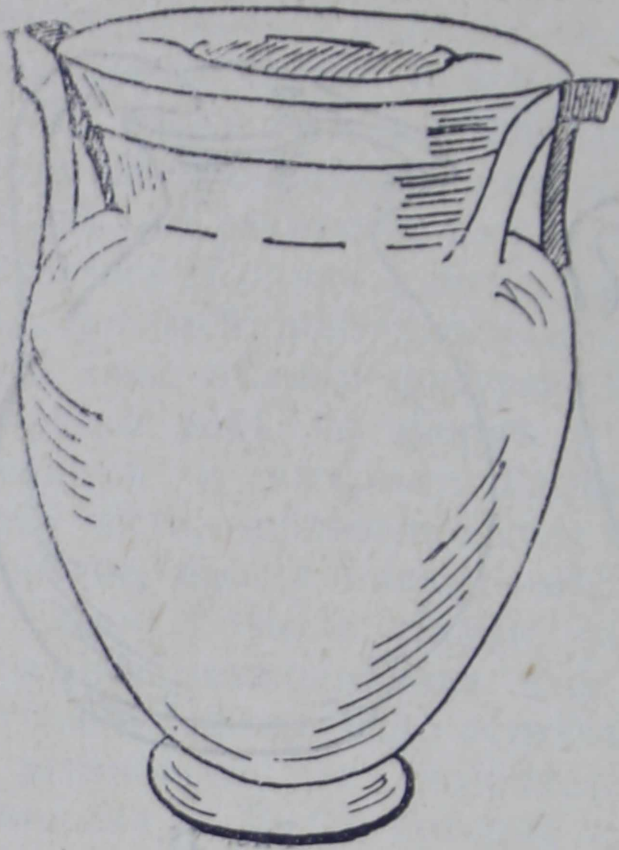


Рис. 58.

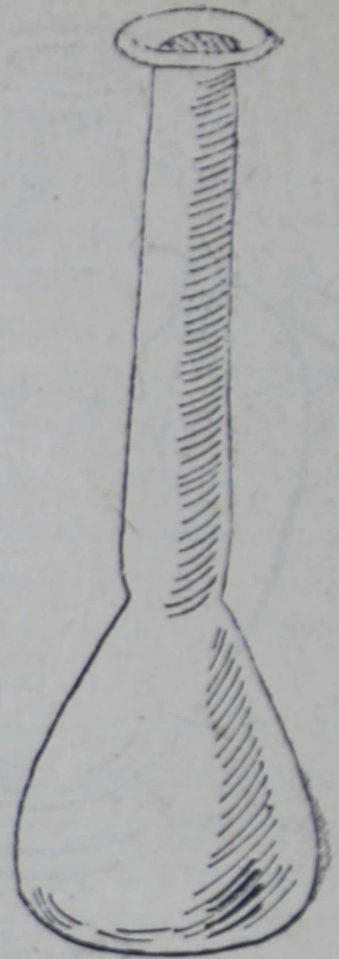


Рис. 59.

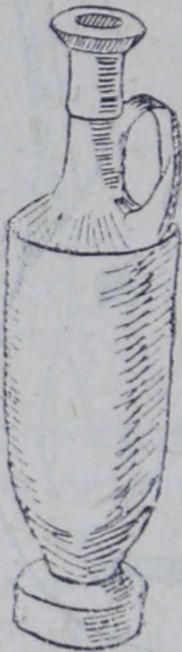


Рис. 60.



Рис. 61.

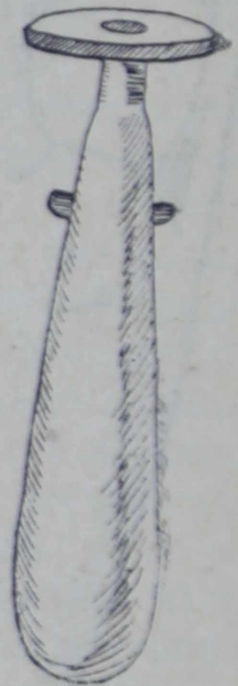


Рис. 62.

(рис. 66). Вазовые рисунки даютъ право на такія заключенія. Вообще живопись на вазахъ представляетъ драгоцѣнный матеріалъ для ознакомленія съ композиціей античнаго рисунка и съ вѣрованіями и образомъ жизни грековъ, такъ какъ фрески того времени сохранились въ небольшомъ количествѣ, а картины на полотнѣ или деревѣ и совсѣмъ не дошли до насъ.



Рис. 63.

Кромѣ сосудовъ изъ глины встрѣчаются сосуды стеклянные (витр. 5), бронзовые и изъ алебастра; послѣдніе отъ своего матеріала получили и свое названіе алавастровъ.



Рис. 64.

Въ витринѣ 5-ой расположено собраніе статуэтокъ изъ обожженной глины. Судя по техникѣ, эти произведенія, по большей части, — дѣло рукъ мѣстныхъ мастеровъ; фабрики глиняныхъ издѣлій существовали, вѣроятно, въ Пантикапееѣ, Херсонесѣ, Ольвіи и Θεодосіи. Находимыя, главнымъ образомъ, въ гробницахъ статуэтки клались въ нихъ въ зависимости отъ субъективныхъ возрѣній и вкусовъ покойниковъ. Самый подборъ сюжетовъ указываетъ на это:

нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ цикламъ Афродитическому, Вакхическому, Деметры и Кору, другіе же носятъ жанровый характеръ (витр. 5, полка 2-я). Рѣдкой красотой и тонкостью техники, необычной

для южно-русскихъ терракотъ, отличаются статуэтки, найденныя въ Теодосіи (витр. 6).

Особый интересъ представляютъ для насъ тѣ статуэтки, которыя отступаютъ отъ греческихъ образцовъ

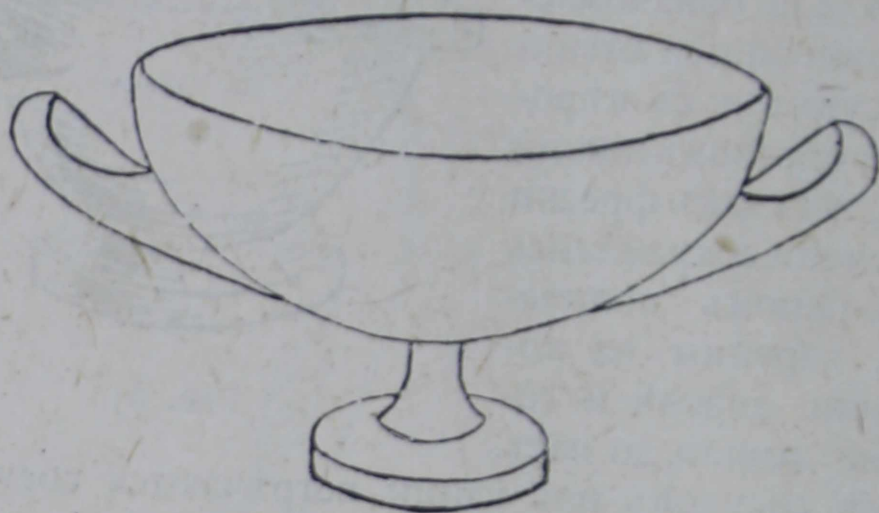


Рис. 65.

и носятъ мѣстный греко-варварскій характеръ; таковы изображенія: скиѣскаго воина въ высокой шапкѣ, обложившагося на щитъ; скачущаго скиѣа; статуэтка воина,

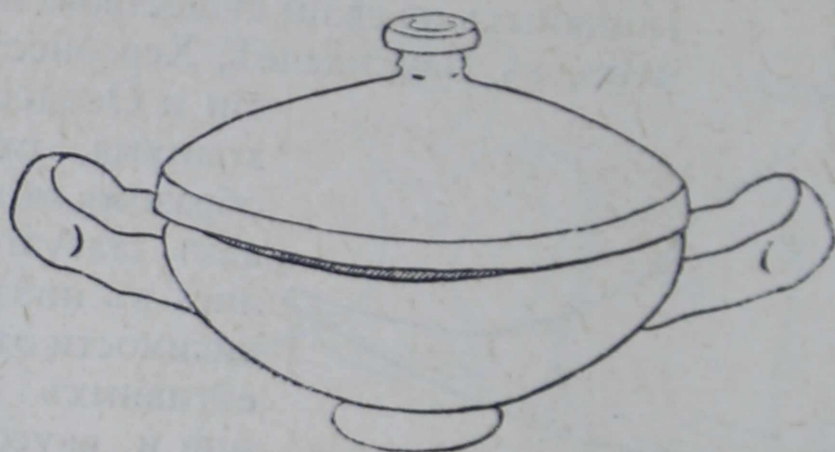


Рис. 66.

держащаго на груди изображеніе Астарты; или, наконецъ, мѣстная трактовка греческихъ и азіатскихъ божествъ: Гермеса, Сатира, Астарты и т. д. Наибольше характерныя варварскія терракоты выставлены въ 6-ой залѣ (витр. 1).

На нижней полкѣ 5-ой витрины расположены трагическія и комическія маски и значительное количество статуэтокъ съ привѣсными ногами, такъ называемыя гротески; предполагають, что онѣ соответствовали нашимъ маріонеткамъ.

Въ витринѣ 1-ой, помимо указанныхъ уже вещей, останавливаютъ на себѣ вниманіе свинцовыя бляшки и съ изображеніями боговъ, людей и животныхъ; сходство съ золотыми бляшками, находимыми въ гробницахъ, позволяетъ предполагать, что указанные экземпляры служили образцами для золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Мраморная плита съ греческой надписью подъ № 25519 интересна, какъ рѣдко встрѣчающійся эпиграфическій памятникъ изъ древней Тирь, лежавшей на мѣстѣ нынѣшняго г. Аккермана у устья Днѣстра. Далѣе — обломки мраморныхъ статуэтокъ: головы воина въ шлемѣ, бородатаго мужчины и женская съ покрываломъ, являющіе образцы хорошей техники греческаго и римскаго времени. Много выше въ художественномъ отношеніи и много древнѣе мраморная голова Зевса, находящаяся на стойкѣ между 1-ой и 2-ой витринами; рядомъ съ ней, поменьше, — голова Асклепія.

Вдоль стѣнъ залы расположены мраморныя и известняковыя плиты съ надписями. Это — или надгробныя эпитафіи, или постановленія совѣта и народа, награждающія лицо, оказавшее услуги городу, правомъ гражданства, если то иностранецъ, или правомъ беспошлинной торговли, или золотымъ вѣнкомъ, перстнемъ, статуей, или даже деньгами. Такія рѣшенія объявлялись черезъ глашатаевъ, вырѣзывались на мраморной плитѣ и выставлялись на видномъ мѣстѣ города. Изъ другихъ надписей мы узнаемъ, что высшія должностныя лица города посвящали какое-либо приношеніе божеству «за благосостояніе города и за собственное здравіе». Въ Ольвіи такія посвященія обращены, по большей части, къ Аполлону, культъ котораго былъ сильно развитъ въ этомъ городѣ.

Интересна ольвійская надпись № 13 — это декретъ «коллегіи семерыхъ» о взиманіи налога за жертвоприношенія.

Между колоннами, на деревянномъ постаментѣ, находится мраморная капитель одного изъ ольвійскихъ храмовъ, а по сторонамъ входной арки изъ залы А, на деревянныхъ же постаментахъ, помѣщены слѣпки съ двухъ каменныхъ львовъ, найденныхъ на городищѣ Ольвіи (оригиналы въ Петрогр. Эрмитажѣ), покрытыхъ какими-то неразобранными еще знаками. Подобные знаки видимъ и на пантикапейскихъ надгробіяхъ №№ 70 и 71.

Посреди залы, на деревянномъ пьедесталѣ, стоитъ обломокъ рельефа, изображающій въ натуральную величину сидящую на креслѣ женскую фигуру въ длинной одеждѣ; сзади сидящей женщины стоитъ фигура дѣвушки; ручка кресла украшена крылатою фигурой сфинкса. Хорошая техника и матеріалъ позволяютъ видѣть въ этой группѣ аттическую работу III—II в. до Р. Х. На обратной сторонѣ обломка вырѣзано въ болѣе позднее время изображеніе человѣка съ пальмовой вѣтвью передъ жертвенникомъ, а надъ нимъ—посвятительная надпись Аполлону Простату.

Между колоннами правой стороны залы находятся гипсовые слѣпки съ двухъ мраморныхъ статуй, величиною болѣе человѣческаго роста. Оригиналы ихъ, римской эпохи, найдены въ Керчи. Въ витринѣ 4-ой интересна своей хорошей сохранностью мраморная статуэтка Кибеллы, сидящей на креслѣ. Подъ №№ 26 и 27 значатся обломки двухъ мраморныхъ статуй, найденныхъ въ Анапѣ. На мѣстѣ Анапы находилась въ древности Горгиппія, столица народа синдовъ, основаніе которой предположительно относятъ къ IV в. до Р. Х. На кронштейнѣ въ аркѣ, ведущей въ залу В, подъ № 24, находится каменное изображеніе сирены; сирены, обычно, сопровождали погребенія и служили символомъ плача по умершимъ.

З а л а А.

Христiанскіе памятники (до X вѣка).

Зала построена по образцу византійскаго храма, разрѣшающаго въ своей архитектурѣ задачу перехода

отъ прямоугольнаго основанія къ круглому куполу, покоющемуся на барабанѣ. Зала посвящена древне-христіанскому искусству и имѣетъ цѣлю въ краткихъ чертахъ показать его развитіе съ первыхъ вѣковъ, кончая Византіей, откуда оно переходитъ и въ Кіевскую Русь. Мозаика пола взята съ мозаики катакомбы св. Елены въ Римѣ. Христіанство, въ первые же вѣка получившее широкое распространеніе въ Римѣ и остальной Италиі, не принесло съ собою своихъ формъ искусства; поэтому вновь обращенные язычники-римляне, для выраженія новыхъ религіозныхъ чувствъ, продолжали пользоваться привычными формами и техникою греко-римскаго искусства, приспособляя ихъ къ понятіямъ христіанской вѣры. Но христіанство, противоположное по духу язычеству, не могло вдохнуть новой жизни въ античныя формы, остановить процессъ ихъ разложенія и паденія.

Античная скульптура, наиболее ярко выражавшая идеалы чувственнаго міровоззрѣнія и красоты, была особенно противна духу христіанства, и этимъ, главнымъ образомъ, объясняется то незначительное примѣненіе, которое нашла въ христіанскомъ искусствѣ полная скульптура. Самою распространенною христіанскою статуею была статуя Добраго Пастыря; она изображала Иисуса Христа въ видѣ юноши, несущаго на своихъ плечахъ заблудшую овцу. Другая, дошедшая до насъ, статуя христіанскаго искусства—мраморная статуя св. Ипполита. Но если полная скульптура не вошла въ христіанское искусство, какъ равноправный членъ, то рельефъ, который давалъ возможность дѣлать сложныя композиціи, получилъ широкое развитіе, главнымъ образомъ, на мраморныхъ и каменныхъ саркофагахъ (гробницахъ). Саркофаги первыхъ вѣковъ полны еще античной скульптурной традиціи—въ прямыхъ заимствованіяхъ, въ трактовкѣ фигуръ и сюжета. Съ V в., подъ вліяніемъ восточныхъ эллинистическихъ школъ, пластическія традиціи мало-по-малу утрачиваются, рельефъ становится плоскимъ и пріобрѣтаетъ живописный характеръ.

Памятники древне-христіанской скульптуры.

№ 1. Статуя Добраго Пастыря, гипсовый слѣпокъ съ оригинала Латеранскаго Музея въ Римѣ; изображаетъ Иисуса Христа въ видѣ юноши, несущаго на плечахъ овцу.

№ 2. Саркофагъ Юнія Басса, гипсовый слѣпокъ съ мраморнаго оригинала въ храмѣ св. Петра въ Римѣ. По верхней части передней стороны—надпись: «Юній Бассъ, мужъ славнѣйшій, жилъ 42 года два мѣсяца. Въ годъ назначенія въ префекты отошелъ къ Богу въ восьмой день календъ сентябрьскихъ при Евсевіи и Ипатіи консулахъ (357 годъ)». Изображенія передней стороны размѣщены въ два ряда. Посрединѣ верхняго ряда—Иисусъ Христосъ, дающій законъ; слѣва—Жертвоприношеніе Авраама и Апостоль Петръ между двумя воинами; справа—Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду и Пилать, умывающій руки. Въ нижнемъ ряду—Іовъ на гноищѣ, Адамъ и Ева, Входъ въ Іерусалимъ, Даніиль во рву львиномъ и Апостоль Павелъ, котораго ведутъ на казнь. На боковыхъ сторонахъ—заимствованныя изъ языческаго искусства сельскія сцены, въ которыхъ участвуютъ дѣти-геніи; особенно типичнымъ является сборъ винограда.

№ 3. Саркофагъ Латеранскаго Музея IV вѣка, гипсовый слѣпокъ съ мраморнаго оригинала. Шесть коринѣскихъ колоннъ раздѣляютъ переднюю доску саркофага на пять пролетовъ. Посрединѣ—аллегорическое изображеніе Воскресенія Христова; слѣва—Воинъ надѣваетъ на Христа терновый вѣнецъ, и Симонъ Кириней несетъ крестъ; справа—Воинъ подводитъ Христа къ Пилату, и Пилать умываетъ руки.

№ 4. Гипсовая копія съ мраморной статуи св. Ипполита, епископа III вѣка. Была найдена въ 1551 г. въ Римѣ сильно поврежденной—безъ головы, безъ рукъ и безъ верхней части туловища (эти части реставрированы). Несомнѣннымъ доказательствомъ принадлежности этой статуи св. Ипполиту послужила надпись на обѣихъ сторонахъ кресла, содержащая спи-

сокъ сочиненій св. Ипполита и составленную имъ Пасхалию.

№ 5. Надпись Асхандія, конца III—начала IV столѣтій; оригиналь найденъ во Франціи близъ Отэна (Autun). Надпись написана гекзаметрами и пентаметрами: «Божественный родъ небснаго ΙΧΘΥΣ^а 1), прими съ благоговѣйнымъ сердцемъ жизнь, безсмертную среди смертныхъ. Услаждай свою душу, о другъ, божественными водами,—вѣчными водами благодатной мудрости. Бери пищу, сладкую какъ медъ, Спасителя святыхъ. Ъшь и пей, держа рыбу въ своихъ рукахъ. ΙΧΘΥΣ, окажи мнѣ милость, которую я такъ желаю; Господь Спаситель, молю Тебя, Свѣтъ умершихъ, да почиетъ моя мать въ мирѣ. Асхандій, отецъ мой, который вмѣстѣ съ нѣжною матерью и со всѣми домочадцами такъ дорогъ моему сердцу, въ мирѣ ΙΧΘΥΣ^а вспомни о твоёмъ Пекторіи».

№ 6. Надгробная надпись III вѣка, съ оригинала, найденнаго въ римскихъ катакомбахъ. Посрединѣ—монограмма Христа и буквы Α и Ω (альфа и омега—символь начала и конца), вокругъ—лавровый вѣнокъ, по сторонамъ—два голубя.

№ 7. Саркофагъ Юніи Юліи, гипсовая копія съ оригинала въ Ватиканѣ. Посрединѣ—надпись, говорящая о сооруженіи этого саркофага нѣкимъ Мелибіемъ своей умершей женѣ. Слева изображенъ Ной въ ковчегѣ, Іона, извергаемый чудовищемъ (вмѣсто кита), и Добрый Пастырь. Справа—пастушеская сцена, дополнительная къ изображенію Добраго Пастыря, и Оранта, символическое изображеніе души умершей.

№ 8. Барельефъ отъ саркофага IV вѣка, изображающій Поклоненіе волхвовъ.

№ 9. Саркофагъ Анисія Петронія Проба конца IV вѣка. Передняя и боковыя стороны раздѣлены аркатурою на одиннадцать пролетовъ. Посрединѣ передней стороны изображенъ Иисусъ Христосъ на горѣ, изъ которой вытекаютъ четыре мистическія

1) ΙΧΘΥΣ собственно значить рыба, но въ раннемъ христіанствѣ является символомъ Иисуса Христа.

рѣки; по сторонамъ его—апостолы Петръ и Павелъ. Въ остальныхъ пролетахъ изображены, по два, апостолы и ученики.

№ 10. Добрый Пастырь, гипсовая копія съ мраморнаго оригинала въ Оттоманскомъ Музеѣ въ Константинополѣ.

№ 11. Обломки каменнаго известняковаго иконостаса VII—VIII в. изъ церкви въ Абхазіи на Черноморскомъ побережьи.

№ 12. Бронзовый подсвѣчникъ изъ церкви близъ села Полтавскаго въ Абхазіи.

№ 13. Бронзовая ставка на 9 свѣчей (оттуда же).

№ 14. Плита известняковая (оттуда же).

№ 15. Двѣ базы для колоннъ известняковыя (оттуда же).

№ 16. Плита известняковая съ барельефнымъ изображеніемъ: епископъ благословляетъ ангела и дьякона. Изъ Ольгинской церкви въ Абхазіи.

№ 17. Плита известняковая съ коптскою надписью. Профессоръ Б. А. Тураевъ пишетъ¹⁾ о ней слѣдующее: «Она сильно пострадала, къ тому же надпись составлена крайне безграмотно. Приводимъ ее: Павелъ (?) Іапо упокоился 10-го (?) мехира въ шестой (?) годъ индикта. Исусъ Христосъ. Аминь... Время плиты опредѣлить трудно. Вѣроятно, подобно другимъ, она можетъ быть приурочена къ VII—VIII в.»

№ 18. Картина масляными красками, видъ римской катакомбы.

Памятники древне-христіанской живописи.

Первенствующее мѣсто въ ряду искусствъ, унаследованныхъ христіанствомъ отъ греко-римскаго искусства, занимаетъ живопись; она первая и въ наибольшей степени была выразительницей христіанскаго вдохновенія. Въ гробницахъ египтянъ, грековъ, этрусковъ и римлянъ живопись играла важную ритуальную роль, а также служила цѣлямъ чисто-орнаментальнымъ. Христіане продолжили эту традицію,

¹⁾ Зап. Вост. Отд. Р. А. О., томъ XVIII, вып. 1.

и древнѣйшую христіанскую живопись мы находимъ въ катакомбахъ, которыя во время гоненій служили мѣстомъ вѣчнаго упокоенія христіанъ, а также мѣстомъ ихъ собраній. Древне-христіанская живопись заимствуетъ у античнаго искусства не только декоративную живопись и технику, но и готовыя формы, если только онѣ не противорѣчили христіанскому чувству, и если въ нихъ могъ быть вложенъ символическій смыслъ.

Самыми ранними изображеніями, заимствованными изъ языческаго искусства, являются: Добрый Пастырь, Орфей и Оранта. Изображеніе Добраго Пастыря имѣло то же значеніе, что и въ скульптурѣ. Орфей своею таинственностью, обаяніемъ, полною гоненій жизнью и трагическимъ концомъ, повидимому, прообразуетъ Иисуса Христа. Оранта, играющая большую роль въ христіанской символикѣ, изображаетъ обыкновенно душу умершаго или умершей, молитвенно предстоящую передъ Богомъ, въ видѣ дѣвы, задрапированной въ одежды и съ воздѣтыми руками. Къ этимъ символамъ присоединяется рядъ изображеній, символизирующихъ спасеніе Божественною рукою отъ смерти къ вѣчной жизни: Жертвоприношеніе Авраама, Даніиль среди львовъ, Ной въ ковчегѣ, Воскрешеніе Лазаря, Моисей, исторгающій воду изъ скалы, Иона, извергаемый морскимъ чудовищемъ, Умноженіе хлѣбовъ, Многострадальный Іовъ, Давидъ съ пращею и др. Эти изображенія стоятъ въ тѣсной связи съ погребальной литургіей и «отходною» молитвою; въ ней молятъ Бога избавить душу умершаго отъ бѣдствій ада подобно тому, «какъ Онъ избавилъ Еноха и Илію отъ земной смерти, Ноя отъ потопа, Іова отъ мученій, Исаака отъ принесенія его въ жертву, Моисея отъ руки фараона, Даніила отъ львовъ, трехъ отроковъ отъ печи», и т. д.

Представители животнаго царства также входятъ въ христіанскую символику; изъ нихъ первенствующее значеніе имѣютъ рыба и голубь.

Рыба была символомъ имени Иисуса Христа (Ἰησοῦς Χριστός Θεοῦ Υἱὸς Σωτήρ—Иисусъ Христосъ Сынъ Божій Спаситель) и самого Иисуса Христа, какъ духовной

пищи для вѣрующихъ (см. надпись Асхандія); поэтому изображеніе рыбы часто встрѣчается на древне-христіанскихъ памятникахъ. Рыба, плывущая съ корзиною, гдѣ лежатъ хлѣбъ и чаша съ виномъ, знаменуетъ спасеніе черезъ Таинство Евхаристіи.

Голубъ былъ символомъ чистой души умершаго христіанина, тогда какъ овца—символомъ души живущаго; голубъ же, но обычно съ масличною вѣтвью въ клювъ, былъ символомъ будущаго небеснаго мира.

Кромѣ изображеній чисто-религіознаго характера, въ живописи катакомбъ встрѣчаются портреты усопшихъ, а также реалистическія сцены изъ ихъ жизни, обыкновенно характеризующія родъ занятій.

Когда при Константинѣ Великомъ христіанство становится господствующею религіею (съ 313 г.), торжествующая церковь выходитъ изъ подземелій и строитъ величественныя базилики. Обширныя стѣны ихъ покрываются внутри живописью, которая становится монументальной, величественной, по своему содержанію исторической и имѣетъ цѣлью рассказать вѣрующимъ о событіяхъ Священной Исторіи и о подвигахъ святыхъ мучениковъ. Въ связи съ этимъ характеромъ живописи пріобрѣтаетъ большое значеніе мозаика, которая, помимо своей прочности, болѣе подходила къ величію, торжественности и блеску новой церковной обстановки и производила болѣе сильное впечатлѣніе на разстояніи.

Роспись купола залы сдѣлана по рисункамъ съ древне-христіанской живописи въ римскихъ катакомбахъ св. Домитиллы, св. Каллиста, св. Претекстата, св. Прискиллы и св. Люцины.

Посрединѣ купола изображенъ Орфей изъ катакомбы св. Домитиллы; подъ нимъ—Іона, извергаемый чудовищемъ; надъ нимъ—Іона, лежащій подъ кущею; по сторонамъ—символическія изображенія Таинства Евхаристіи. Въ простѣнкахъ между окнами размѣщены слѣдующія символическія изображенія: Моисей ударяетъ въ скалу, Умноженіе хлѣбовъ, Оранта, Ной въ ковчегѣ, Моисей, снимающій обувь, Воскрешеніе Лазаря, Молящійся христіанинъ, Іовъ на гноищѣ, Давидъ съ пращею,

Исцѣленный разслабленный, Молящійся христіанинъ (о символическомъ значеніи этихъ изображеній см. выше на стр. 145 и слѣд.).

Роспись парусовъ, пространства надъ главными окнами и символы евангелистовъ въ угловыхъ абсидахъ заимствованы съ мозаикъ мавзолея Галлы Плацидіи въ Равеннѣ. Надъ главнымъ входомъ помѣщена копія съ мозаики изъ того же мавзолея; мозаика изображаетъ Добраго Пастыря, но здѣсь мы видимъ не просто юношу, какъ въ скульптурѣ первыхъ вѣковъ христіанства, а юнаго торжествующаго Христа, возсѣдающаго среди своей паствы, одѣтаго въ пурпуръ и увѣнчанаго золотымъ нимбомъ.

Памятники Византійской живописи.

Въ то время, какъ Западная Римская Имперія все болѣе и болѣе уступала напору варваровъ, центръ тяжести политическій, культурный и религіозный перемѣщается на Востокъ, во вновь основанный Константиномъ Великимъ «второй Римъ»—Византію, или Константинополь. Въ новую столицу, которая отстраивалась и украшалась съ затратою огромныхъ матеріальныхъ средствъ, сошли лучшие художники изъ Рима, Греціи, Сирии и Египта, гдѣ жили эллинистическія традиции, переработанныя подъ вліяніемъ постоянного общенія съ Востокомъ и соприкосновенія съ его искусствомъ. Здѣсь, на новой почвѣ, не связанные мѣстными традиціями, эти художники выработали новое искусство—византійское. Помимо взаимодѣйствія вошедшихъ въ него элементовъ, на византійское искусство оказало вліяніе и то восточное представленіе о власти, которое утвердилось при византійскомъ дворѣ. Представленію о могуществѣ и величіи этой власти соотвѣтствовало необычайное великолѣпіе, пышность, поклоненіе, іерархическое подчиненіе и строгій церемоніаль. Всѣ эти черты нашли отраженіе въ византійскомъ религіозномъ искусствѣ, какъ въ трактовкѣ отдѣльныхъ изображеній и сценъ, такъ и въ ихъ распредѣленіи въ храмѣ.

Порфирій, єпископъ Газскій, присутствовавшій при крещеніи императора Θεодосія II въ 403 г., говорить: «Если это земное великолѣпіе, которое временно, достигаетъ такого блеска, каковъ же долженъ быть блескъ небеснаго великолѣпія...» Соотвѣтственно этому взгляду византійскіе императоры тратили колоссальныя богатства на постройку и украшеніе храмовъ. Въ вѣкъ Юстиніана (VI в.) византійское строительство и искусство достигаютъ высшаго развитія и своего апогея въ созданіи св. Софіи.

Въ религіозной живописи мозаика получаетъ первенствующее значеніе. Только мозаика, выступая на золотомъ или синемъ фонѣ, своими сильными красочными контурами, силою своего колорита, своею монументальною выразительностью могла соперничать съ блескомъ разлитого повсюду золота и роскошью цвѣтнаго мрамора.

Надъ входомъ въ слѣдующую залу, въ абсидѣ, воспроизведена мозаика изъ св. Софіи. Мозаика изображаетъ Иисуса Христа, который, какъ Владыка міра, сидитъ на тронѣ, и передъ Нимъ униженно склоняется императоръ.

Рѣзьба по слоновой кости занимаетъ также важное мѣсто въ исторіи христіанскаго искусства, такъ какъ расцвѣтъ ея тѣсно связанъ съ развитіемъ христіанства, явившимся источникомъ новаго вдохновенія для этого искусства. Центромъ производства предметовъ изъ слоновой кости была Александрія. Черезъ нее шла слоновая кость, и лучшіе александрійскіе художники работали надъ произведеніями изъ нея. Оттуда и эти произведения и само искусство распространяются въ Римской имперіи и Византіи, гдѣ оно достигаетъ высокой степени развитія.

Наиболѣе извѣстными и многочисленными памятниками изъ слоновой кости являются диптихи (см. слѣпки съ диптиховъ въ витринахъ посреди залы), которые представляютъ собою родъ записныхъ книжекъ изъ двухъ складывающихся дощечекъ, наружныя стороны которыхъ украшались рѣзьбой, а внутреннія гладкія стороны употреблялись для записи. Диптихи получаютъ большое рас-

пространеніе въ римскую эпоху. Былъ обычай, что вновь назначенный консулъ въ день вступленія въ должность разсылалъ императору, высшимъ сановникамъ и друзьямъ диптихи со своимъ изображеніемъ.

Въ христіанской церкви диптихи первоначально служили въ качествѣ поминаній, гдѣ записывались имена императоровъ, сановниковъ и епископовъ для поминовенія. Къ двумъ дощечкамъ стали прибавлять еще внутреннія дощечки, превращая такимъ образомъ диптихи въ триптихи, пентаптихи (въ пять дощечекъ) и, наконецъ, въ полиптихи, состоящіе изъ еще большаго числа дощечекъ. На наружныхъ сторонахъ ихъ рѣзались обыкновенно изображенія изъ Новаго и Ветхаго Заветовъ, и диптихи стали играть роль нашихъ складней.

Кромѣ диптиховъ, изъ слоновой кости дѣлались оклады для переплетовъ книгъ, священные сосуды, ящички и болѣе крупныя предметы изъ отдѣльныхъ досокъ, какъ, напр., кресло епископа Максиміана въ Равеннѣ.

Залы 7—13.

Культуры славяно-русскихъ племенъ ¹⁾.

Русскіе славяне представляютъ крупную вѣтвь славянскаго родословнаго дерева, выросшаго изъ корня арійской расы. По теоріи проф. Л. Нидерле, общіе предки славянъ первоначально занимали мѣсто въ Средней Европѣ, гдѣ и въ настоящее время, по изысканіямъ проф. Д. Н. Егорова, существуетъ огромная масса, частью онѣмеченныхъ, частью еще удерживающихъ свою національность, славянъ. При появленіи славянъ въ исторіи они дѣлятся на двѣ большія группы, изъ коихъ одна изображается какъ народъ со свѣтлыми глазами и русыми или рыжими волосами, а другая — съ темными глазами и волосами. Первая группа населяла области Средней Европы, а вторая занимала болѣе южныя, придунайскія области. Очень рано послѣдовало дро-

¹⁾ Зала 12 временно занята памятниками Булгарской и Татарской культуръ, а въ залѣ 11, въ витр. 3 и 4, также временно помѣщены памятники древней Литовской культуры.

бленіе единого славянскаго народа на многочисленныя племена, часть которыхъ вскорѣ послѣ начала христіанской эры начинаетъ двигаться въ область Восточной Европы: на берега Днѣпра, Оки и Дона. Писатели конца V и начала VI вѣковъ по Р. Х., готъ Іорданъ и византійцы Прокопій и Маврикій, отмѣчаютъ два большихъ племени—антовъ и „славянъ“, въ собственномъ смыслѣ слова. Анты занимали область между Днѣстромъ и Днѣпромъ, а „славяне“—область между Вислой и верхнимъ Днѣпромъ. По отзыву Іордана, анты считались храбрѣйшимъ племенемъ, а по отзыву Прокопія, оно было самое многочисленное, далеко простиравшееся къ сѣверу. Императоръ Маврикій называетъ славянъ благоклонными къ иностранцамъ и войнолюбивыми. Въ VI—VII вѣкахъ средоточіемъ восточныхъ славянъ служили предгорья Карпатъ, а гегемонія принадлежала племени воляннѣ, царю которыхъ подчинялись цари другихъ племенъ. Въ это время на нихъ напали авары (обры), которые своими сильными притѣсненіями дали толчокъ къ передвиженію значительной части славянскихъ племенъ съ юга на сѣверъ и сѣверо-востокъ.

Масуди, арабскій писатель начала X вѣка, въ своемъ географическомъ сочиненіи „Золотые луга“, замѣчаетъ, что, по уничтоженіи (обрами) гегемоніи воляннѣ (дулѣбовъ), наступили между племенами союза раздоры, и каждое изъ нихъ избрало себѣ самостоятельнаго царя. Дробленіе восточныхъ славянъ на мелкія части замѣчаетъ и другой арабскій писатель XI вѣка, Аль-Бекри, по словамъ котораго „славяне—народъ столь могущественный и страшный, что если бы не были раздѣлены на множество поколѣній и родовъ, то не помѣрялся бы съ ними силой ни одинъ народъ въ мірѣ“.

Русская Начальная лѣтопись, составленная въ XI вѣкѣ, повѣствуетъ, что къ концу средней поры желѣзныхъ орудій русскіе славяне дѣлились на 12 племенъ, изъ коихъ тиверцы и уличи занимали область по Днѣстру и Южному Бугу, простираясь до устья Дуная; бужане и дулѣбы (воляннѣ)—по Западному Бугу; поляне—по Днѣпру, имѣя центромъ Кіевъ; сѣверяне—по Деснѣ, Сейму и Сулѣ; древляне—по лѣвымъ притокамъ Припети;

дреговичи — между Припетью и Западной Двиной; радимичи — по Сожѣ; вятичи — по Окѣ; кривичи — по водораздѣлу Днѣпра, Двины и Волги; и, наконецъ, словѣне — по Ильмену. Вмѣстѣ съ тѣмъ лѣтопись отмѣчаетъ, что племена пришли съ юга, отъ береговъ р. Дуная; исключеніе представляли лишь радимичи и вятичи, которые выступили отъ ляховъ. Въ общемъ основная масса населенія представляется вполне однородной.

Въ IX вѣкѣ большая часть русскихъ славянъ, вмѣстѣ съ подвластными имъ и смежными съ ними финнами, подпадаетъ подъ власть хазаръ и варяговъ; но уже X вѣкѣ застаютъ всѣ племена объединенными подъ властью кievскихъ князей и составляющими одно могущественное государство — Русь. Обаяніе новаго государства было весьма значительно: сосѣднія страны спѣшили вступить съ нимъ въ международныя сношенія, а болѣе культурныя изъ нихъ выслали своихъ проповѣдниковъ, чтобы познакомить съ идеями высшихъ религій, результатомъ чего и явилось крещеніе Руси по греческому, или восточному христіанскому, обряду.

Бытовые славяно-русскія древности носятъ какъ общія черты, свойственныя всему народу, такъ и частныя, свойственныя одному племени или группѣ смежныхъ племенъ, вошедшихъ въ составъ народа. Общими бытовыми чертами являются ясно выраженная склонность къ городской и вообще осѣдлой жизни, обусловленная стремленіемъ къ торговлѣ и земледѣлію, колонизаціонный характеръ распространенія населенія, одинаковые религіозныя представленія и обряды, а также гуманныя отношенія къ инородцамъ. Частныя черты выражались во второстепенныхъ деталяхъ религіозныхъ обрядовъ и внѣшнихъ формахъ одежды и украшеній.

Городская жизнь у русскихъ славянъ была чрезвычайно распространенной. Скандинавскія саги называютъ занимаемую ими землю «Гардарикомъ», т.-е. страной городовъ. Возникновеніе многихъ городовъ относится къ глубокой древности. Русская Начальная лѣтопись не помнитъ времени основанія даже такихъ крупныхъ городовъ, какъ Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, Ростовъ,

Полоцкъ и Новгородъ; всѣ они представляются лѣтописцу исконными, или изначальными.

Причиной возникновенія этого множества городовъ одни ученые считаютъ развитую торговлю, которая вызывала необходимость созданія многихъ торгово-промышленныхъ центровъ; по мнѣнію другихъ, возникновеніе большого числа городовъ являлось результатомъ колонизаціи въ областяхъ, занятыхъ чуждыми и враждебными племенами; въ данномъ случаѣ города являлись крѣпостями, обеспечивающими безопасность колонистамъ-славянамъ.

Древніе славяно-русскіе города не отличались ни обширностью, ни силою укрѣпленій. Аль-Бекри говоритъ, что когда славяне хотятъ построить городъ, то отыскиваютъ мѣстность богатую пастбищами и водой, отмѣчаютъ оградой круглое или продолговатое пространство, затѣмъ окружаютъ это пространство рвомъ и землянымъ валомъ. Земля для вала берется изъ рва; для уплотненія она утрамбовывается досками и жердями, пока не приобрѣтаетъ плотности битой глины. Доведя валъ до надлежащей высоты, отмѣриваютъ мѣсто для воротъ и черезъ ровъ строятъ мостъ. Кромѣ рва и вала города укрѣпляли еще и деревянными сооруженіями, въ родѣ тына, башенъ и т. п.; поэтому въ древнихъ источникахъ встрѣчаются выраженія «сметать градъ» и «срубить градъ», т.-е. соорудить земляныя или деревянныя укрѣпленія города.

Судя по сохранившимся городищамъ отъ древнихъ славяно-русскихъ городовъ, планы ихъ были довольно разнообразны: чаще всего они треугольны, рѣже четырехугольны и круглы. Размѣры площадей ихъ невелики и варьируютъ между 300 и 500 шагами въ окружности, хотя бываютъ размѣры и больше и меньше.

Громадное большинство городищъ располагается по берегамъ рѣкъ. Въ областяхъ древнихъ поселеній финновъ русскіе часто пользовались городищами послѣднихъ, что въ настоящее время обозначается различнымъ содержаніемъ культурныхъ слоевъ, отложившихся на поверхности такихъ городищъ.

Хотя древнія славяно-русскія городища и недостаточно изслѣдованы въ археологическомъ отношеніи,

но все же есть возможность составить нѣкоторое сужденіе о такихъ бытовыхъ деталяхъ, о которыхъ не сохранилось никакихъ извѣстій. Такъ въ нѣкоторыхъ городищахъ удалось прослѣдить формы жилыхъ землянокъ, глинобитныхъ печей, кладовыхъ ямъ, а по сопровождающимъ ихъ костямъ животныхъ и бытовымъ предметамъ составить понятіе о существовавшихъ промыслахъ и домашнихъ занятіяхъ.

Наиболѣе распространеннымъ типомъ славянскаго жилища являлись, однако, не землянки, а деревянные дома, о которыхъ упоминаетъ Начальная лѣтопись. Остатки жилищъ сопровождаются костями домашнихъ животныхъ, указывающими на существованіе скотоводства, и дикихъ животныхъ и рыбъ, являющихся доказательствомъ дѣятельныхъ занятій жителей охотой и рыбной ловлей; находка серповъ, мукомольныхъ жернововъ и хлѣбныхъ зеренъ даетъ картину развитого земледѣлія, а желѣзные шлаки и литейныя формы указываютъ на мѣстную обработку металловъ.

Религія русскихъ славянъ состояла изъ обоготворенія силъ и явленій природы, а также предковъ. Главными божествами ихъ считались: Святovidъ, богъ солнца и скорой справедливости, Велесъ—богъ благосостоянія и бытового порядка и Перунъ—богъ грома, молніи и войны. Святovidъ отождествлялся со Сварогомъ, богомъ неба, Дажьд-богомъ и Стрибогомъ, какъ обозначающими его разныя свойства. Главнымъ божествомъ культа предковъ являлся Щуръ, или Чуръ, хранитель домашняго очага, землевладѣльческихъ границъ и путей. Олицетвореніемъ бога солнца на землѣ считался огонь, которому придавалось священное чистилищное значеніе. Священной стихіей считалась и вода.

Русскіе славяне не имѣли ни храмовъ, ни жреческой касты, но у нихъ существовали изображенія боговъ и особые вѣщіе люди, называемые волхвами, или кудесниками.

Погребенія мертвыхъ совершались подъ видомъ трупосожженій и простыхъ погребеній, при чемъ первыя повсюду являются болѣе древними, чѣмъ вторыя, возникшія въ самомъ концѣ изучаемой поры. Останки покой-

никовъ у большинства племенъ помѣщались въ курганахъ, но у нѣкоторыхъ племенъ (радимичей, вятичей и сѣверянъ) эти останки вкладывались въ сосуды и ставились на столбахъ при путяхъ, можетъ быть, въѣрясь Чуру, богу рода и родового владѣнія. Съ покойниками полагали предметы домашняго быта, но въ большинствѣ случаевъ въ незначительномъ количествѣ.

У русскихъ славянъ существовали письмена, о которыхъ упоминаютъ какъ восточные, такъ и западно-европейскіе писатели. Образцы такихъ письменъ найдены въ средне-русскихъ областяхъ владѣній вятичей и смоленскихъ кривичей (зала 13, витр. 2 и 4), но эти письмена до сихъ поръ остаются неразгаданными.

Основой русской жизни являлась эксплуатація природныхъ богатствъ посредствомъ земледѣлія, охоты, пчеловодства и рыболовства; что же касается обрабатывающей промышленности, то она имѣла характеръ чисто-кустарный: всякій городъ самъ обезпечивалъ себя всѣмъ необходимымъ. Только наиболѣе крупные центры, въ родѣ Кіева и Новгорода, руководствуясь привозными образцами, вырабатывали художественныя произведенія и распространяли ихъ въ сосѣднія области.

Сношенія русскихъ славянъ съ сосѣдными и отдаленными народами были весьма оживленны и носили преимущественно дѣловой (торговой) характеръ. Главными культурными очагами, съ которыми русскіе славяне находились въ постоянныхъ и непосредственныхъ связяхъ, были Персія и Византія. Главнымъ путемъ, связывающимъ Русь съ восточными странами, служили Ока и Волга. На послѣдней были расположены два главныхъ рынка, гдѣ совершался бойкій обмѣнъ русскихъ товаровъ на восточные; эти торговые центры были: столица Хазарскаго царства Итиль, расположенная при устьѣ Волги, и столица Булгарскаго царства г. Булгаръ, — въ теперешней Казанской губерніи. Сюда славяне привозили сырье, въ видѣ мѣховъ, меда и воска, а въ обмѣнъ получали предметы роскоши: пряности, ароматическія вещества, цѣнные ткани, серебряныя издѣлія, украшенія, монеты и оружіе. Путь, соединявшій Русь съ Византіей, шелъ по Днѣпру, при чемъ торговыми центрами Византіи являлись Херсонесъ

и Царьградъ. Изъ Византіи, въ обмѣнъ на сырье, славяне получали различные предметы роскоши и высшаго комфорта, въ родѣ дорогихъ украшеній, металлическихъ сосудовъ, тканей, монетъ и др.

Въ связи съ торговыми сношеніями русскіе славяне испытывали сильное культурное вліяніе какъ со стороны Византіи, такъ и Азіатскаго Востока. Несомнѣнно, вліяніе первой было болѣе сильнымъ и благотворнымъ; такъ изъ Византіи русскими заимствованы искусство украшать металлическія вещи эмалью, сканью, растительнымъ и животнымъ орнаментомъ; отсюда же были заимствованы нѣкоторыя формы одеждъ и головныхъ уборовъ въ видѣ корзнь, вѣнцовъ, кокошниковъ, кичекъ и др.

Знакомясь и усвояя византійскіе и восточные стили искусства, русскіе мастера довольно талантливо сливали ихъ въ одно и такимъ образомъ создавали новый стиль. Хорошимъ образцомъ этого стиля являются серебряныя оправы двухъ турьихъ роговъ изъ Черной Могилы въ г. Черниговѣ. Обѣ оправы представляютъ широкія пластины, расчеканенныя, одна—перевитыми пышными травами, другая—весьма сложной композиціею, изображающей охоту на птицъ и бой драконовъ съ грифонами, образовавшими своими переплетеніями замысловатыя фигуры. Техника чеканки подражаетъ восточнымъ оригиналамъ, а мотивы переплетающихся растений и чудовищныхъ животныхъ—византійскимъ образцамъ.

Сильное вліяніе на русскую культуру оказывалъ и Западъ, съ которымъ еще не были порваны родственныя связи. Оттуда получались дорогіе сорта оружія, нѣкоторыя украшенія и монеты, а также заимствовались нѣкоторыя формы бытового и даже государственнаго уклада.

При своихъ оживленныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ съ инородцами русскіе славяне передавали имъ не только товары, но также и много своихъ идей. Таковы понятія о необходимости государственнаго порядка и о равенствѣ между людьми, независимо даже отъ расоваго ихъ различія. Послѣднее, повидимому, производило особенно сильное впечатлѣніе и, несомнѣнно, являлось главнымъ

стимуломъ, побуждавшимъ инородцевъ искать покровительства Руси. Такъ намъ уже извѣстно, что крымскіе готы искали защиты у великаго кievскаго князя; также поступали финны, литовцы и нѣкоторые норманны, искавшіе службы при княжескихъ дворахъ. Интересно, что норманскія дружины, стяжавшія себѣ славу лучшихъ вѣлохранителей того времени, предпочитали служить только при дворахъ византійскихъ императоровъ и славяно-русскихъ великихъ князей.

Культуры Кіевской Руси.

З а л а 7.

Въ залѣ сосредоточены преимущественно христіанскіе памятники Кіевской Руси, которая первою приняла христіанское ученіе отъ Византіи при великомъ князѣ Владимірѣ Святомъ. Христіанство оказало глубокое вліяніе на весь бытъ, сдѣлавъ грамотность доступною для широкихъ слоевъ населенія и обогативъ культуру высокими произведеніями изобразительнаго искусства и архитектуры.

Въ Кіевѣ появляются каменные храмы, украшенные иконами, мозаикой и фресками. Первыми учителями живописи и архитектуры явились царьградскіе мастера, которые вскорѣ были замѣнены ихъ учениками—русскими мастерами. При Владимірѣ Святомъ была сооружена знаменитая Десятинная церковь, а при сынѣ его Ярославѣ—еще болѣе величественный храмъ—Кіево-Софійскій соборъ, сохранившійся въ своемъ первоначальномъ видѣ до нашихъ дней. На ряду съ развитіемъ христіанскаго изобразительнаго искусства и зодчества, достигли блестящаго расцвѣта и бытовые предметы. Явились первые серебряные и золотые монетные знаки, печати, безчисленный ассортиментъ блестящихъ золотыхъ и серебряныхъ украшеній.

Кромѣ христіанскихъ памятниковъ, въ залѣ помѣщены нѣкоторые памятники конца языческаго времени. Въ углу, у окна, находится гипсовая копія съ идола, обыкновенно считающагося изображеніемъ Святoviда, главными атрибутами котораго являлись рогъ, конь и

мечъ. Конь Святовида предсказывалъ удачу и неудачу замышляемыхъ военныхъ предпріятій. Въ знакъ того, что Святовидъ являлся всевидящимъ божествомъ, его изображали съ четырьмя ликами, обращенными въ четыре разныя стороны свѣта. Идолъ былъ найденъ въ р. Збручѣ на границѣ между Россіей и Австріей, что какъ будто указываетъ на сверженіе идола въ воду при введеніи христіанства, какъ это было сдѣлано съ истуканомъ Перуна въ Кіевѣ, свергнутымъ въ р. Днѣпръ.

Украшенія стѣнъ и потолка залы заимствованы изъ мозаикъ и фресокъ Кіево-Софійскаго собора, а мозаика пола повторяетъ мозаичные узоры древняго архіерейскаго мѣста, сохранившагося въ большемъ алтарѣ Кіево-Софійскаго собора.

На стѣнахъ залы помѣщены копии съ мозаикъ Кіево-Софійскаго собора:

Стѣна направо:

1. Таинство Евхаристіи. Въ обстановкѣ алтаря изображенъ Христосъ (дважды), преподающій апостоламъ причастіе подъ обоими видами, т.-е. Тѣло и Кровь; ангелы прислуживаютъ Христу.

Еще въ древне-христіанскомъ искусствѣ существовало изображеніе Тайной Вечери, изъ коего постепенно выработалось особое изображеніе Таинства Евхаристіи. Въ византійскомъ искусствѣ, какъ и въ русскомъ искусствѣ до эпохи усиленныхъ западныхъ вліяній, на алтарной стѣнѣ изображалась не Тайная Вечеря, а именно Таинство Евхаристіи, какъ болѣе торжественное изображеніе, воплощающее завѣты Христа на Тайной Вечерѣ.

Стѣна налѣво:

2. Надъ дверью—Христосъ Вседержитель, одна рука держитъ евангеліе, другая благословляетъ міръ.

3 и 4. Благовѣщеніе: Богоматерь стоящая и архангелъ Гавріиль, привѣтствующій Богоматерь.

5 и 6. Изображенія святыхъ Лисимаха и Аэція.

На стѣнѣ съ окнами:

7 и 8. Апостоль Павелъ и Ааронъ.

Кромѣ того въ залѣ помѣщены:

По правой стѣнѣ, внизу:

Налѣво:

9. Копія съ гробницы великаго князя Ярослава Мудраго. Гробница эта, изваянная изъ бѣлаго мрамора, находится въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, по лѣвую сторону главнаго алтаря. Въ рѣзныхъ украшеніяхъ гробницы содержатся древне-христіанскіе символы: пальма—символь рая, кипарисъ—символь вѣчной жизни, виноградная лоза и рыба—символы Христа, голуби на лавровыхъ деревьяхъ—символь торжества христіанства надъ язычествомъ.

Направо:

10. Копія съ другой мраморной гробницы, найденной въ Кіево-Софійскомъ соборѣ (теперь находится въ придѣлѣ Успенія Богоматери). Гробница эта, неизвѣстно кому принадлежащая,—гораздо проще Ярославовой и, быть можетъ, древнѣе ея.

На входной стѣнѣ:

11. Слѣпокъ съ древнѣйшаго колокола, найденнаго на развалинахъ Десятинной церкви.

12 и 13. Слѣпки съ шести капителей византійскаго стиля, найденныхъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Небольшія колонны, коимъ принадлежали эти капители, вѣроятно, отдѣляли отъ храма алтарную часть.

14. Одиннадцать слѣпковъ съ древнихъ красношиферныхъ плитъ, составляющихъ перила на хорахъ Кіево-Софійскаго собора.

15. Слѣпки съ высѣченыхъ на камнѣ буквъ, найденныхъ на развалинахъ Десятинной церкви.

У той же стѣны внизу:

Налѣво:

16. Копія съ древней иконы Николая Чудотворца, такъ называемаго «Мокраго». Икона находится въ Кіево-

Софійскомъ соборѣ и связана съ преданіемъ о чудѣ 1092 года: ребенокъ, утонувшій въ Днѣпрѣ, былъ найденъ родителями невредимымъ у иконы св. Николая въ Софійскомъ соборѣ. Св. Николай—особо чтимый святой приморскихъ византійскихъ городовъ и покровитель пловцовъ.

Направо:

17 и 18. Копіи съ миниатюръ, изображающихъ страданія и чудеса свв. князей Бориса и Глѣба. Миниатюры находятся въ пергаменной русской рукописи XIV вѣка, которая содержитъ сочиненія: преподобнаго Нестора «Чтеніе о житіи и погубленіи блаженныхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба» и приписываемое мниху Іакову «Сказаніе страстотерпцевъ святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба». Рукопись эта хранится въ Москвѣ, въ Типографской библіотекѣ. «Чтеніе» препод. Нестора написано имъ въ концѣ XI вѣка, а «Сказаніе» возникло не позднѣе начала XII вѣка; оба сочиненія пользовались болѣе древними источниками.

Очень вѣроятно, что и миниатюры XIV вѣка основаны на болѣе древнихъ оригиналахъ. Миниатюры изображаютъ событія, начиная отъ кончины Владиміра Святого и до перенесенія мощей свв. Бориса и Глѣба въ церковь, сооруженную Изяславомъ Ярославичемъ. Въ числѣ изображеній—много бытовыхъ: изображаются князья и ихъ дружины, великокняжескій пиръ, церковныя процессіи, постройка храма, княжескія палаты, церкви, пѣшіе и конные воины, оружіе, одежды, утварь, иконы, книги, повозки, сани, челны и пр.

Кромѣ того на стѣнахъ размѣщены:

Планы древнѣйшихъ каменныхъ церквей:

19. Планъ Десятинной церкви, сооруженной Владиміромъ Святымъ между 989 и 996 годами. Церковь разрушена при разореніи Кіева татарами въ 1240 году; о планѣ позволяютъ судить сохранившіеся низы стѣнъ.

20. Планъ соборной церкви св. Софіи въ Кіевѣ. «Св. Софія Кіевская основана Ярославомъ Мудрымъ въ

1037 году и освящена между 1042 и 1049 годомъ. Значительно измѣненный снаружи въ позднѣйшія времена, Кіево-Софійскій соборъ внутри сохранилъ свою древнюю архитектуру, а равно многочисленныя мозаики и часть фресокъ XI вѣка.

21. Планъ церкви св. Ирины въ Кіевѣ. Церковь заложена въ 1037 году. Сохранились низы стѣнъ.

22. Планъ соборной церкви св. Софіи въ Новгородѣ. Соборъ заложенъ въ 1045 году, освященъ въ 1052 году и сохранился до нашихъ дней.

Витрина I (вертящаяся).

Въ витринѣ помѣщены три клада, найденные въ Кіевѣ, въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ. Клады относятся къ XII вѣку.

Первый кладъ найденъ 4 іюня 1903 г. въ усадьбѣ монастыря; въ составъ его входятъ: серебряный шейный обручъ (гривна), свитый изъ нѣсколькихъ проволокъ; двѣ шестигранныя серебряныя монетныя гривны такъ называемаго кіевского типа; ожерелье изъ криновидныхъ серебряныхъ бляшекъ и бусъ въ формѣ боченковъ; четыре серебряныхъ колта, украшенныхъ черневыми изображеніями животныхъ; височная золотая серьга изъ 3 бусъ, надѣтыхъ на проволоку; ожерелье изъ 15 золотыхъ четырехугольныхъ бляшекъ съ финифтянымъ орнаментомъ и нитей мелкаго жемчуга; шесть цѣлыхъ и четыре сломанныхъ серебряныхъ перстней; пять золотыхъ височныхъ привѣсокъ, состоящихъ изъ дрота съ тремя бусинами на каждомъ; два звѣздообразныхъ серебряныхъ височныхъ кольца; девятнадцать серебряныхъ височныхъ колецъ, состоящихъ изъ дрота съ тремя бусинами на каждомъ (нѣкоторыя бусины утеряны); браслетъ серебряный, украшенный чернью; два серебряныхъ витыхъ браслета; два каменныхъ крестика въ серебряныхъ оправкахъ; ожерелье изъ семи цвѣткообразныхъ серебряныхъ бляшекъ съ зернью, трехъ бусъ боченочной формы, серебрянаго крестика и круглой золоченой бляшки съ черневымъ крестомъ; два широкихъ серебряныхъ браслета съ черневыми изображеніями; браслетъ серебряный

изъ рубчатыхъ бляшекъ; браслетъ изъ золотыхъ круглыхъ бляшекъ съ финифтянымъ орнаментомъ; пара серегъ о трехъ бусахъ каждая; ожерелье изъ четырнадцати серебряныхъ бляшекъ, покрытыхъ сканью; обрывки парчи; обломки разныхъ предметовъ.

Второй кладъ найденъ въ 1906 году въ той же монастырской усадьбѣ; въ составъ его входятъ: три обломка золотой монетной гривны; двѣ серебряныя монетныя гривны; серебряный витой браслетъ; золотой колтъ (височное кольцо) съ изображеніемъ двухъ птицъ изъ финифти; золотой колтъ, середина украшена орнаментомъ изъ финифти, по краю—рядъ шариковъ; золотой витой перстень; два серебряныхъ разломанныхъ колта; золотая серьга-привѣска съ тремя ажурными бусами; золотая серьга съ тремя боченкообразными бусами.

Третій кладъ найденъ въ 1907 г. Въ составъ его входятъ: 53 шестигранныхъ серебряныхъ монетныхъ гривны; три серебряныхъ гривны въ формѣ палочекъ; глиняный горшокъ, въ которомъ найдены гривны; пара золотыхъ серегъ-привѣсокъ съ тремя ажурными бусами.

Въ той же витринѣ помѣщены двѣ планшеты со сборными вещами, найденными въ усадьбѣ Михайловскаго монастыря; въ составъ коллекціи входятъ: широкій серебряный браслетъ съ черневымъ узоромъ; два серебряныхъ колта съ такимъ же узоромъ; двѣ серебряныхъ серьги съ тремя бусами; золотая серьга съ тремя бусами; сломанный серебряный перстень; бронзовая витая гривна; бронзовыя со слѣдами позолоты пуговицы и серебряная проволока съ намотанной на нее серебряной же витой проволокой. На второй планшетѣ—обломки стекляннаго браслета; серебряныя дужки отъ сломанныхъ височныхъ колець; каменная литейная форма и др.

Въ той же витринѣ помѣщенъ кладъ, найденный въ Кіевѣ въ 1846 г., состоящій изъ: бронзоваго энколпіона съ изображеніемъ на одной сторонѣ Распятія, а на другой Богоматери; двухъ золотыхъ серегъ съ тремя бусами на каждой; двухъ серебряныхъ браслетовъ и одной серебряной шестиугольной монетной гривны.

Витрины 2—5.

Коллекція древнѣйшихъ литыхъ крестовъ. Сюда входятъ: кресты-складни и немногіе одностворные кресты, тѣ и другіе—типа наперсныхъ крестовъ. Громадное большинство крестовъ вылито изъ бронзы различныхъ оттѣнковъ; изображенія на крестахъ—литыя выпукло, чеканныя, нарѣзные или исполненныя черневой или цвѣтной эмалью. На лицевой створѣ преобладаетъ изображеніе Распятія, иногда съ предстоящими, ангелами, луною и солнцемъ; на обратной створѣ преобладаетъ изображеніе Богоматери. Кромѣ того, встрѣчаются, по большей части въ концахъ крестовъ, рѣже въ средокрестіяхъ, изображенія евангелистовъ, апостоловъ Петра и Павла, а равно другихъ святыхъ, въ томъ числѣ свв. Константина и Елены, свв. Бориса и Глѣба. Надписи крестовъ—часто славянскія, а греческія надписи по большей части—традиціонныя, т.-е. такія, какія сохраняются на славянскихъ церковныхъ предметахъ и въ послѣдующее время: ІС ХС (Иисусъ Христось), МР ΘΥ (Богоматерь), О АГ (святой) и т. п.

Коллекція содержитъ экземпляры, найденные въ Кіевѣ и различныхъ мѣстностяхъ Кіевской губ., а равно въ губерніяхъ: Екатеринославской, Черниговской, Смоленской и Тверской. Происхожденіе многихъ экземпляровъ неизвѣстно. Особо отмѣчаются:

1. Крестъ бронзовый, съ угловатыми концами, содержитъ украшенныя желтой и красной эмалью весьма грубыя изображенія Распятія на одной створѣ и Богоматери съ воздѣтыми руками на другой. По изображеніямъ и по технике крестъ долженъ быть отнесенъ къ особо древнимъ. Крестъ найденъ близъ села Олбина, Остерскаго уѣзда, Черниговской губ., и принесенъ въ даръ Музею священникомъ о. Ѳеодоромъ Рубановскимъ.

2. Крестъ-складень бронзовый, содержитъ на одной створѣ изображеніе Распятія съ оплечными изображеніями свв. Константина и Елены по сторонамъ, на другой створѣ—изображеніе Богоматери. Крестъ долженъ быть

отнесенъ къ XII—XIII вѣку и, по свидѣтельству продавца, найденъ близъ города Козельска, Калужской губерніи.

3. Кресты-складни небольшіе, съ округленными концами, содержатъ на обѣихъ створахъ выпуклыя изображенія святого, стоящаго въ ростъ въ русской древнекняжеской одеждѣ, на одной створѣ съ одноглавымъ, на другой—съ многоглавымъ храмомъ въ рукѣ; при послѣднемъ изображеніи—надпись БО; по концамъ на каждой створѣ—три изображенія святыхъ. Кресты этого типа содержатъ древнѣйшія изображенія князей Бориса и Глѣба. Въ «Сказаніи страсотерпцевъ святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба» сообщается, что построенная Ярославомъ Мудрымъ надъ мощами святыхъ Бориса и Глѣба пятиверхая деревянная церковь пришла въ ветхость, и великій князь Изяславъ Ярославичъ замѣнилъ ее новою каменною церковью объ одномъ верхѣ. Кресты описаннаго типа необходимо приводить въ связь съ этимъ событіемъ.

Коллекція литыхъ образковъ, именуемыхъ змѣвиками.

Такое названіе дано въ русской археологіи круглымъ особаго вида образкамъ, на коихъ, кромѣ священныхъ изображеній и молитвъ о помощи, содержится на обратной сторонѣ также изображеніе человѣческой головы (а иногда и цѣлой фигуры) съ исходящими изъ нея змѣями; вокругъ такого изображенія читается на многихъ змѣвикахъ заклинаніе противъ демона, котораго, очевидно, и изображаетъ обратная сторона змѣвиковъ. Эти памятники народныхъ вѣрованій перешли къ намъ изъ Византіи и были очень распространены до самаго конца удѣльно-вѣчевого періода русской исторіи. Съ XIV вѣка изготовленіе новыхъ змѣвиковъ значительно сокращается, но не прекращается окончательно, ибо позднѣйшіе змѣвики, найденные въ Россіи, могутъ быть относимы къ XVII и даже къ XVIII вѣку. Эти поздніе змѣвики по большей части сильно отличаются отъ древнѣйшихъ своимъ видомъ: это уже не круглые медальоны, а прямоугольныя литыя иконки съ закругленіемъ вверху, полученныя изъ соединенія нѣсколькихъ различныхъ матрицъ, употре-

блявшихся для отлива змѣвиковъ и иныхъ образковъ. Поэтому на позднихъ змѣвикахъ изображенія гораздо разнообразнѣе, чѣмъ на древнихъ. Особо отмѣчаются:

Копіи:

1. Копія съ золотого змѣвика, найденнаго подь Черниговомъ въ 1821 году; подлинный—въ Петроградскомъ Эрмитажѣ. Рисунокъ изображеній и надпись позволяютъ отнести змѣвикъ къ русскимъ работамъ X—XI вѣка. Славянская молитва, читаемая по ободку, содержитъ слова: «Господи, помози рабу своему Василю».

2. Копія съ того же памятника, обратная сторона.

3. Копія съ древняго золотого змѣвика, принадлежащаго Казанскому Университету.

4. Копія съ древняго золотого змѣвика, найденнаго въ 1887 году въ Смоленской губ.; подлинный—въ Петроградскомъ Эрмитажѣ.

Подлинныя:

5. Бронзовый посеребренный змѣвикъ съ изображеніемъ Крещенія Господня.

6—8. Бронзовые змѣвики съ изображеніемъ Богоматери съ Младенцемъ. Чрезвычайно распространенный типъ.

9. Бронзовый змѣвикъ съ изображеніемъ двухъ святыхъ, найденъ въ землѣ близъ Новаго Иерусалима въ Московской губ. Даръ В. Т. Тимоѣева.

10. Поздніе змѣвики съ изображеніями Богоматери и Θεодора Тирона, свв. Никиты и Θεодора Тирона, съ изображеніемъ Рая и Вседержителя среди другихъ священныхъ изображеній.

Копіи съ русскихъ серебряныхъ монетъ, относимыхъ къ X—XI вѣкамъ.

Зала 8.

Украшенія залы заимствованы изъ древнѣйшихъ русскихъ рукописей: наличники дверей и оконъ и пояски по сводамъ потолка—изъ украшеній «Изборника» 1073 года, мозаика пола у входа и правой стѣны сдѣлана по украшеніямъ того же «Изборника» 1073 года, а мозаика

пола около оконъ и къ выходу — по украшеніямъ Остромирова Евангелія 1057 года.

На стѣнахъ помѣщены копіи съ мозаикъ Кіевского Златоверхаго Михайловскаго монастыря, основаннаго въ 1108 году, а равно съ мозаикъ и фресокъ Кіево-Софійскаго собора (ср. предыдущую залу).

Стѣна направо:

Таинство Евхаристіи, копія съ алтарной мозаики Михайловскаго монастыря; середина пострадала отъ времени. Мозаика эта сходна съ тою, которая находится на алтарной стѣнѣ Кіево-Софійскаго собора (см. предыдущую залу). Славянская надпись Михайловской мозаики своими русскими особенностями обличаетъ работу русскихъ мастеровъ.

Святой Димитрій, копія съ мозаики Михайловскаго монастыря.

Святой Стефанъ, копія съ мозаики Михайловскаго монастыря.

Гипсовый слѣпокъ съ такъ называемаго Тмутороканскаго камня, древнѣйшей русской надписи на камнѣ, относящейся къ 1068 году. Камень найденъ въ 1792 г. близъ станицы Тамань, Кубанской обл.

Три модели съ древнихъ зданій, открытыхъ близъ Десятинной церкви.

Выходная стѣна:

Христось Вседержитель, копія съ мозаики, находящейся въ главномъ куполѣ Кіево-Софійскаго собора.

Ниже:

Уменьшенная акварельная копія съ мозаичнаго изображенія святыхъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ; на ней изображены: свв. Епифаній, Климентъ папа Римскій, Григорій Богословъ, Николай Чудотворецъ, архидіаконъ Стефанъ, свв. Лаврентій, Василій Великій, Іоаннь Златоустъ, Григорій Нисскій, Григорій Неокесарійскій.

Стѣна на лѣво (по сторонамъ оконъ):

Св. Ѡаддей, копія съ мозаики Кіево-Софійскаго собора.

Слѣпокъ съ красношиферной плиты, найденной въ оградѣ Михайловскаго монастыря въ Кіевѣ. Плита содержитъ изображенія св. Георгія и св. Димитрія.

Входная стѣна:

Три снимка съ древнихъ фресокъ бытового содержания, открытыхъ на полутемныхъ лѣстницахъ Кіево-Софійскаго собора, такъ называемыхъ архіерейской и библіотечной.

1. Изображеніе группы женщинъ въ богатыхъ византійскихъ одеждахъ среди архитектурной обстановки.
2. Сцены, повидимому, изображающія судъ.
3. Сцена представленія, которое даютъ, повидимому, уличные музыканты, плясуны и фокусники.

Апостоль Павелъ, снимокъ съ мозаики Кіево-Софійскаго собора.

Ааронъ, снимокъ съ мозаики Кіево-Софійскаго собора.

Копія съ двухъ красношиферныхъ плитъ, находящихся надъ дверями зданія Кіево-Печерской типографіи. На одной плитѣ—Самсонъ, раздирающій пасть льва, на другой—царь на колесницѣ, везомой львами.

Копія (увеличенная) съ 1-го листа Изборника Святослава 1073 года, на которомъ изображены: князь Святославъ Ярославичъ съ книгой въ рукахъ, жена его княгиня Ода, графиня Штадская, около нея—младшій сынъ Ярославъ, далѣе влѣво—остальные сыновья: Глѣбъ, Олегъ, Давидъ, Романъ.

Культуры русскихъ племенъ, основавшихъ Великое Кіевское и Великое Черниговское княжества X—XIII вв.

Витрина 1.

Полки 1-я и 2-я—древности сѣверянъ. Сѣверяне являются основателями Черниговскаго княжества, занимавшаго довольно обширную область по лѣвому берегу

р. Днѣпра, приблизительно до линіи отъ устья р. Сожи до верховьевъ р. Псла. Главнымъ центромъ княжества являлся г. Черниговъ, основанный, по преданію, княземъ Чернымъ, предполагаемые останки погребенія котораго, извлеченные проф. Д. Я. Самоквасовымъ изъ кургана, находятся въ залѣ 5, въ круглой витринѣ у окна; если преданіе справедливо, то основаніе города можно относить къ первой половинѣ X вѣка.

Выставленныя вещи происходятъ изъ курганныхъ погребеній и кладовъ. Курганныя вещи могутъ относиться къ XI—XII вв., когда, несмотря на принятіе христіанства сѣверянами, продолжали существовать языческіе обряды погребенія въ курганахъ, въ которыхъ покойники сопровождались украшеніями и предметами домашняго быта. Наиболѣе характерными племенными вещами считаются височныя кольца изъ спирально-завитой проволоки (полка 2-я). Наиболѣе же богатыми представляются вещи изъ клада со Святого озера, близъ с. Низовки, Черниговской губ. (полка 1-я, двѣ планшеты, слѣва); въ составъ клада входятъ серебряныя съ чернью перстни, колты и браслеть; оригинальностью отличаются браслеты изъ серебряныхъ полуцилиндриковъ, объединенныхъ серебряными цѣпочками (планшета вторая, слѣва); вещи клада были найдены сложенными въ желѣзной сковородкѣ.

Любопытны серебряныя монетныя слитки (гривны) (полка 1-я, планшета третья, слѣва) изъ села Мамекина, Новгородсѣверскаго у., Черниговской губ.

Полки 3-я и 4-я—древности полянь X—XIII вв. Поляне, одно изъ славянскихъ племенъ, занимали большую область по правому берегу Днѣпра отъ нижняго теченія р. Припети до р. Роси. Тучная почва, хорошія климатическія условія и многоводная рѣка Днѣпръ оказывали благотворное вліяніе на развитіе этого племени, ставшаго рано во главѣ всѣхъ славянскихъ племенъ, колонизовавшихъ среднюю область Восточной Европы. Это событіе, однако, связано съ захватомъ полянской земли сѣверными новгородскими князьями Олегомъ и Игоремъ, потомки котораго соединили всѣ славяно-русскія племена, давъ начало великому государству—

Руси, принявшему христіанство при великомъ кievскомъ князѣ Владиміръ Святѣмъ.

Древности полянь легко раздѣляются на языческія и христіанскія. Языческіе предметы быта добываются изъ кургановъ съ трупосожженіями, христіанскіе же— изъ кургановъ съ простыми погребеніями. Остатки сожженій полагались на поверхности почвы, сверхъ которой послѣ насыпался курганъ, въ насыпи и въ глубокихъ ямахъ подъ курганомъ. Интересно, что совершенно подобная форма положенія остатковъ сожженія на днѣ глубокихъ ямъ встрѣчается въ Галиціи, въ области русинъ.

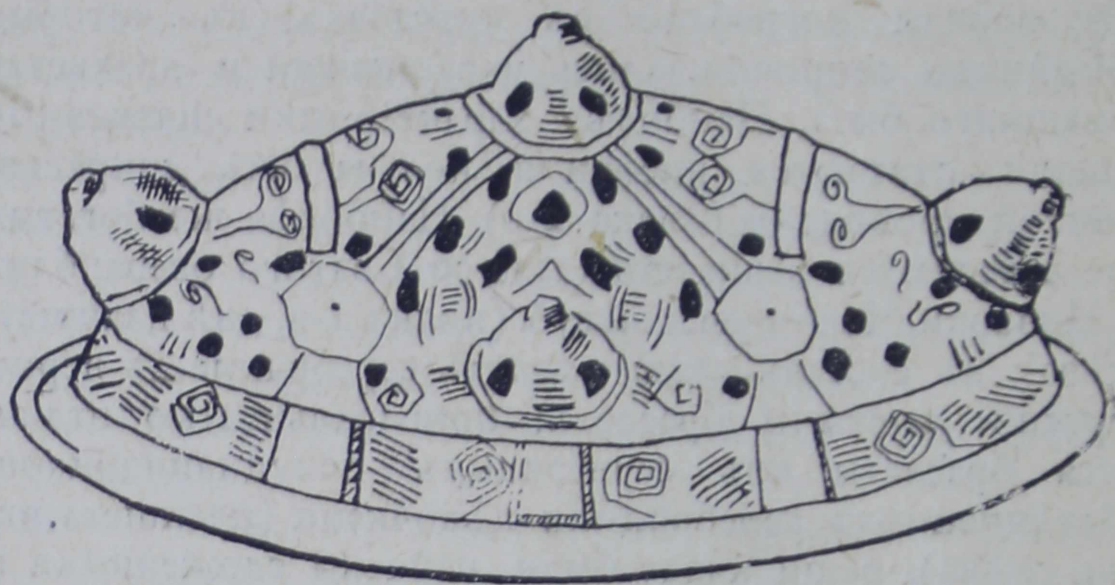


Рис. 67.

Наиболѣе древними вещами являются фибулы черепаховой формы (рис. 67) и четырехконечный крестъ (планшета первая, слѣва). Обращаютъ на себя вниманіе бронзовыя витыя гривны, не разрубленныя на части (планшета на полкѣ 3-ей, посрединѣ); фактъ этотъ свидѣтельствуесть о производствѣ такихъ гривенъ въ Кіевѣ. Характерными для культуры представляются височныя кольца съ напущенными тремя бусами на каждомъ кольцѣ (полка 3-я, планшета третья, слѣва). Однако необходимо имѣть въ виду, что этого типа височныя кольца, выработывавшіяся въ кievскихъ мастерскихъ, имѣли широкое распространеніе по всей территоріи Россіи и проникали даже въ Скандинавію и Сѣверную Германію. На 4-й полкѣ (четыре планшеты, слѣва)—коллекція

изъ городища Княжья Гора, близъ г. Канева, Кіевской губ., представляющая интересъ въ томъ отношеніи, что въ составъ ея входятъ: серпы, топоры, ножницы, замки, ключи, огнива и многіе другіе предметы домашняго быта осѣдлаго земледѣльческаго населенія.

Полки 4-я (двѣ планшеты, справа), 5-я и 6-я—древности дреговичей. Племя дреговичей занимало область къ сѣверу отъ р. Припети до верховьевъ р. Березины (части Минской и Могилевской губ.). Памятниками ихъ являются въ настоящее время курганы и городища съ довольно бѣднымъ содержаніемъ, такъ какъ самое племя дреговичей представляется политически не особенно сильнымъ. Въ дреговическихъ курганахъ, какъ и въ курганахъ другихъ славяно-русскихъ племенъ, наблюдаются два типа погребеній: языческой и христіанской; языческой типъ характеризуется трупосожженіями, а христіанской—простыми погребеніями. Наиболѣе характерными вещами представляются мѣдныя и серебряныя бусины, покрытыя грубоватой зернью (полка 6-я, планшета первая, слѣва). Эти очень оригинальныя вещи встрѣчаются также и у древлянъ, но въ меньшемъ количествѣ. Описываемыя бусы служили украшеніями ожерелій, а также, какъ части височныхъ колець. Прочія бытовыя вещи являются довольно обычными для всѣхъ вообще славянскихъ племенъ.

Витрина 2.

Культура радимичей X—XII вв.

На пяти верхнихъ полкахъ расположены предметы изъ кургановъ, принадлежащихъ племени радимичей. Небольшое племя радимичей, по свидѣтельству Начальной лѣтописи, было родственно болѣе сильному и воинственному племени вятичей. Областью ихъ главныхъ поселеній служило пространство между Днѣпромъ и притокомъ его Сожью и далѣе, къ востоку отъ послѣдней. Племя это скоро было подчинено полянами и вошло въ составъ Великаго Кіевского княжества.

Характерными племенными вещами являются семилопастныя височныя привѣски, у которыхъ лопасти книзу

суживаются (рис. 68). Подобныя пятилопастныя височныя привѣски были въ широкомъ распространеніи у вятичей, при чемъ вятическія отличаются тѣмъ, что ихъ лопасти книзу расширяются (рис. 69). Частое нахожденіе крестовъ указываетъ, что наибольшее число кургановъ принадлежало уже христіанамъ XI—XII вв. Лучшія изслѣдованія курганныхъ памятниковъ радимичей были сдѣланы П. П. Еременко въ Новозыбковскомъ и Суражскомъ уѣздахъ Черниговской губ.

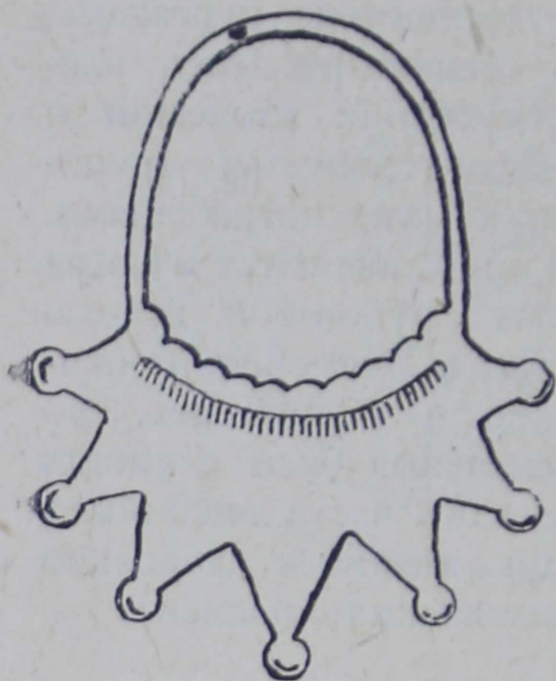


Рис. 68.

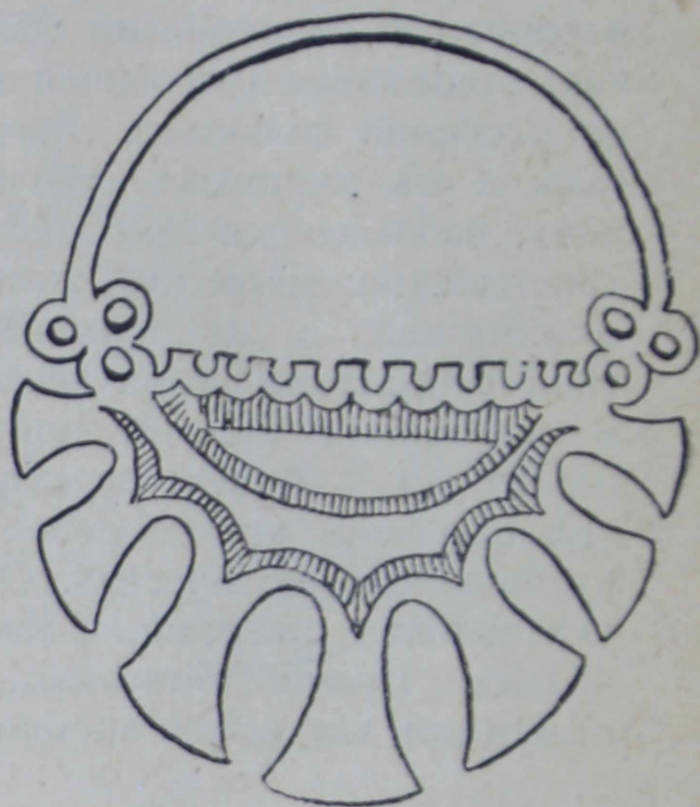


Рис. 69.

На нижней полкѣ помѣщены коллекціи болѣе или менѣе случайнаго характера.

Витрины 3—10.

Культура смоленскихъ кривичей X—XII вв.

Смоленскіе кривичи представляли одно изъ образованнѣйшихъ и сильнѣйшихъ русскихъ племенъ, сыгравшихъ выдающуюся роль въ созиданіи русской государственной жизни. Ихъ колоніи простирались почти до Финскаго залива къ сѣверу и до Ярославля и Ко-

стромы къ востоку. Смоленскіе кривичи до раздробленія ихъ территоріи на княжества управлялись духовной іерархіей, во главѣ которой стоялъ великій первосвященникъ—кривэ, давшій имя всему племени. Это интересное явленіе обусловило разработку особой торжественности погребальнаго ритуала для болѣе значительныхъ лицъ; такъ въ большихъ курганахъ X вѣка находятъ особыя сооруженія изъ бѣлаго и краснаго песка, на которыхъ устраивались костры для сожженія покойниковъ (витр. 7—10—модели погребеній въ курганахъ). Получивъ солидную политическую организацію, смоленскіе кривичи начали широко распространять свои колоніи, входя въ торговыя сношенія съ отдаленными странами: Скандинавіей, Византіей и Арабскимъ Востокомъ. Судя по большой разницѣ между рядовыми и богатыми погребеніями, слѣдуетъ полагать, что населеніе дѣлилось, по крайней мѣрѣ, на два класса или сословія: обыкновенныхъ и богатыхъ гражданъ, можетъ быть составлявшихъ племенную аристократію.

Дохристіанскіе памятники найдены въ курганахъ съ трупосожженіями и городищахъ, а памятники ранняго христіанскаго времени—въ курганахъ съ простыми погребеніями.

Сравнивая эти двѣ группы памятниковъ, можно замѣтить, что первыя были богаче и разнообразнѣе, что несомнѣнно объясняется политической самостоятельностью племени, утраченною съ утвержденіемъ великокняжеской власти и распространеніемъ христіанства.

Въ составѣ древнѣйшихъ памятниковъ можно видѣть значительное число заграничныхъ вещей, притекавшихъ, повидимому, въ большихъ количествахъ съ Арабскаго Востока (серебряныя монеты, металлическая и фаянсовая посуда), изъ Византіи и Скандинавіи (преимущественно оружіе и нѣкоторыя украшенія). Въ составѣ же памятниковъ христіанскаго времени господствуютъ сравнительно дешевые предметы, свойственные всѣмъ объединеннымъ въ это время русскимъ славянамъ.

Наиболѣе характерными предметами этого времени являются проволочныя височныя кольца, украшавшія головные уборы, по нѣскольку штукъ у каждаго виска.

Витрины 3 и 4.

Въ этихъ витринахъ размѣщены обширныя коллекціи, добытыя раскопками В. Д. Соколова, В. И. Сизова и С. И. Сергѣева въ обширнѣйшемъ Гнѣздовскомъ курганномъ могильникѣ, расположенномъ близъ д. Гнѣздово, въ семи верстахъ отъ г. Смоленска. По имѣющимся даннымъ этотъ могильникъ содержалъ погребенія жителей города Гнѣздно, являвшагося столицей области кривичей, позже перенесенной на новое мѣсто и получившей имя г. Смоленска. Время этого событія уходитъ, однако, въ глубокую дохристіанскую древность. Всѣ вещи взяты изъ кургановъ съ остатками трупосожженій, поэтому большинство изъ нихъ имѣеть попорченный видъ; исключеніе представляютъ лишь тѣ вещи, которыя полагались уже послѣ сожженія трупа.

Среди вещей можно видѣть разнаго рода украшенія и большое количество предметовъ домашняго быта и вооруженія. Изъ привозныхъ вещей обращаютъ на себя вниманіе: серебряныя арабскія монеты (витр. 3, полка 3-я, первая планшета, слѣва), фаянсовые сосудики, бронзовая лампа въ видѣ головки женщины съ бирюзовымъ камешкомъ въ носу (полка та же) и чашки бронзовыхъ вѣсовъ (полка 4-я, вторая планшета, слѣва), происходящихъ съ Востока; черепахообразныя фибулы (полка 5-я, третья планшета, слѣва и др.), желѣзныя гривны съ навѣшанными на нихъ желѣзными изображеніями молота скандинавскаго бога Тора (полка 2-я, первая планшета, справа) и нѣкоторые другіе предметы, привезенные изъ Скандинавіи. Въ низу витрины находятся предметы изъ богатаго погребенія воина: шлемъ, остатки кольчуги, мечъ, копье, желѣзные умбоны отъ щитовъ (въ видѣ круглодонныхъ чашечекъ); тамъ же расположены фотографіи съ Гнѣздовскихъ кургановъ и рисунокъ В. И. Сизова съ открытаго имъ погребенія воина, останки котораго сопровождались рогатымъ животнымъ—интересная подробность, о которой упоминаетъ въ своемъ сказаніи о погребеніи русса арабскій писатель Ибнъ-Фодланъ. Таковую же связь съ его сказаніемъ имѣеть и большое количество желѣзныхъ гвоздей (клепокъ—гвоздей съ гайками

на притупленномъ острѣ) (витр. 3, полка 5-я, первая планшета, справа, и витр. 4, полки 1-я и 2-я и коробка внизу), которые несомнѣнно служили скрѣпами деревянныхъ лодокъ, сожженныхъ съ покойниками. Интересно, что употребленіе подобныхъ клепокъ засвидѣтельствовано въ рисункахъ древней рукописи XIV вѣка лицевого житія свв. Бориса и Глѣба (зала 7, рисунки на стѣнѣ слѣва).

Изъ другихъ вещей заслуживаютъ особеннаго вниманія очень хорошо сохранившіеся: конская уздечка (витр. 4, полка 1-я, первая планшета, справа) и металлическіе вѣсы, чашки которыхъ подвѣшаны на шелковыхъ тонкихъ шнурахъ; обѣ эти вещи не были въ огнѣ и положены были въ курганъ въ качествѣ посмертныхъ даровъ близкихъ къ покойникамъ людей; въ одну изъ чашекъ вѣсовъ была вложена арабская монета (диргемъ) (витр. 4, полка 5-я, ящикъ справа). Въ низу витрины 4-й обращаютъ вниманіе днища глиняныхъ сосудовъ съ разнообразными клеймами то въ видѣ свастики, то въ видѣ солнечнаго диска съ лучами, то въ видѣ загадочныхъ изображеній, напоминающихъ современныя тамги и родовые знаки.

Витрины 5 и 6.

Въ витринѣ 5 на полкахъ 1-й и 2-й расположены вещи, добытыя преимущественно изъ кургановъ съ трупосожженіями дохристіанскаго времени.

Всѣ прочія вещи, хранящіяся въ обѣихъ витринахъ, происходятъ изъ простыхъ погребеній христіанскаго времени XI—XIII вв. Болѣе древнія изъ нихъ помѣщены въ витринѣ 5, а болѣе позднія—въ 6.

Вещи изъ кургановъ христіанскаго времени отличаются своимъ внѣшнимъ видомъ. Въ составѣ ихъ привлекаютъ вниманіе своимъ живымъ блескомъ золоченыя и серебряныя стеклянныя бусы; свѣжи и сохранны также разныя металлическія украшенія и бытовые предметы; обычны серебряныя и мѣдныя височныя кольца (витр. 6, 2-я, 3-я и другія полки); нерѣдко встрѣчаются среди металлическихъ украшеній кресты

(витр. 6, полка 4-я, планшета справа), а также кресты-тѣльники (та же витр., полка 2-я, планшета вторая, справа и др.), указывающіе на то, что курганныя погребенія принадлежали христіанамъ. На ряду съ типическими кривическими вещами можно видѣть вещи, занесенныя изъ областей другихъ племенъ—вятичей, радимичей и новгородскихъ славянъ. Въ одномъ же курганѣ, распанномъ М. Ф. Кусцинскимъ, были найдены вещи, совершенно типичныя для финскихъ могильниковъ Средней Россіи (витр. 6, полка 5-я, планшета первая, справа, и желѣзные топоры-кельты, положенныя передъ нею). Въ низу витрины 6 поставлены двѣ модели позднихъ курганныхъ погребеній. Въ одномъ курганѣ покойникъ представленъ въ сидячемъ положеніи, въ каковомъ хоронили руссы языческихъ временъ, согласно съ извѣстіемъ арабскаго писателя Ибнъ-Фодлана (зала 4, картина Семирадскаго—Похороны русса въ Булгарѣ). Въ другомъ курганѣ покойникъ лежитъ вытянуто, головой на западъ, какъ хоронятъ русскіе (христіане) и въ настоящее время. Однако и въ этомъ погребеніи выражены живыя воспоминанія объ языческомъ обрядѣ погребенія, а именно въ посыпкѣ ложа покойника золою, что служитъ пережиткомъ древняго трупосожженія.

Витрины 7—10.

Въ витринахъ 7—10 размѣщены модели Гнѣздовскихъ кургановъ съ древнѣйшими погребеніями. По этимъ моделямъ можно видѣть, что курганы имѣли и круглую и продолговатую формы. Всѣ курганы содержатъ сожженія. Ранѣе сооруженія погребальныхъ костровъ насыпался слой земли въ видѣ террасы, поверхность которой покрывалась слоемъ бѣлаго песка, принимавшаго иногда подъ вліяніемъ огня красный цвѣтъ. Кости сожженныхъ покойниковъ и сопровождавшихъ ихъ животныхъ или оказывались разсыпанными по костру, или влагались въ глиняные сосуды (см. подобные сосуды съ остатками трупосожженій близъ моделей).

Зала 9.

Памятники Новгородской области.

Фризъ, идущій по верхамъ стѣнъ, и наличники дверей исполнены по образцу наличниковъ и нынѣ существующихъ надъ входными дверями Новгородскаго Софійскаго собора и по образцамъ фризозъ и карнизозъ другихъ новгородскихъ церквей. Эти архитектурныя украшенія новгородскихъ храмовъ, въ подлинникѣ выложенныя изъ кирпича съ обмазкою, не представляютъ особой древности (они относятся къ XVI и XVII вѣкамъ), но они характерны для новгородскихъ храмовъ вообще.

На стѣнахъ залы въ разныхъ мѣстахъ помѣщены подлинныя каменные кресты, найденныя въ мусорѣ при возобновленіи Новгородскаго Спасо-Преображенскаго собора на Ильинской улицѣ, построеннаго въ 1374 году. Подобными древними крестами до сихъ поръ украшены наружныя стѣны многихъ новгородскихъ храмовъ.

Мозаика пола, роспись свода и малыхъ арокъ, а равно узоры откосовъ потолка и оконныхъ наличниковъ заимствованы изъ Спасо-Нередицкой церкви близъ Новгорода. Сооруженіе церкви Преображенія Господня на горѣ Нередицѣ отмѣчено Новгородской Первой лѣтописью подъ 1198 годомъ. Роспись Нередицкой церкви, судя по характеру надписей, находимыхъ на отдѣльныхъ фрескахъ, также относится къ концу XII вѣка. Эта роспись, кромѣ своей древности и обилія типовъ и композицій, особенно дорога также тѣмъ, что представляетъ не одну, а нѣсколько различныхъ манеръ древнерусскаго иконописанія.

Посреди свода—копія съ нередицкой фрески: Христосъ Вседержитель въ небесныхъ кругахъ, поддерживаемыхъ ангелами.

Въ шести парусахъ, въ кругахъ, — копіи съ нередицкихъ фресокъ: свв. Евфросинія, Кирилль, Екатерина, Доментіанъ, Варвара и великомученикъ Ѳеодоръ.

Въ аркахъ лѣвой стѣны изображены: Спасо-Нередицкая церковь (схематическій рисунокъ) и копиі съ нередицкихъ фресокъ: архангелъ Салафаиль и храмоздатель Нередицкой церкви князь Ярославъ Владиміровичъ съ созданнымъ имъ храмомъ въ рукѣхъ предъ сидящимъ на престолѣ и благословляющимъ Спасителемъ; между Христомъ и княземъ—древняя же похвальная надпись князю-храмоздателю.

Въ аркѣ выходной стѣны изображено Чудо, или Знаменіе, отъ иконы Богоматери. Изображенное событіе, по свидѣтельству новгородскихъ лѣтописей, особенно—Новгородской Третьей лѣтописи, совершилось въ 1169 году; во время осады Новгорода Суздальскою ратью икона Богоматери изъ храма Спаса на Ильинѣ улицѣ сама собою двинулась на защиту города и источила слезы, послѣ чего нападающіе были поражены внезапною слѣпотою и побѣждены новгородцами. Это «знаменіе», или чудо, равно какъ и самая побѣда новгородцевъ надъ могущественнымъ противникомъ, широко разгласилась по всему сѣверу, въ предѣлахъ Новгородскаго государства, а имя «Знаменіе» утвердилось въ сѣверной иконописи за иконою Богоматери съ воздѣтыми дланями.

Изображеніе это заимствовано съ расписанной въ XVII вѣкѣ обратной стороны древней иконы Знаменія, что въ Новгородскомъ Знаменскомъ соборѣ. Въ подлинникѣ изображенія писаны въ три ряда одинъ надъ другимъ; изъ нихъ взяты въ увеличенномъ видѣ только два верхнихъ ряда: 1. Новгородцы съ иконою идутъ крестнымъ ходомъ по стѣнамъ. 2. Послы новгородскіе и суздальскіе сѣзжаются.

Въ аркѣ входной стѣны:

Изображеніе древняго Новгорода, увеличенная копія съ рисунка XVII вѣка, находящагося въ нижней части иконы Знаменія, что въ Новгородской Михаила Архангела церкви. Картина изображаетъ Софійскую сторону Новгорода въ XVI—XVII вѣкахъ и начало моста, ведущаго на Торговую сторону.

На входной стѣнѣ:

Копія съ иконы апостоловъ Петра и Павла. Подлинникъ находится въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ и, по преданію, именуется Корсунскою иконой апостоловъ; подъ 1571 годомъ Новгородская Третья лѣтопись отмѣчаетъ по поводу возвращенія этой иконы изъ Москвы въ Новгородъ: «Икона святыхъ апостоловъ верховныхъ Петра и Павла обложена серебромъ вся корсунскимъ». На серебряномъ окладѣ, по полямъ иконы, находятся басменные изображенія Спасителя, Богоматери, архангеловъ Михаила и Гавріила и десяти святыхъ. Надписи при этихъ изображеніяхъ сдѣланы русскими буквами не позднѣе XI вѣка.

Копія съ иконы «Видѣніе преп. Варлаама Хутынскаго о гибели Великаго Новгорода». Подлинникъ, судя по письму, относится къ XVII вѣку и находится на паперти Преображенскаго собора, что въ Хутынскомъ монастырѣ близъ Новгорода. Икона изображаетъ чудо 1505 года, совершившееся, по преданію, въ томъ же Преображенскомъ соборѣ Хутынскаго монастыря, какъ гласитъ надпись на самой иконѣ. Это новгородское преданіе напоминаетъ легенду о спасеніи города Солуня св. Димитріемъ и состоитъ въ слѣдующемъ: предъ утреней понамарь Хутынскаго монастыря Тарасій, войдя въ соборъ Преображенія, увидалъ преп. Варлаама Хутынскаго, мощи котораго почивали въ соборѣ, вышедшимъ изъ раки и бесѣдующимъ съ ангелами, а потомъ молящимся. Трижды обращался святой къ Тарасію и посылалъ его посмотриѣть съ кровли храма, что дѣлается надъ городомъ. Трижды поднимался Тарасій и видѣлъ: въ первый разъ—воды озера Ильменя, высоко поднявшіяся надъ городомъ, во второй—множество ангеловъ, пускающихъ огненные стрѣлы въ спящихъ новгородцевъ, въ третій—огненную тучу надъ Новгородомъ. Св. Варлаамъ пояснилъ Тарасію, что знаменія означали: потопленіе Новгорода, трехлѣтній моръ и пожаръ Торговой стороны города. Первыя двѣ кары были отмѣнены по молитвѣ преп. Варлаама. На иконѣ всѣ моменты видѣнія изображены

вмѣстѣ, вслѣдствіе чего, напр., Тарасій трижды изображенъ снаружи на храмѣ и трижды внутри, въ бесѣдѣ съ преп. Варлаамомъ.

Копія съ иконы, находящейся въ часовнѣ преп. Варлаама Хутынскаго въ Новгородѣ. Въ верхней части изображенъ Христосъ Вседержитель и по сторонамъ его Богоматерь, Іоаннъ Предтеча, архангелы Михаилъ и Гавріилъ, апостолы Петръ и Павелъ. Въ нижней части изображены молящіяся фигуры: шесть мужскихъ, одна женская и двѣ дѣтскихъ, всѣ въ старыхъ бытовыхъ нарядахъ; надъ ними надпись: «Молятся рабы божіи: Григорій, Марья, Іаковъ, Стефанъ, Евсѣй, Тимоѣй, Олфимъ и чады, Спасу и Пречистой Богородицѣ о грѣсехъ своихъ»; въ низу иконы—другая надпись: «6975—(1467) индикта 15 повелѣніемъ раба Божія Антипа Кузьмина на поклоненіе православнымъ». Икона по письму, повидимому, относится къ концу XV вѣка и изображаетъ костюмы того времени.

Стѣна противъ оконъ:

Копія съ такъ называемыхъ «Корсунскихъ вратъ»; оригиналь находится на западной, или такъ называемой Корсунской, паперти Новгородскаго Софійскаго собора. Врата—деревянные, обложены литыми бронзовыми изображеніями на отдѣльныхъ доскахъ и представляютъ издѣліе средневѣковаго, нѣмецкаго искусства. Названіе «Корсунскія врата», утвердившееся въ Новгородѣ, явно ошибочно и могло быть перенесено на эти врата, быть можетъ, въ виду особаго богатства и разнообразія ихъ украшеній. О Корсунскихъ вратахъ подъ 1450 годомъ упоминаетъ Новгородская 3-я лѣтопись: «подписанъ бысть притворъ у св. Софіи у Корсунскихъ вратъ». Герберштейну въ 1517 году были показаны въ Софійскомъ соборѣ въ Новгородѣ мѣдныя церковныя врата, съ увѣреніемъ, что они были привезены изъ Греціи за нѣсколько сотъ лѣтъ, по взятіи Корсуна.

Каждая половина вратъ содержитъ двадцать четыре изображенія съ латинскими надписями, отчасти тутъ же

переведенными на русскій языкъ почеркомъ XV вѣка: четыре изображенія изъ Ветхаго Завѣта, двадцать два изъ Новаго Завѣта. Остальныя двадцать двѣ доски содержатъ изображенія аллегорическія и мифологическія, а равно изображенія трехъ мастеровъ, работавшихъ двери (налѣво внизу), и двухъ католическихъ епископовъ: Александра Блуцигскаго (Alexander episc. de Blucich) и Вихмана, епископа Магдебургскаго (Wismannus Megideburgensis episc.). Изображеніе епископа Александра толкуется различно, ибо неясно, какой городъ слѣдуетъ понимать подъ именемъ Blucich. Въ другомъ изображеніи слѣдуетъ видѣть архіепископа Вихмана, занимавшаго Магдебургскую кафедру въ 1152—1192 годахъ. На этомъ основаніи и самыя двери считаются магдебургской работой второй половины XII вѣка.

Икона Софіи Премудрости Божіей. Даръ гр. А. В. Олсуфьева. Икона шита по малиновой камкѣ (теперь выцвѣтшей) шелками, серебромъ и золотомъ. Премудрость Божія изображена въ видѣ ангела въ вѣнцѣ, съ огненнымъ ликомъ, крыльями и руками (передано малиновымъ шелкомъ), со свиткомъ и жезломъ, сидящаго среди неба (представлено въ видѣ круга съ бѣлой лучистой каймою и голубой, усѣянной звѣздами, серединой). Внизу, по сторонамъ—Богоматерь и Предтеча. Надъ главою ангела—изображеніе Всемиловитваго Спаса (Христось, благословляющій обѣими руками). Еще выше—ангелы поддерживаютъ небесный свитокъ, на которомъ стоитъ престоль съ евангеліемъ и крестомъ. Икона эта замѣчательна своей сохранностью и художественнымъ исполненіемъ. Хорошій рисунокъ и старая композиція позволяютъ отнести ее къ концу XVI—началу XVII вѣка. Однако преданіе въ семьѣ жертвователя приписываетъ исполненіе памятника царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ.

Копія съ такъ называемыхъ «Шведскихъ вратъ». Оригиналъ находится у южной паперти Новгородскаго Софійскаго собора. Эти врата, сдѣланныя изъ свѣтлой бронзы, представляютъ прекрасный памятникъ подлиннаго византійскаго искусства не позднѣе XI вѣка, и только въ силу преданія, безъ достаточнаго основанія, называются Шведскими, а въ русской археологіи также

Сигтунскими. Надо думать, что первоначально въ Новгородѣ именно эти врата назывались Корсунскими, и только позднѣе это названіе ошибочно перенесено на болѣе сложныя и вычурныя врата западной работы. Поводомъ же для названія «Сигтунскія врата» служитъ упоминаніе шведскихъ историческихъ источниковъ, что въ 1187 году карелы, эсты и русскіе славяне разграбили и разорили цвѣтушій приморскій городокъ Сигтуну въ Швеціи, при чемъ русскіе будто бы увезли съ собою Сигтунскія городскія ворота, желѣзныя—по однимъ источникамъ, мѣдныя—по другимъ. Изъ русскихъ лѣтописей Новгородская Первая глухо упоминаетъ подъ 1186—1187 годами о новгородскомъ набѣгѣ, но только на Емъ, а не на шведскіе берега.

Выходная стѣна:

Царское мѣсто (налѣво) и архіепископское мѣсто (направо)—копіи въ натуральную величину съ рѣзныхъ деревянныхъ мѣстъ Новгородскаго Софійскаго собора, сооруженныхъ при Грозномъ. Согласно надписямъ, рѣзаннымъ на самихъ мѣстахъ, святительское мѣсто создано въ 1560 году повелѣніемъ архіепископа Пимена, царское—въ 1572 году; Новгородская Вторая лѣтопись сообщаетъ, кромѣ того, что царское мѣсто начали сооружать въ 1570 году, и что его рѣзали два года, при чемъ въ томъ же 1570 году съ архіепископскаго мѣста была снята кровля; а подъ 1572 годомъ та же лѣтопись отмѣчаетъ, что царское мѣсто было окончено, и что на его верху крестъ замѣненъ голубемъ, а на архіепископское мѣсто былъ сдѣланъ новый верхъ съ крестомъ. Повидимому, въ 1570 году, въ связи съ опальнымъ походомъ на Новгородъ и ссылкой архіепископа Пимена, Грозный повелѣлъ соорудить для себя царское мѣсто по образцу Пименовскаго и перенести на царское мѣсто верхъ, или кровлю, Пименовскаго мѣста, которое получило новую богатую кровлю только въ 1572 году.

Оба мѣста—интереснѣйшіе памятники русскаго рѣзного искусства XVI вѣка, украшены травными и иными

узорами, а равно изображеніями Спасителя, Богоматери архангеловъ, апостоловъ и др. святыхъ, царское мѣсто—изображеніями царя Константина, Владиміра Святого, Бориса и Глѣба, московскихъ чудотворцевъ, а также изображеніями печатей (гербовъ) Москвы, Новгорода Великаго и Нижняго, Пскова, Казани и другихъ областей Московскаго царства.

Стѣна у оконъ:

Рака пр. Никиты, святителя новгородскаго (копія). Рака—деревянная, обложена басменнымъ серебромъ и украшена цвѣтными каменьями, сооружена въ 1629 году.

Передняя доска раки св. Іоанна, архіепископа новгородскаго (копія). Рѣзная деревянная рака сооружена въ 1559 году повелѣніемъ архіепископа Пимена и находится въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. Надпись по краю содержитъ молитву и дату построенія; надпись въ четырехъ круглыхъ клеймахъ содержитъ легенду о св. Іоаннѣ Новгородскомъ († 1186 г.).

Копія съ каменнаго креста, найденнаго въ погостѣ Стержѣ, Осташковскаго уѣзда, Тверской губерніи, въ предѣлахъ старой новгородской территоріи. На крестѣ читается надпись 1133 года: «6641 мѣсяца іюля 14 день почяхъ рыти рѣку сю язъ Иванко Павловиць и крестъ съ поставихъ».

Витрины 1—4.

Культуры новгородскихъ славянъ X—XIV вв.

Новгородскіе славяне иначе называемые ильменскими славянами, составляли часть кривическаго племени, рано обособившагося въ отдѣльную политическую организацію, центромъ которой являлся Новгородъ. Въ составъ владѣній новгородскихъ славянъ входили обширныя области Сѣверной и частью Средней Россіи, при чемъ границы ихъ шли приблизительно по Невѣ, Финскому заливу до устья р. Наровы, Наровой, западнымъ берегомъ Чудскаго озера къ верховьямъ рр. Ве-

ликой, Ловати, Волги, по берегу послѣдней до Костромы, на верховья р. Унжи, Сухоной и Сѣверной Двиной до впаденія ея въ Бѣлое море.

Древности новгородскихъ славянъ довольно рѣзко подраздѣляются на двѣ группы: языческую и христіанскую. Языческія древности, какъ происходящія изъ кургановъ съ трупосоженіями, отличаются худшей сохранностью, такъ какъ многія изъ нихъ пострадали въ огнѣ. Христіанскія древности наоборотъ представляются въ болѣе свѣжемъ и сохранномъ видѣ. Среди памятниковъ языческаго времени находится много предметовъ, притекавшихъ въ область славянъ изъ Скандинавіи и съ Арабскаго Востока. Къ предметамъ скандинавскаго происхожденія относятся: бронзовыя черепахообразныя фибулы (витр. 1, на многихъ планшетахъ), круглыя бляхи и привѣски съ ажурнымъ плетенымъ орнаментомъ, выполненнымъ въ одномъ стилѣ съ орнаментомъ черепахообразныхъ фибулъ. Къ предметамъ же, притекавшимъ съ Востока, относятся арабскіе диргемы и нѣкоторые бытовые предметы, въ особенности украшенія. Что же касается состава вещей христіанскаго времени, то для него характерны византійскія вещи, въ видѣ крестовъ, такъ называемыхъ корсунскихъ типовъ, тканей и др., и предметы, привозимые Балтійскимъ моремъ изъ средне-европейскихъ областей, связанныхъ съ торговымъ Ганзейскимъ союзомъ, передававшимъ произведенія болѣе южныхъ областей, включая Италію; таковы: монеты сѣвернаго и южно-германскаго происхожденія, значительное количество мелкихъ украшеній, въ особенности стеклянныхъ и пастовыхъ бусъ, несомнѣнно, венеціанскаго производства.

Типичными и руководящими вещами для христіанскаго времени являются серебряныя и бронзовыя височныя кольца съ ромбическими и овальными щитками, нерѣдко покрытыя крестиками и другими простыми геометрическими узорами.

Эти кольца пользовались широкимъ распространеніемъ въ XI—XIV вв. Мѣстомъ производства ихъ служилъ Новгородъ, откуда они растекались по славянскимъ областямъ Россіи, проникая также далеко на

Западъ: въ Швецію и Сѣверную Германію. Для XIII и XIV вв. очень характерны височныя кольца въ видѣ проволоки съ напущенными на нее круглыми металлическими бусинами (витр. 2, полка 4-я, планшета вторая, справа).

Въ витринѣ I помѣщены памятники X—XIV вв. изъ раскопокъ Л. К. Ивановскаго и Н. Е. Бранденбурга; памятники X вѣка (полки 1-я, 2-я и часть 3-й) добыты изъ кургановъ съ трупосожженіемъ, памятники же XI—XIV вв. происходятъ изъ курганныхъ и жальничныхъ погребеній.

Относительно типовъ этихъ погребеній слѣдуетъ замѣтить, что, благодаря отсутствію выработаннаго христіанствомъ погребальнаго ритуала, въ древней Руси очень долго совершались погребенія въ курганахъ, составлявшихъ пережитки языческой погребальной формы. Особенно устойчиво эта форма держалась въ Новгородской области; извѣстны письменныя свидѣтельства о борьбѣ іерарховъ православной церкви съ такою формой погребенія даже и въ болѣе позднее время. Приближаясь къ нашему времени, размѣры кургановъ становятся все меньше и меньше. Они принимаютъ форму жальниковъ, представляющихъ православныя кладбища одиночныхъ и коллективныхъ погребеній. Жальники насыпались изъ земли невысокими холмиками круглой, овальной или четырехугольной формы и были ограничены по подошвѣ насыпи камнями, составлявшими какъ бы родъ ограды.

Среди предметовъ христіанскихъ погребеній являются кресты-тѣльники XI—XIV вв.; нѣкоторые изъ нихъ украшены эмалью.

Въ низу витрины, въ ящикѣ, хранится вырѣзка части погребенія X вѣка, содержащая кости сожженнаго покойника и его вещи: мечъ, согнутый и приведенный въ негодность къ употребленію, стрѣлу, ножи, пряжку и др.

Рядомъ съ ящикомъ расположены желѣзные копья, умбоны отъ щитовъ, лопаты, топоры, серпы, сковороды, добытые изъ разныхъ кургановъ съ погребеніями языческаго и христіанскаго времени.

Въ витринѣ 2 размѣщено продолженіе обширной коллекціи Л. К. Ивановскаго, добытой имъ въ курганахъ XI—XIV вв. Составъ коллекціи обыченъ для этого времени.

Въ витринѣ 3 и 4 (первыя четыре полки) расположены коллекціи того же Л. К. Ивановскаго, служащія продолженіемъ вышеописанныхъ. Составъ ихъ также обыченъ, но большой интересъ представляютъ глиняные сосуды съ преднамѣренно пробитыми днами.

Обычай ставить въ могилы покойниковъ сосуды со сдѣланными отверстиями пользуется чрезвычайно широкимъ распространеніемъ во времени и пространствѣ: онъ извѣстенъ въ культурахъ бронзовой эпохи и ранней, средней и поздней поры желѣзной эпохи. Значеніе обычая—чисто-ритуальное. У русскихъ славянъ этотъ обычай существовалъ у разныхъ племенъ (новгородскихъ славянъ, вятичей и др.).

Въ низу витрины 3 поставлены три модели, представляющія христіанскія курганныя погребенія въ послѣдней стадіи ихъ развитія при переходѣ въ форму жалничныхъ погребеній.

Въ витринѣ 4, на полкѣ 5-й, расположены предметы изъ разныхъ мѣстностей, добытые раскопками разныхъ лицъ.

Изъ нихъ особенный интересъ представляютъ предметы, добытые въ Новгородѣ на Рюриковомъ городищѣ (планшета первая, слѣва—лежащая). Въ составѣ ихъ находятся двѣ арабскія и двѣ западно-европейскія монеты, указывающія на торговля сношенія съ Востокомъ и Западомъ, и нѣсколько крестовъ такъ называемыхъ корсунскихъ типовъ, притекавшихъ изъ Византіи.

Любопытны также предметы, добытые раскопками Г. К. Линдемана въ курганахъ д. Малы, Псковской губ.; особенный интересъ представляютъ три образка-гѣльника съ изображеніемъ Спасителя; эти образки слѣдуетъ относить къ концу X или къ началу XI в., т.-е. ко времени введенія христіанства на Руси. Работа этихъ образковъ—мѣстная (или новгородская, или псковская), и въ этомъ заключается ихъ особый научный интересъ.

Въ низу витрины находится сломанный мечъ, случайно найденный на пашнѣ той же дер. Малы; мечъ, судя по оригинальной оправѣ его рукоятки, имѣетъ скандинавское происхожденіе; характерною особенностью его является верхняя гайка рукоятки, обработанная въ видѣ двуликой мужской головы. Извѣстны нѣсколько находокъ мечей съ такими гайками; изъ нихъ одна сдѣлана въ Остзейскомъ краю, а другія—въ Скандинавіи.

Въ той же витринѣ, въ стеклянномъ футлярѣ, помѣщенъ женскій черепъ съ головнымъ украшеніемъ въ видѣ вѣнка, составленнаго изъ бронзовыхъ спиралей и обоевъ. Черепъ этотъ найденъ Д. Н. Эдингомъ въ курганѣ близъ д. Кузнецовой, Великолуцкаго уѣзда, Псковской губ. Судя по характеру этого вѣнка, слѣдуетъ заключить, что покойница принадлежала къ финскому племени, хотя она и была погребена на ряду съ славяно-русскими покойниками. Погребеніе датировано найденной въ немъ монетой Генриха I (945—955 гг.).

Витрина 5.

Древняя свинцовая, XV вѣка, печать съ изображеніемъ преп. Варлаама Хутынскаго.

Части отъ древняго рѣзного деревяннаго амвона (по инымъ объясненіямъ—халдейской печи) Новгородскаго Софійскаго собора.

Кресты настѣнные изъ новгородскихъ церквей.

Хромолитографическое изданіе Остромирова евангелія 1057 года, древнѣйшей рукописи опредѣленнаго года, писанной въ Новгородѣ.

Слѣпокъ съ напрестольнаго серебрянаго креста; оригиналь—въ Хутынскомъ монастырѣ; согласно съ надписью, сооруженъ въ 1534 году, при митрополитѣ Макаріи.

Слѣпокъ съ серебрянаго золоченаго кадила; оригиналь—въ Духовомъ монастырѣ; согласно съ надписью, кадило сооружено въ 1631 году митрополитомъ ростовскимъ и ярославскимъ Варлаамомъ и вложено имъ же въ Новгородскій Михалицкій монастырь.

Слѣпокъ съ серебрянаго золоченаго кадила; оригиналь—въ Антоніевомъ монастырѣ. Кадило, согласно съ

надписью, сооружено въ 1622 году велѣніемъ боярина князя Ѡ. И. Мстиславскаго; согласно съ другой надписью, передѣлано въ 1674 году.

Слѣпокъ съ мѣднаго креста Хутынскаго монастыря; оригиналь въ описи 1612 года приписывается основателю монастыря преп. Варлааму Хутынскому (XII в.).

Древности изъ Старой Ладоги.

Предметы найдены Н. Е. Бранденбургомъ при раскопкѣ двухъ церковницъ и относятся къ разнымъ эпохамъ.

Особо отмѣчаются: два желѣзныхъ подсвѣчника; серебряные вѣнчикъ и цата; серебряныя серьги; двѣ новгородскія серебряныя монеты XV вѣка.

Древности изъ Старой Руссы, найденныя въ видѣ клада.

Особо отмѣчаются: серебряныя кресты-тѣльники; серебряныя копеечки Іоанна Грознаго, Бориса Годунова и Василя Шуйскаго.

Древности изъ сѣверныхъ областей Новгородскаго государства.

Гривны кунъ (монетные серебряныя слитки) и различныя другіе серебряныя слитки изъ Вятской губ.

Древности Пскова.

Модель круглой башни въ Псковѣ.

На окнѣ надъ витриной.

Два голосника изъ Дворищевской церкви въ Новгородѣ.

Залы 10 и 11.

Памятники Владиміро-Суздальской области.

Обѣ залы назначены для памятниковъ Владиміро-Суздальской области X—XIV вѣковъ. Въ составъ ихъ входятъ какъ предметы первыхъ славянскихъ колонистовъ области до принятія ими христіанства, такъ и въ

особенности предметы христіанскаго времени. Къ крайнему сожалѣнію, памятники языческой старины Владиміро-Суздальской области въ Музеѣ пока совершенно отсутствуютъ. Большая коллекція этихъ памятниковъ хранится въ Румянцовскомъ Музеѣ подъ названіемъ «мерянскихъ древностей». Въ Историческомъ же Музеѣ такіе памятники имѣются только изъ области Ярославскаго княжества.

Зала 10.

Лѣпныя украшенія дверей, стѣнъ и оконъ залы заимствованы изъ рѣзныхъ украшеній Дмитріевскаго собора г. Владиміра, а фресковая роспись залы— изъ древнѣйшей фресковой росписи Успенскаго собора.

Успенскій соборъ во Владимірѣ, заложенный Андреемъ Боголюбскимъ въ 1158 году въ видѣ одноглаваго храма, послѣ пожара 1185 года былъ возобновленъ и распространенъ Всеволодомъ III, при чемъ древнѣйшее Андреевское зданіе было окружено каменною галлереей съ четырьмя главами по угламъ и обратилось такимъ образомъ въ большой пятиглавый храмъ, который въ XV вѣкѣ послужилъ образцомъ для знаменитаго Успенскаго собора въ Москвѣ, а этотъ послѣдній соборъ въ свою очередь, вплоть до конца XVII вѣка, не переставалъ служить образцомъ для большихъ храмовъ Москвы и собранныхъ ею областей. Сожженный татарами въ 1237 году, Владимірскій Успенскій соборъ много разъ подвергался поправкамъ, пока, наконецъ, не былъ возстановленъ въ древнемъ своемъ видѣ въ 1891 году. При этомъ возобновленіи въ разныхъ частяхъ собора и въ землѣ около зданія были найдены различные предметы, частью современные древней постройкѣ, частью болѣе поздніе.

Предметы, переданные въ Музей при возстановленіи Успенскаго собора въ 1891 году.

Посрединѣ залы, надъ витриною:

Древній крестъ съ большой главы Владимірскаго Успенскаго собора.

Направо, у окна:

Древній крестъ съ одной изъ меньшихъ главъ Владимірскаго Успенскаго собора.

Въ витринѣ:

Красномѣдный золоченый листъ изъ числа покрывавшихъ карнизъ на шеѣ средней главы собора.

Красномѣдный золоченый средникъ съ креста юго-западной главы собора.

Вырѣзки изъ красномѣдныхъ золоченыхъ листовъ, покрывавшихъ среднюю главу собора; на нихъ—славянскія числовыя буквы, обозначающія, вѣроятно, порядокъ пригнанныхъ другъ къ другу листовъ; по начертаніямъ буквы относятся къ XII вѣку.

Кирпичныя, покрытыя поливою, плитки, найденныя подѣ современнымъ поломъ собора и въ др. мѣстахъ,— вѣроятно, остатки древнѣйшаго пола собора.

Мѣдная византійская монета XII вѣка, найденная въ насыпи около собора.

Мѣдный крестъ-тѣльникъ, найденный тамъ же.

Слитки свинца изъ сводовъ собора.

Позднѣйшіе, XVII вѣка, изразцы съ паперти собора.

Иные памятники Владиміро-Суздальской области.

Гальванопластическая копія съ древняго шлема, найденнаго въ 1808 году вмѣстѣ съ кольчугою недалеко отъ Юрьева Польскаго, на мѣстѣ Липецкой битвы 1216 года. Шлемъ приписывается князю Ярославу Всеволодовичу на слѣдующихъ двухъ основаніяхъ: 1) на шлемѣ изображенъ св. Ѳеодоръ, крестное имя князя Ярослава; 2) лѣтопись свидѣтельствуетъ, что князь послѣ пораженія бѣжалъ, сбросивъ съ себя всѣ доспѣхи. Подлинникъ хранится въ Московскои Оружейной Палатѣ.

Кладъ, найденный во Владимірѣ въ 1837 году: серебряныя круглыя съ позолотой и чернью образки, серебряныя дутыя серьги въ видѣ шестиконечныхъ звѣздъ и серебряныя петлицы отъ одежды. Предметы относятся къ до-татарскому періоду.

Кладъ, найденный во Владимірѣ въ 1896 году: двѣ золотыхъ съ эмалевыми изображеніями серьги и серебряные предметы: шейная гривна, браслетъ витой, браслеты пластинчатые, дутыя звѣздовидныя серьги, петлицы. Предметы относятся къ до-татарскому періоду.

Топорикъ желѣзный, по серебрянному полю украшенъ золотыми съ чернью изображеніями. Топорикъ по работѣ и изображеніямъ относится къ русскимъ памятникамъ XII—XIII вѣка и представляетъ собой почетный топорикъ, служившій признакомъ власти. Топорикъ, по увѣренію продавцовъ, найденъ въ Билярскѣ, близъ Чистополя, Казанской губерніи, въ предѣлахъ бывшаго царства камскихъ болгаръ. Даръ вел. кн. Сергія Александровича.

Обломки мѣдной, густо золоченой, прорѣзи отъ надглавнаго креста Дмитріевскаго собора во Владимірѣ; эти остатки принадлежатъ древнѣйшему надглавному кресту и, судя по клеймамъ, современны построенію собора княземъ Всеволодомъ III въ девяностыхъ годахъ XII вѣка.

Фреска, изображающая святого, — остатокъ древней фресковой росписи собора въ Переяславлѣ Залѣсскомъ; по характеру рисунка можетъ быть относима только ко времени болѣе позднему (XV—XVI вѣка).

У стѣнъ залы:

Подлинныя строительныя предметы XII вѣка изъ Владимірскаго Успенскаго собора: остатки базъ, колоннъ, капителей, наличниковъ, желобовъ и другихъ предметовъ изъ рѣзного камня. Строительныя предметы изъ Владимірскаго Успенскаго собора размѣщены также въ слѣдующей залѣ.

Зала II.

Эта зала служитъ продолженіемъ предыдущей залы и заключаетъ въ себѣ памятники Суздаля, Юрьева Польскаго и другихъ городовъ Суздальской земли.

Главныя лѣпныя украшенія залы: три портала дверей, пилястры по угламъ, слѣпокъ съ

церковнаго окна (между окнами залы), травныя узоры (по сторонамъ дверей), распятіе съ предстоящими (въ верху выходной стѣны), а равно большинство человѣческихъ и звѣриныхъ изображеній (по верхамъ стѣнъ), заимствованы изъ рѣзныхъ настѣнныхъ украшеній собора св. Георгія въ г. Юрьевѣ Польскомъ. Соборъ, первоначально построенный Юріемъ Долгорукимъ въ 1152 году, былъ заново созданъ въ болѣе роскошномъ видѣ сыномъ Всеволода III Святославомъ въ 1230—1234 годахъ. Архитектура и богатая каменная рѣзба этого храма представляютъ дальнѣйшее развитіе владимиро-суздальскаго стиля XII вѣка.

Фресковая роспись залы (потолокъ и откосы оконъ) заимствованы изъ древней стѣнописи Владимірскаго Успенскаго собора.

Памятники Суздальской области.

У входной стѣны:

Икона, шитая шелками. Главное изображеніе— Таинство Евхаристіи, подобное древнимъ мозаичнымъ изображеніямъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ и Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ. Вокругъ—22 меньшихъ изображенія: 4 евангелиста и 18 иконныхъ изображеній изъ житія Богоматери. Шитая надпись говоритъ, что икона устроена при великомъ князѣ Василіи Дмитріевичѣ и митрополитѣ Фотіи въ храмъ Рождества Богоматери (въ Суздаль). На основаніи историческихъ именъ, помянутыхъ въ надписи, созданіе памятника должно быть отнесено къ 1410—1425 годамъ.

На выходной стѣнѣ:

Копія съ надписи XIII вѣка, читаемой у подножія каменнаго Святославова креста въ соборѣ Юрьева Польскаго, говоритъ о томъ, что крестъ поставленъ строителемъ храма Святославомъ Всеволодовичемъ. Надпись помѣщена дважды: въ верху выходной стѣны у подножія Святославова креста, какъ она находится въ соборѣ, и отдѣльно, какъ па-

мятникъ письма, въ низу выходной стѣны, направо отъ двери.

На той же стѣнѣ помѣщены копіи съ болѣе позднихъ надписей, вдѣланныхъ въ стѣны собора Рождества Богородицы въ Суздаль: направо отъ двери (подъ Святославовой надписью)—надгробіе князей Горбатовъ-Суздальскихъ: князя Михаила Васильевича, по прозванію Кислаго († 1541), и сына его, князя Ѳедора Михайловича, по прозванію Сусло († 1536); налево отъ двери, въ углу—надгробіе князя Ивана Ивановича Шуйскаго († 1637); у стѣны налево подъ порталомъ, точно воспроизводящимъ одну изъ папертей Юрьевскаго собора и часть стѣны: строительные предметы изъ Владимірскаго Успенскаго собора.

У той же двери, направо, въ витринѣ:

Памятники, найденные въ Владиміро-Суздальской области.

Мѣдный голубь, украшенный позолотой и разноцвѣтной эмалью западной работы XII вѣка (подвѣсной сосудъ для храненія запасныхъ даровъ).

Круглый образокъ-змѣвикъ изъ темно-зеленой яшмы съ изображеніемъ семи спящихъ отроковъ Эфесскихъ, головы, окруженной змѣями, и надписи, содержащей молитву о мирномъ и живительномъ снѣ для рабовъ Божіихъ: Георгія, Христины и Маріи. Рисунокъ буквъ надписи указываетъ на до-татарскій періодъ; въ именахъ надписи изслѣдователи видѣли членовъ Владиміро-Суздальской княжеской семьи: въ Георгіи—Юрія I Долгорукаго († 1157), его брата Мстислава, также носившаго крестное имя Георгія, а равно Юрія II Всеволодовича, павшаго въ битвѣ при Сити (1238); въ Христинѣ—дочь шведскаго короля Инга Стенкильсона, первую жену († 1122) Мстислава, въ Маріи—сестру († 1146) Юрія I и Мстислава.

Двойная круглая панатія изъ кокоса XV—XVI вѣка.

Памятники, помѣщенные въ залъ по однородности стили ихъ производства съ древними памятниками Суздальской области.

Бронзовый благословенный крестъ, украшенный позолотой.

Половинка бронзовой панагии съ изображеніемъ Св. Троицы; надписи рисункомъ буквъ указываютъ на XIII вѣкъ.

Два бронзовыхъ подсвѣчника въ видѣ колонки на трехъ ножкахъ, оба—западной работы XII в.; одинъ подсвѣчникъ украшенъ финифтью, другой—рѣзьбою въ видѣ фантастическихъ животныхъ среди прорѣзного плетенья.

Древности, найденныя въ селѣ Вшижѣ, Орловской губ., при раскопкѣ кургана, содержащаго развалины храма:

Два бронзовыхъ литыхъ кіота въ видѣ арки на двухъ колонкахъ, съ рѣзьбою и прорѣзью. Остатокъ рѣзной надписи: «Господи помози рабу своему Костянтину» своими буквами указываетъ на XIII вѣкъ.

Бронзовое паникадило въ видѣ прорѣзной чаши, на трехъ цѣпяхъ.

Бронзовая пластинка, найденная въ Старой Рязани, украшенная западной эмалью XII вѣка, изображаетъ жнеца изъ евангельской притчи о сѣятелѣ.

Витрины 1 и 2.

Культуры русскихъ племенъ, основавшихъ Ярославское княжество, X—XIV вв.

Область Ярославскаго княжества въ среднюю пору желѣзной эпохи занималась финскимъ племенемъ мерей. Въ X вѣкѣ въ эту область начинаютъ просачиваться колоніи смоленскихъ кривичей и новгородскихъ славянъ. Главнымъ путемъ этой колонизаціи служила р. Волга. Въ послѣдующіе вѣка произошло полное вытѣсненіе и поглощеніе финскихъ племенъ славянами. Въ XIV вѣкѣ все населеніе Ярославской области трактуется, какъ сплошное великорусское. Что касается вещественныхъ памятниковъ древности, то, благодаря отсутствію правильныхъ систематическихъ изслѣдованій Ярославскаго края, они далеко неполно характеризуютъ культуры разноплеменнаго населенія; такъ совершенно неизвѣстно пока ни одного могильника, принадлежавшаго мерѣ до занятія края славянами, хотя въ присут-

ствіи таковыхъ невозможно сомнѣваться. Лучше представляется культура славянъ. Сравнивая памятники этой культуры съ памятниками другихъ славянскихъ племенъ, можно замѣтить много сходства между ними. Это сходство выразилось прежде всего въ дѣленіи ихъ на двѣ группы: 1) языческихъ и 2) христіанскихъ курганныхъ памятниковъ. Языческія курганныя погребенія совершались, какъ и у другихъ славянскихъ племенъ, въ формѣ трупосожженій, но особенно они близки къ погребеніямъ смоленскихъ кривичей; такъ, и здѣсь мы видимъ тѣ же остатки погребеній въ лодкахъ, тщательно прослѣженные въ Михайловскомъ могильникѣ раскопками В. А. Городцова. Добытыя вещи отъ вліянія на нихъ огня—плохой сохранности. Въ составѣ ихъ наблюдаются предметы, какъ мѣстнаго производства, такъ и привезенные съ Востока и съ Сѣвера. Среди восточныхъ вещей интересны серебряныя арабскія монеты, дающія возможность установить даты, и нѣкоторыя серебряныя позолоченныя вещи, служившія украшеніями; среди сѣверныхъ вещей характерны черепаховидныя фибулы и нѣкоторыя болѣе дорогіе мечи скандинавскаго происхожденія. На ряду съ этими вещами встрѣчаются также вещи финскаго типа, хотя въ рѣдкихъ курганахъ. — Къ предметамъ мѣстнаго производства относятся желѣзные мечи, повидимому, выработывавшіеся въ большемъ количествѣ, бронзовыя украшенія, о туземномъ происхожденіи которыхъ свидѣлствуютъ находимыя литейныя формы, и всѣ предметы изъ желѣза: топоры, ножи, огнива, гвозди и др., а также вся глиняная посуда. Къ мѣстнымъ же издѣліямъ слѣдуетъ отнести изображенія медвѣжьихъ лапъ, сдѣланныя изъ глины (витр. 1, полка 1-я, планшета 3, справа). Очевидно, этотъ предметъ служилъ фетишемъ или амулетомъ. Въ курганахъ христіанскаго времени предметы носятъ также смѣшанный характеръ. Въ составѣ ихъ можно видѣть корсунскіе крестики, образки, кривическія и новгородскія височныя кольца, финскія привѣски въ видѣ пѣтуховъ съ шумящими подвѣсками, изрѣдка попадаются германскія монеты (витр. 1, полка 4-я, первая планшета, справа и др.). Погребенія совершались

въ формѣ простого труположенія; покойниковъ полагали головой на западъ.

Въ витринѣ 1 (полки 1-я и 2-я) расположены вещи изъ древнѣйшаго Ярославскаго могильника въ с. Михайловскѣ близъ г. Ярославля. Предметы эти добыты раскопками И. А. Тихомирова и В. А. Городцова. Могильникъ датированъ нѣсколькими арабскими монетами, изъ которыхъ болѣе позднія относятся къ X в.

На полкахъ 3-й, 4-й и 5-й помѣщены предметы изъ болѣе древнихъ кургановъ христіанскаго времени, добытые раскопками Л. К. Ивановскаго, Н. Г. Керцелли и А. А. Титова.

Въ витринѣ 2 расположены коллекціи тоже изъ болѣе позднихъ христіанскихъ кургановъ. Въ низу витрины находятся два меча, оба изъ Михайловскаго могильника. Изъ нихъ одинъ, добытый В. А. Городцовымъ,—скандинавскаго происхожденія, со слѣдами стершейся надписи; другой мечъ, изъ раскопокъ И. А. Тихомирова,—несомнѣнно мѣстной выработки. Клинки обоихъ мечей схожи и отличаются высокимъ качествомъ, но перекрестье рукоятки скандинавскаго меча является произведеніемъ болѣе высокой техники: крестовины обложены бронзовой пластиной, инкрустированной серебряными позолоченными гвоздиками; верхняя гайка утеряна.

Тамъ же лежитъ планшета съ вещами изъ Бѣлого-стицкаго клада, найденнаго въ Ростовскомъ уѣздѣ, Ярославской губ. Всѣ вещи—восточнаго происхожденія; ихъ можно датировать XIII вѣкомъ. Среди нихъ особенно интересны двѣ круглыхъ привѣски, представляющія подражанія арабскимъ монетамъ, гдѣ вмѣсто буквъ куфическаго алфавита нанесены простыя черточки; эти привѣски могли быть сдѣланы или мастерами Булгарскаго царства или даже мастерами Ярославской области, которые не знали арабскаго алфавита и буквы замѣняли черточками.

Витрины 3 и 4.

Обѣ витрины заняты временно памятниками, не относящимися къ культурамъ славянскихъ племенъ.

Въ витринѣ 3 помѣщены предметы III—X вв. по Р. Х., которые, предположительно, можно приписывать литовскому племени. Древнѣйшіе изъ нихъ, могущіе относиться къ III—IV вв. по Р. Х., добыты раскопками О. В. Покровскаго (полки 1-я—4-я). Среди этихъ вещей характерны бронзовыя и желѣзныя арбалетныя фибулы III—IV вв. (полка 2-я, первая планшета, справа) и бронзовая лунница съ выемчатой эмалью готскаго типа (полка та же, вторая планшета, справа).

Ниже расположены вещи болѣе поздняго времени, также изъ области, занятой литовскимъ племенемъ.

Въ витринѣ 4 помѣщена обширная коллекція, добытая В. И. Сизовымъ изъ могильника Пасселнъ, Курляндской губ. Могильникъ, повидимому, принадлежит литовскому племени пруссамъ и относится ко времени XII—XIV вв.: онъ датируется многими монетами, а также нѣкоторыми характерными вещами.

На полкѣ 1-й размѣщено желѣзное оружіе: топоры, копья; въ составѣ первыхъ обращаютъ на себя вниманіе миниатюрныя топоры, повидимому, votivнаго характера.

На полкѣ 2-й размѣщены желѣзные остроги, серпы, многочисленныя бронзовыя оправы коровьихъ роговъ (въ видѣ колець) и одинъ цѣлый рогъ. Эти опрaвленныя рога, очевидно, служили сосудами для питья.

На полкахъ 3-й и 4-й помѣщены бронзовыя украшенія въ видѣ пряжекъ, браслетовъ, шейныхъ гривень, ручныхъ колець, перстней и др.

На полкѣ 5-й—желѣзный наборъ сбруи, состоящій изъ прорѣзныхъ и сплошныхъ бляхъ, украшенныхъ серебряной инкрустаціей, сплавившейся на огнѣ при сожженіи покойника.

На полкѣ 6-й двѣ планшеты слѣва содержатъ наконечники ноженъ и перекрестья рукоятокъ желѣзныхъ мечей. На остальныхъ планшетахъ размѣщены подобныя вышеописаннымъ бляхи съ серебряной инкрустаціей, конскія удила и шпоры; стремена помѣщены на полкѣ 5-й, планшета первая, справа.

Въ низу витрины расположены желѣзные мечи, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ на клинкахъ остатки надписей, инкрустированныхъ золотой проволокой.

З а л а 12.

Въ этой залѣ временно размѣщены древности Булгарскаго, Казанскаго царствъ и Золотой Орды.

Витрина 1.

Памятники Булгарскаго царства.

Булгарское царство возникло во второй половинѣ средней поры желѣзной эпохи (около VII в. по Р. Х.). Основаніе этого царства приписывается пришлымъ съ юга народностямъ тюркскаго происхожденія, составъ же мѣстнаго населенія былъ смѣшанный; преобладающимъ элементомъ его являлась финская народность. Памятниками царства считаются многія городища и огромное количество серебряныхъ и даже золотыхъ украшеній въ видѣ серегъ, бусъ, браслетовъ, перстней, иногда отличающихся изяществомъ формъ и характернымъ зерневымъ орнаментомъ. Находками этого рода особенно славятся развалины и окрестности г. Булгара, бывшей столицы Булгарскаго царства, и г. Билярска, гдѣ также существуютъ обширныя развалины древняго города.

Булгарское царство было разрушено въ XIII в. татарской ордой Батгя, но культура его удерживала свой особый характеръ до XV вѣка, когда Булгарская область подпадаетъ подъ сильнѣйшее вліяніе Руси.

На полкѣ 1-й три планшеты слѣва представляютъ серебряныя вещи изъ случайной находки (клада); въ составъ ихъ входятъ: четыре одинаковыхъ височныхъ кольца, состоящихъ изъ проволоки съ напушенными бусинами, по три на каждой; двѣ цѣпочки съ желудеобразными привѣсками; двѣ плетеныя шейныя гривны; пять плетеныхъ браслетовъ; одинъ серебряный арабскій диргемъ; 64 татарскихъ серебряныхъ монеты и серебряная монетная гривна XIV—XV вв.

На планшетахъ второй и третьей слѣва размѣщены предметы изъ с. Танкеева, Спасскаго уѣзда, Казанской губ.; въ составъ ихъ входятъ: желѣзные топоры, удила и стрѣлы, серебряныя бляшки отъ пояснаго набора и серебряныя украшенія изъ двухъ соединенныхъ вмѣстѣ фигурныхъ орнаментированныхъ бляхъ съ арабской надписью.

На планшетѣ первой справа находятся нѣсколько мелкихъ бронзовыхъ украшеній въ видѣ привѣсокъ, бляхъ съ характернымъ восточнымъ орнаментомъ и др. предметы, найденные въ с. Билярскѣ, Чистопольскаго уѣзда, Казанской губ.

На полкѣ 2-й двѣ планшеты слѣва представляютъ серебряныя вещи, найденныя на Булгарскомъ городищѣ; въ составъ ихъ входятъ: плетеная шейная гривна, девять плетеныхъ браслетовъ, девять болгарскихъ гривенъ (серебряныхъ слитковъ) и 31 серебряная татарская монета.

Остальныя четыре планшеты содержатъ вещи, найденныя въ сс. Старомъ и Новомъ Альметьевѣ; на первыхъ двухъ размѣщены серебряныя вещи: шесть большихъ серебряныхъ привѣсокъ и мелкія бляшки въ видѣ розетокъ; на двухъ крайнихъ планшетахъ—сборныя вещи разнаго времени и назначенія.

На полкѣ 3-й расположены золотыя, серебряныя и др. вещи, происходящія изъ разныхъ мѣстъ Булгарскаго царства, времени X в. и болѣе поздняго.

На полкахъ 4-й и 5-й помѣщены также сборныя вещи, приобрѣтенныя большею частью покупкой или поступавшія въ видѣ даровъ.

Въ низу витрины находятся желѣзные мечи и сабли, металлическіе сосуды, изъ нихъ одинъ съ арабской надписью; здѣсь же хранятся круглодонные сосудики, служившіе лампочками, и тутъ же (на планшетѣ)—двѣ бронзовыя леечки, предназначенныя для наливапія жидкости въ эти лампочки.

Витрины 2 — 6.

Татарскіе памятники Золотой Орды XIII—XVI вв.

Золотая Орда занимала часть татарскихъ владѣній, простиравшихся отъ Южнаго Урала до нижняго Днѣпра и отъ Самарской луки до Кавказа. Административными центрами Золотой Орды являлись: столичный городъ Сарай, Увекъ и Астрахань, а на Сѣверномъ Кавказѣ—городъ Маджары.

Татарское населеніе Орды вело преимущественно кочевой образъ жизни, но высшее сословіе явно тяготѣло къ осѣдлой городской жизни. Насколько можно

судить по дошедшимъ памятникамъ, все населеніе пользовалось значительнымъ богатствомъ. Въ погребеніяхъ не только городского, но и кочевого населенія встрѣчается много металлическихъ вещей (серебряныхъ, бронзовыхъ, позолоченныхъ и даже золотыхъ) и драгоценныхъ шелковыхъ и парчевыхъ тканей. Среди вещей оказывается много привозныхъ изъ Италіи, Средней Азіи и Китая; первыя, очевидно, привозились генуезскими купцами черезъ ихъ колонію Тана, въ устьѣ Дона.

Въ витринѣ 2 (полки 1-я—3-я) и витринахъ 3, 4, 5, 6 и А помѣщены вещи, добытыя раскопками Н. И. Веселовскаго изъ татарскихъ кладбищъ Сѣвернаго Кавказа. Въ составъ ихъ входятъ серебряныя и одна золотая чаши, большое количество мелкихъ украшеній (бляшекъ, серегъ, колець, пуговицъ и др.) и шелковыя и парчевыя ткани (витр. 3, 5 и 6).

Обращаютъ вниманіе большіе куски шелковой одежды (халата), по которымъ легко возстановить форму одежды (витр. 3—нижняя часть); халатъ имѣлъ отложной сверху красный воротникъ и застегивался на рядъ пуговицъ петлями въ видѣ частыхъ перемычекъ. Особый интересъ эта одежда представляетъ въ томъ отношеніи, что она является совершенно схожей во всѣхъ деталяхъ съ одеждой новгородцевъ, изображенныхъ на иконѣ изъ часовни Варлаама Хутынскаго (зала 9, на входной стѣнѣ).

Кто у кого заимствовалъ эту форму, судить пока затруднительно, но кажется болѣе вѣроятнымъ, что татары заимствовали ее отъ новгородцевъ, такъ какъ такой способъ застегиванія одежды у русскихъ славянъ являлся исконнымъ (см. изображеніе кн. Святослава изъ Изборника Святославова, зала 8, входная стѣна, направо).

Въ витринѣ А, передъ окномъ, помѣщенъ бронзовый гробъ съ костякомъ, доставленный Н. И. Веселовскимъ съ Сѣвернаго Кавказа (изъ Бѣлорѣченской станицы, Кубанской области). Гробъ раздавленъ землей, крышка его рассыпалась въ мелкіе куски, дно было ровное, а бока и верхъ сведены полукруглымъ сводомъ; на дно насыпанъ уголь, особенно обильно въ головахъ покойника.

Покойникъ лежитъ на спинѣ вытянуто; у праваго плеча его стоитъ серебряная, сильно окисшая, чашечка съ

наполняющимъ ее сѣрымъ органическимъ веществомъ; у лѣваго локтя—такая же вторая чашечка, но пустая; на поясницѣ видны остатки пояса, украшеннаго золотыми бляхами; къ поясу справа былъ привѣшенъ кожаный футляръ съ брускомъ, а слѣва на мѣдномъ кольцѣ—кинжалъ; вдоль лѣваго бока положена кривая сабля въ ножнахъ, а вдоль праваго бока—колчанъ изъ бересты, наполненный стрѣлами; тутъ же лежитъ желѣзный топоръ и стояла костяная шкатулка съ точеными украшениями (при вскрытіи распавшаяся на части); сверху гробъ былъ покрытъ золотой парчей (остатки ея—въ ногахъ гроба). Надъ гробомъ возвышался деревянный склепъ, формой своей напоминавшій форму витрины А. Склепъ сверху былъ засыпанъ курганомъ; когда насыпь кургана была доведена до половины, то былъ совершенъ, очевидно, какой-то обрядъ, такъ какъ здѣсь найденъ былъ разбитый на части большой кувшинъ (сосудъ этотъ склеенъ и стоитъ въ углу); послѣ чего курганъ былъ досыпанъ до верху.

Въ витринѣ 2, на полкѣ 4-й, расположены древности изъ разныхъ мѣстностей; изъ нихъ выдающійся интересъ представляютъ: 1) серебряное пайдзе (байса) татарское съ надписью имени золотоордынскаго хана Узбека (1312 — 1340) и 2) наконечникъ желѣзнаго копья съ татарской надписью, сдѣланной золотой инкрустаціей: «Токтамышъ Гирей Султанъ сынъ Менгли Гирей Хана». Что касается до пайдзе, то они имѣли значеніе вѣрительной грамоты или документа, выдававшегося татарскими ханами особенно-почтеннымъ лицамъ на право свободнаго передвиженія въ ихъ владѣніяхъ. Полагають, что это пайдзе было выдано золотоордынскимъ ханомъ московскому митрополиту Алексѣю.

Интересенъ также стеклянный стаканъ, найденный въ курганѣ около станицы Баговской, Терской области; на стаканѣ находится надпись: «Нашему повелителю султану Алмемику побѣдителю, справедливому и дорогому».

Полка 5-я и низъ витрины заняты предметами, добытыми раскопками В. А. Городцова въ развалинахъ города Маджары. Этотъ городъ находился на берегу р. Кумы, близъ современнаго города Святой Крестъ, Ставрополь-

ской губ. Городъ извѣстенъ былъ, какъ значительный торговый пунктъ Золотой Орды. Наибольшее процвѣтаніе его относится къ XIV — XV вв.; онъ погибъ, ставъ, повидимому, жертвою междоусобныхъ татарскихъ войнъ. Раскопками выяснены: мѣстонахожденіе, планъ города, много подробностей, относящихся къ жилищамъ, домашней обстановкѣ, а также открыто нѣсколько кладбищъ, въ которыхъ погребенія совершены по магометанскому обряду. Выставленные въ витринѣ вещи происходятъ изъ развалинъ обслѣдованныхъ жилищъ; въ составѣ ихъ интересны изразцы, политые нѣжно-голубою и синей красками, и мелкіе геометрически обработанные кирпичики, служившіе для мозаичной обработки стѣнъ. Въ одномъ зданіи была найдена часть штукатурки, украшенная мозаикой, сдѣланной изъ тѣхъ же геометрическихъ кусочковъ изразцовъ, содержащая татарскую надпись (см. низъ витрины, въ коробкѣ). Изъ бытовыхъ вещей заслуживаютъ вниманія обломки поливной глиняной посуды, частью притекавшей въ Маджары изъ Средней Азіи и даже изъ Китая (полка 5-я, вторая планшета, справа); на ряду съ этой привозной керамикой встрѣчается много обломковъ посуды мѣстнаго производства болѣе низкаго качества. На нѣкоторыхъ обломкахъ, повидимому, среднеазиатской посуды имѣются татарскія надписи. Судя по находкамъ въ развалинахъ города многочисленныхъ костей домашнихъ животныхъ, многихъ большихъ и малыхъ жернововъ и каменныхъ молотилокъ (въ видѣ цилиндровъ), слѣдуетъ полагать, что основой благосостоянія городского населенія служили скотоводство и земледѣліе; но въ большемъ количествѣ находимыя мѣдныя и серебряныя татарскія монеты свидѣтельствуютъ также и объ оживленныхъ торговыхъ операціяхъ и сношеніяхъ города (до 400 монетъ въ коробкахъ, полка 5-я, планшета третья, справа).

Витрина 7.

Татарскіе памятники Казанскаго царства XIV—XV вв.

Казанское царство занимало область слиянія Волги съ Камой. Границы царства точно не опредѣляются, но

вѣроятнѣе всего къ югу, по Волгѣ, владѣнія царства простирались до Самарской луки (до земель Золотой Орды), къ западу—до Новгорода, къ востоку—до Урала и къ сѣверу—до Вятской земли, составлявшей колонию Новгорода. Столицей и культурнымъ центромъ царства служила Казань.

Культура казанскихъ татаръ была общей съ культурой татаръ Золотой и Крымской Орды; она испытывала тѣ же вліянія: магометанскаго Востока и христіанскаго Запада; но послѣднее не столько со стороны Италіи, какъ это наблюдается въ культурахъ Крымской и Золотой Орды, сколько со стороны Руси.

Въ составъ вещей входятъ стеклянные и глиняные поливные сосуды, глиняныя круглодонныя лампочки, металлическіе сосуды разнаго назначенія. Среди керамическихъ издѣлій встрѣчаются поливные изразцы, нѣкоторые изъ нихъ украшаются священными изрѣченіями изъ корана (нижняя полка, планшета слѣва). Въ составъ мелкихъ бытовыхъ вещей входятъ бусы, преимущественно западно-европейскаго происхожденія, притекавшія черезъ посредство Новгорода, входившаго въ составъ Ганзейскаго союза, мелкія металлическія украшенія, желѣзныя орудія и др.

Вдоль стѣнъ залы расположены татарскіе магометанскіе надгробные памятники.

З а л а 13.

Памятники народностей, основавшихъ Великое Московское княжество.

Зала предназначена для памятниковъ, оставленныхъ народностями, основавшими Великое Московское княжество—Московскую Русь. Они обнимаютъ время отъ XI до XV вв.

Основными племенами Московской области были вятичи и колонисты, выдвинутые смоленскими кривичами и новгородскими славянами по верхнему теченію Волги. По свидѣтельству Русской Начальной лѣтописи, племя вятичей, наиболѣе родственное племени радимичей, прибыло въ Среднюю Россію отъ ляховъ, т.-е. со стороны Польши.

Здѣсь вятичи осѣли прежде всего на верховьяхъ Оки, составивъ сильный авангардъ славянскихъ племенъ, наступавшихъ изъ предѣловъ Средней въ Восточную Европу. Покоривъ сильныя племена окскихъ финновъ, вятичи постепенно заняли почти все теченіе Оки, приблизительно до Мурома, гдѣ встрѣтились съ колонистами, выдвинутыми смоленскими кривичами и новгородскими славянами, занявшими область слиянія Волги и Оки и поднимавшимися вверхъ по послѣдней. Соединившись вмѣстѣ, эти племена заняли область будущихъ Московскаго, Тверскаго и Рязанскаго княжествъ, составивши центръ Великой Руси. Вещественные памятники ихъ, какъ и другихъ славянскихъ племенъ, рѣзко дѣлятся на двѣ группы: 1) памятниковъ времени до принятія христіанства и 2) памятниковъ времени послѣ принятія христіанства. Первые характеризуются вещами, добываемыми изъ погребеній съ трупосожженіями, и вторые — вещами изъ простыхъ погребеній. Остатки трупосожженій кривичей и новгородскихъ славянъ обыкновенно помѣщались въ курганахъ, удерживавшихъ формы, свойственныя формамъ кургановъ метрополи. Что же касается остатковъ трупосожженій племени вятичей, то таковыя встрѣчаются очень рѣдко въ курганахъ; это, вѣроятно, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, отмѣченнымъ Начальной лѣтописью, что вятичи, какъ и радимичи и сѣверяне, сжигали своихъ покойниковъ, кости вкладывали въ глиняныя урны, и ставили послѣднія на столбахъ при дорогахъ. Само собою разумѣется, отъ такой формы погребеній не могло сохраниться до нашего времени никакихъ остатковъ. Однако необходимо вновь замѣтить, что и у вятичей практиковался обрядъ хороненія остатковъ трупосожженій въ курганахъ, при чемъ кости сожженныхъ помѣщались въ особыхъ ящикахъ-гробовищахъ, сдѣланныхъ изъ толстыхъ досокъ, сверху иногда покрывавшихся обугленными плахами изъ костровъ. Эти ящики являлись семейными склепами, въ которые вкладывались кости разныхъ покойниковъ и въ разное время, для чего одна сторона ящика приближалась къ наружному краю кургана и закладывалась камнями. Эта форма гробовища

существовала и въ болѣе позднее время при христіанскихъ простыхъ погребеніяхъ, гдѣ доски часто замѣнялись бревнами и вмѣсто обугленныхъ плахъ, наложенныхъ сверху, устраивалась крышка изъ простыхъ бревенъ.

Время трупосожженій, встрѣчаемыхъ въ Московской области, датируется арабскими монетами, преимущественно IX—X вв. Вещей въ трупосожженіяхъ встрѣчается мало; на ряду съ вещами мѣстнаго производства изрѣдка встрѣчаются привозныя вещи сѣвернаго (скандинавскаго) и восточнаго (арабскаго) происхожденія. Также очень рѣдко встрѣчаются финскія вещи.

Гораздо обильнѣе находки изъ погребеній христіанскаго времени, когда по языческому обычаю покойниковъ хоронили еще въ курганахъ со многими вещами; въ составѣ ихъ для вятичей особенно характерны височныя семилопастныя кольца такъ наз. московскаго типа. Эти кольца, обыкновенно, серебряныя, очень похожи на семилопастныя кольца радимичей, о которыхъ сказано выше (стр. 170); разница состоитъ лишь въ томъ, что вятическое кольцо имѣло лопасти книзу расширявшіяся, а радимическое — суживавшіяся. Для приволжскаго населенія столь же характерны гладкія кольца и кольца съ ромбическими расширениями. Но, что особенно важно, такъ это находженіе въ области вятичей и столкнувшихся съ ними кривичей памятниковъ дохристіанской письменности. До сихъ поръ ни у одного славянскаго племени, изъ обитавшихъ въ Средней, Южной и Восточной Европѣ, не было найдено ни одного подобнаго памятника, почему ученые слависты полагали, что письменности языческой у славянъ вообще не существовало. Однако въ Московской области вятичей и кривичей въ настоящее время стало извѣстно уже шесть такихъ памятниковъ, изъ которыхъ слѣдующіе пять находятся въ этомъ залѣ: 1) глиняный сосудъ, найденный В. А. Городцовымъ при простомъ погребеніи близъ с. Алканова, Рязанской губ. и уѣзда (рис. 70 и 71); 2 и 3) два обломка разныхъ глиняныхъ сосудовъ съ остатками письменныхъ знаковъ, найденные тѣмъ же изслѣдователемъ

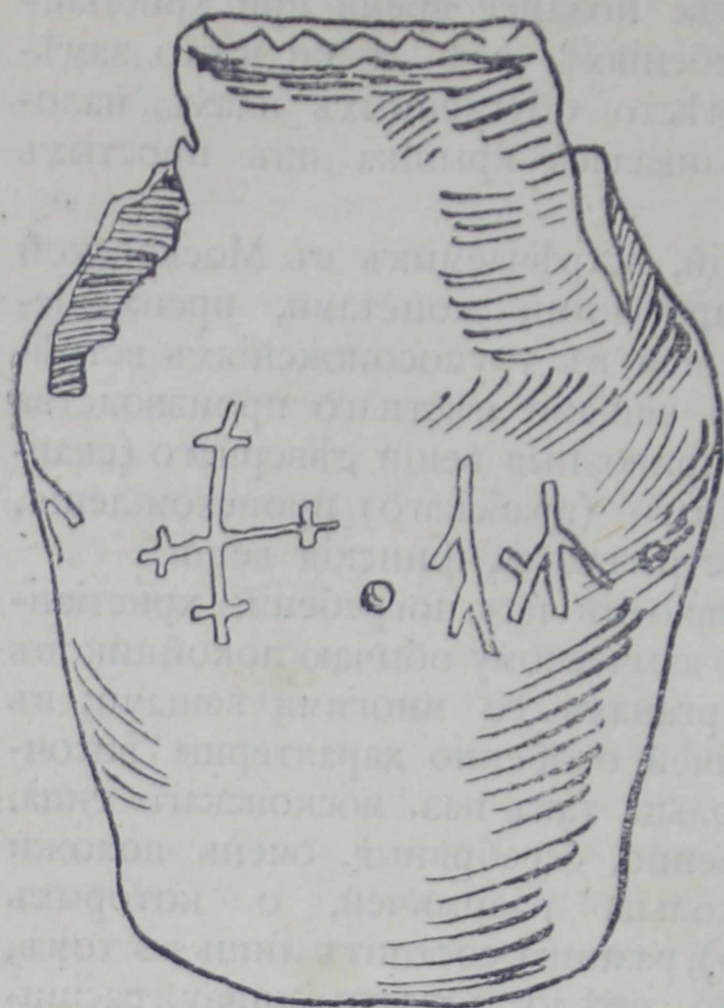


Рис. 70.

тамъ же, но въ развалинахъ древняго селенія (витр. 2, низъ, слѣва). Эти письмена могутъ быть приурочены къ концу X или къ началу XI в.; 4 и 5) двѣ серебряныхъ бляхи съ выбитой однимъ штампомъ надписью, состоящею изъ 7-ми буквъ, расположенныхъ по окружности, найденныя Ю. Г. Гендуне въ Тверской губ., Корчевскомъ уѣздѣ, с. Загорьѣ (рис. 72). Что же касается шестого предмета съ надписью, то таковымъ является глиняный сосудъ, найденный А. А. Виноградовымъ въ курганѣ съ простымъ погре-

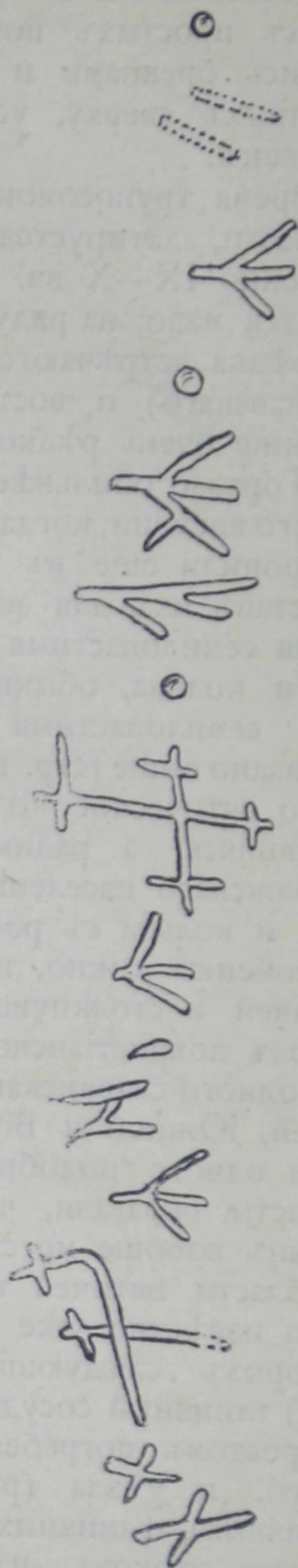


Рис. 71.

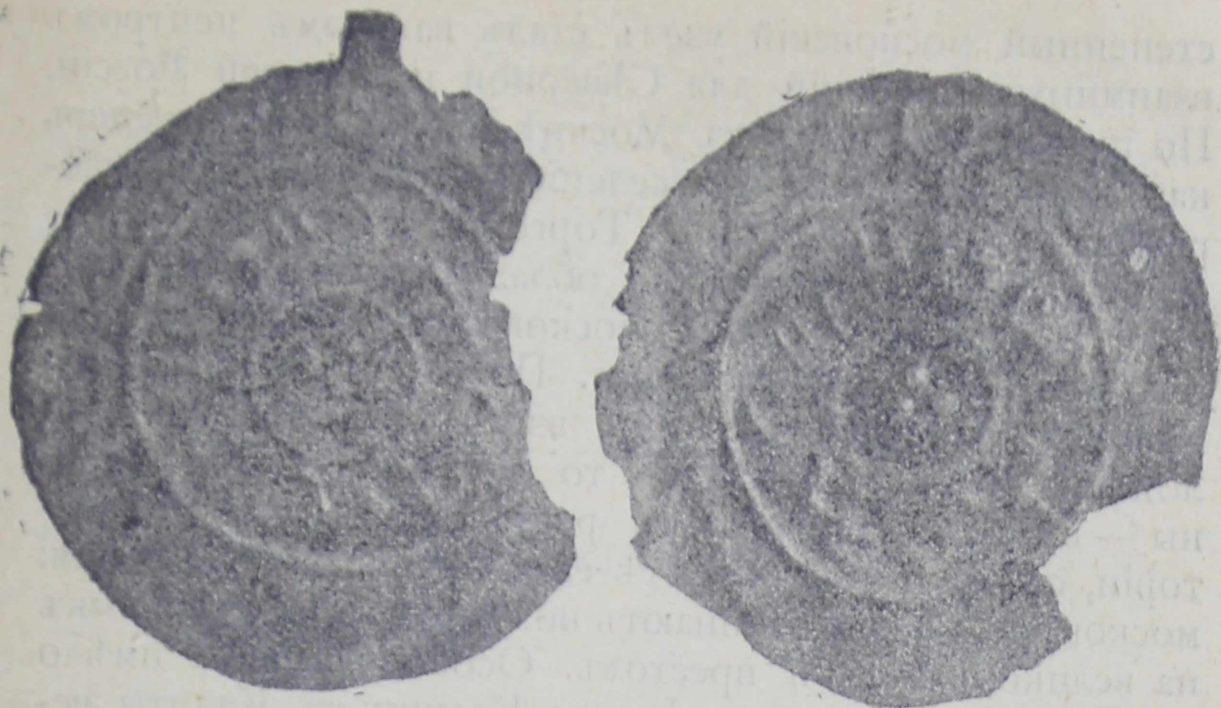


Рис. 72.

беніемъ въ Тверской губ. и хранящейся въ Музеѣ Тверской Ученой Архивной Комиссіи; по свидѣтельству А. А. Виноградова, надпись состояла изъ трехъ знаковъ, очень похожихъ на знаки алекановскихъ сосудовъ. Дохристіанскія письма Московской области до настоящаго времени остаются неразобранными.

Московское Великое княжество образовывается только въ XIII вѣкѣ. Центромъ его явилась Москва, впервые упоминаемая въ лѣтописи подъ 1147 годомъ, какъ княжеская деревня, вотчина великаго князя Юрія Долгорукаго. Во второй половинѣ XII в. Москва становится пограничною крѣпостью, выдвинутой противъ Рязанскаго и Черниговскаго княжествъ. Первымъ великимъ княземъ Москвы явился сынъ Александра Невскаго Даніиль.

Съ этого времени начинается быстрый ростъ и возвышеніе Московской области. Москва лежала въ узлѣ дорогъ, ведшихъ изъ Южной Руси въ Сѣверную и изъ Новгородской земли въ Рязанскую. Теченіе рѣки Москвы соединяло верховье Волги съ среднимъ теченіемъ Оки. Когда большіе водные пути по Днѣпру и нижней Волгѣ, вслѣдствіе разоренія Юга и непосредственнаго господства татаръ на Черноморскомъ и Каспійскомъ побережьяхъ, утратили свое значеніе, второ-

степенный московскій узелъ сталъ важнымъ центромъ взаимныхъ сношеній для Сѣверной и Средней Россіи. По путямъ, идущимъ къ Москвѣ, направлялись теперь какъ торговля, такъ и населеніе, уходившее изъ разоренныхъ областей страны. Торговля пошлины и быстрое заселеніе московской области чрезвычайно усилили денежныя средства московскихъ князей и дали имъ перевѣсъ надъ сосѣдями. Положенный въ основу политики Москвы, разумный взглядъ на тяжелое положеніе Руси сказался въ то время съ одной стороны — въ безостановочномъ ростѣ московской территоріи, съ другой — въ ростѣ ея политическаго значенія: московскіе князья начинаютъ покупать въ Ордѣ ярлыкѣ на великокняжескій престолъ. Особое значеніе имѣло въ XIV вѣкѣ княженіе Іоанна Калиты: съ Калиты великокняжескій титулъ не выходитъ изъ рода московскихъ князей; Калита выхлопатываетъ въ Ордѣ разрѣшеніе, безъ участія татарскихъ сборщиковъ, собирать съ другихъ княжествъ и земель дань и доставлять ее въ Орду. Этимъ былъ устраненъ главный поводъ для вѣзда татаръ въ русскую землю. Калита заботился и о внутренней безопасности въ своемъ княжествѣ, охраняя пути и прекращая разбои. Великая тишина, по словамъ лѣтописи, установилась при вел. кн. Іоаннѣ Калитѣ въ русской землѣ. Эта тишина привлекала къ Москвѣ не только простой людъ; боярство изъ разныхъ областей потянуло къ Москвѣ и дало ей въ теченіе XIV вѣка высшій политическій классъ, опытъ и вліяніе котораго сказались въ московскомъ войскѣ, управленіи и княжескомъ совѣтѣ. Такое сочувствіе находила Москва и въ высшемъ духовенствѣ: митрополитъ Петръ подолгу живалъ и умеръ въ Москвѣ; знаменитый Успенскій соборъ, основанный Калитою, принялъ останки Петра митрополита и въ сознаніи окрестныхъ земель сталъ крупною національною святынею. Преемникъ Петра, митрополитъ Феогностъ, окончательно поселился въ Москвѣ, которая, такимъ образомъ, стала церковнымъ центромъ Россіи.

Дѣти Калиты умирали въ молодыхъ годахъ и княжили недолго. Симеонъ Гордый умеръ бездѣтнымъ,

Иванъ Красный оставилъ только двухъ сыновей. Такимъ образомъ, родъ московскихъ князей не умножился, а земли московскія не дробились.

При слабомъ сынѣ Калиты Иванѣ Красномъ и въ малолѣтство внука Калиты, Дмитрія Донского, истиннымъ правителемъ Московскаго государства становится преемникъ Феогноста, митрополитъ Алексѣй, происшедшій изъ рода бояръ Плещеевыхъ. Обладая яснымъ политическимъ умомъ, онъ поддержалъ и укрѣпилъ сильную власть и твердый порядокъ, какими обладавала Москва при Калитѣ.

Изъ сооруженій Алексѣя митрополита особенно важны: Чудовъ монастырь, гдѣ покоятся его мощи, и первая каменная стѣна вокругъ Кремля, замѣнившая прежнюю дубовую стѣну, возведенную Калитой. Высокій моральный характеръ митрополита Алексѣя всюду вызывалъ къ себѣ уваженіе. Его вліяніе было сильно и въ Ордѣ, а московское населеніе еще при жизни его клялось его именемъ. Современникомъ Алексѣя былъ столь же славный святой Московской земли — преп. Сергій Радонежскій. И этотъ знаменитый подвижникъ во всѣ трудные часы народной жизни выступалъ на помощь Москвѣ и своимъ громаднымъ нравственнымъ авторитетомъ поддерживалъ начинанія московскихъ князей.

Въ княженіе вел. кн. Дмитрія Донского Москва обнаруживаетъ сознаніе своихъ силъ, и, сохраняя свой трезвый расчетъ, московская политика пріобрѣтаетъ новое качество: рѣшительность.

Дмитрій Донской по отношенію къ другимъ русскимъ князьямъ выставилъ принципъ, что великокняжескій титулъ и городъ Владиміръ составляютъ наследственное право московскаго князя и никому другому принадлежать не могутъ.

Дмитрій Донской придалъ также и практическое значеніе великокняжеской власти: въ отношеніяхъ ко всѣмъ сосѣдямъ онъ велъ себя, какъ верховный вождь. Дмитрій, по словамъ лѣтописи, всѣхъ князей русскихъ приводилъ подъ свою волю, а непослушнымъ давалъ чувствовать свою руку: онъ побѣдилъ рязанскаго кня-

зя Олега, послѣ долгой борьбы привелъ Тверь въ зависимость отъ Москвы, смирилъ Новгородъ отправкой московскаго войска и контрибуціей, наконецъ, первый изъ московскихъ князей отважился на открытую борьбу съ татарами.

Знаменитая побѣда его на Куликовомъ полѣ не уничтожила татарскаго ига, но навсегда поколебала его въ общемъ сознаниіи, одновременно возвысивъ московскаго князя до значенія могущественнаго національнаго государя. Этого значенія уже не могли поколебать ни послѣдовавшіе карательные набѣги татаръ на Москву, ни междоусобія въ московской княжеской семьѣ при Василии Темномъ.

Одновременно съ усиленіемъ Москвы развивается и московское искусство. Въ XIV вѣкѣ возникаютъ первыя замѣчательныя каменные постройки.

Къ XIV вѣку относится начало московскаго иконописанія на доскахъ и фресковой росписи. Тогда же появляются первыя московскія рукописи, украшенныя внутри миниатюрами и узорами, а снаружи—цѣнными переплетами (окладами), а равно первые образцы московской художественной промышленности, главнымъ образомъ, литыя иконки и кресты. Однако всѣ эти начатки московскаго искусства въ настоящее время разыскиваются съ большимъ трудомъ.

Сожженіе Москвы Тохтамышемъ въ 1392 году уничтожило огромное количество московскихъ рукописей, иконъ и церковной утвари и сдѣлало всѣ эти предметы древнѣйшаго московскаго искусства необычайно рѣдкими. Нѣкоторое количество московскихъ памятниковъ съ XIV вѣка сохранила основанная преп. Сергіемъ Троицкая лавра. Изъ московскихъ рукописей XIV вѣка особенно важны евангеліе Архангельскаго Сійскаго монастыря, писанное въ Москвѣ въ 1339 году, и евангеліе въ богатомъ металлическомъ окладѣ, сооруженное въ 1346 году повелѣніемъ московскаго князя Симеона Гордаго. Обѣ рукописи украшены заставками и заглавными буквами, а Сійское евангеліе, кромѣ того, содержитъ большую миниатюру, древнѣйшую изъ сохранившихся московскихъ. Послѣсловіе

Сійскаго евангелія содержитъ величаніе Московскаго князя, который уже называется царемъ.

Украшенія залы заимствованы изъ древнѣйшихъ памятниковъ Московской Руси: два портала, пилястры и фризъ между ними воспроизводятъ архитектурные мотивы Успенскаго собора въ Звенигородѣ, построеннаго въ половинѣ XIV вѣка. Роспись потолка залы и оконныхъ наличниковъ воспроизводитъ узоры такъ называемой шапки Мономаха, древнѣйшаго московскаго вѣнца. Небольшая дверь налѣво отъ входа въ углу—копія двери изъ Московскаго Успенскаго собора.

На отдѣльномъ пьедесталѣ помѣщена отбитая голова каменнаго истукана (языческаго бога), найденная въ д. Долматовой, Подольскаго уѣзда, Московской губ., даръ А. А. Макарова; по своей художественной трактовкѣ голова походитъ на четырехликую голову Збручскаго истукана—Святовида (зала 7). Можно полагать, что и въ настоящемъ случаѣ имѣется дѣло съ изображеніемъ славянскаго божества.

Витрины 1—3.

Культура вятичей XI—XIV вв.

Въ витринѣ помѣщены вещи, добытыя исключительно изъ курганныхъ погребеній христіанскаго времени. Въ витринѣ 1 хранятся вещи болѣе раннія, хотя и среди нихъ встрѣчаются вещи XIII—XIV вв., напр., трехлопастныя височныя кольца (низъ витрины, планшета справа) и нѣкоторыя другія.

Въ витринѣ 2—такія же вещи; изъ нихъ наибольшій интересъ представляютъ: 1) Находки двухъ каменныхъ орудій при мужскомъ погребеніи въ курганѣ близъ Воскресенскаго посада, Подольскаго уѣзда, Московской губ. (полка 3-я, планшета первая, слѣва). Погребеніе относилось ко времени XI в. по Р. Х. Нахожденіе при покойникѣ этого времени каменныхъ орудій казалось, явленіемъ невѣроятнымъ. Между тѣмъ, извѣстно, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Московской губ. сохранился до сихъ поръ обычай полагать въ гробъ колдуна каменная

орудія (громовыя стрѣлы). Вѣроятно, и въ данномъ случаѣ орудія сопровождали такого же колдуна; они были вложены въ кожаный мѣшочекъ, подвѣшенный къ поясу. 2) Интересны сосудъ съ дохристианской надписью (рис. 70 и 71) и обломки двухъ сосудовъ также съ надписями (планшета внизу) изъ Рязанской губ. 3) Глиняные сосуды с прорѣзными боками и краями (на верху витрины), найденные въ Московской губ. Прорѣзи, несомнѣнно, имѣютъ ритуальное значеніе; мы ихъ уже видѣли у новгородскихъ славянъ (зала 9), гдѣ онѣ производились болѣе примитивнымъ способомъ. 4) Заслуживаютъ также вниманія выставленныя модели погребеній (полка 4-я и низъ витрины). На одной изъ нихъ представленъ курганъ со снятой раскопкой вершиной, на которой виденъ обнаженный срубъ, сдѣланный изъ бревень; двѣ другихъ модели представляютъ этотъ же срубъ, но въ увеличенномъ масштабѣ, гдѣ мы видимъ, что срубъ съ трехъ сторонъ сложенъ изъ бревень, а съ четвертой заложень камнями. Такого типа срубы встрѣчаются у вятичей и у псковскихъ кривичей. Верхъ сруба покрытъ бревенчатымъ накатомъ; внутри одного изъ срубовъ изображенъ покойникъ.

Въ витринѣ 3 помѣщена обширная коллекція изъ курганныхъ раскопокъ, произведенныхъ въ Смоленской и Калужской губ. Н. И. Булычевымъ. Время ихъ датируется XI—XIV вв. Наболѣе позднія вещи лежатъ въ низу витрины. Основная масса вещей вполне характерна для культуры вятичей, но на-ряду съ ней встрѣчаются также вещи, характерныя для смоленскихъ кривичей, напр., проволочныя височныя кольца. Явленіе смѣси культуръ объясняется тѣмъ, что по площади раскопокъ проходила граница обоихъ этихъ племенъ. Обращаютъ на себя вниманіе христианскіе кресты (полка 1-я, планшета третья, слѣва и др.), указывающіе на принадлежность погребеній къ христианскому времени. Любопытны глиняные сосуды съ прорѣзями въ боку (полка 3-я, слѣва) и съ клеймами на днахъ (низъ витрины, справа); заслуживаютъ также вниманія трехлопастныя височныя кольца (низъ витрины, двѣ планшеты, справа). Они развились изъ семилопастныхъ височ-

ныхъ колець вятческаго московскаго типа и были въ употребленіи только въ XIV в. Позже мода на височныя кольца совсѣмъ исчезаетъ.

Витрина 4.

Въ витринѣ находятся вещи, добытыя изъ кургановъ, оставленныхъ колонистами смоленскихъ кривичей и новгородскихъ славянъ. Эти вещи относятся къ XI—XII вв. Характерными являются височныя проволочныя кольца и кольца съ ромбическими щитками. Наиболѣе интересными представляются двѣ серебряныя привѣски съ круговою дохристіанскою надписью (рис. 72); обѣ привѣски были найдены Ю. Г. Гендуне въ одномъ курганѣ близъ д. Загорье, Корчевскаго у., Тверской губ. Судя по височнымъ проволочнымъ кольцамъ, найденнымъ тамъ же, покойникъ долженъ былъ принадлежать къ кривическому племени. На обѣихъ привѣскахъ повторяется одна и та же надпись, выбитая металлическимъ штампомъ; въ составъ надписи входятъ семь буквенныхъ знаковъ, изъ нихъ знакъ въ видѣ кружка повторяется два раза; по своему общему характеру эти знаки походятъ на знаки алекановскихъ сосудовъ (витрина 2), хотя послѣдніе имѣютъ начертанія болѣе архаическія или небрежныя. Тверскія привѣски особенно интересны еще потому, что всѣ знаки надписи оказываются схожими съ родовыми знаками московскихъ писцовыхъ книгъ конца XVI, начала XVII вѣковъ; они похожи также на земельные знаки крестьянъ Московской и др. губерній, указывая, что и родовые и земельные знаки являются какъ бы пережитками давно исчезнувшихъ дохристіанскихъ письменъ. Прочія вещи являются болѣе или менѣе обычными.

Бросая общій взглядъ на культуру племенъ, основавшихъ Московское княжество, можно убѣдиться, что возникновеніе въ этой области главнаго центра государственной русской жизни не случайно: оно, несомнѣнно, связывается съ болѣе развитымъ и энергичнымъ населеніемъ, имѣвшимъ, повидимому, развитую дохристіанскую письменность. Къ сожалѣнію, на по-

слѣднее выдающееся культурное явленіе до сихъ поръ русская историческая наука недостаточно серьезно обращаетъ внимание.

Витрина 5.

Восточная посуда XIV вѣка, найденная зарытой въ землѣ въ подклѣткахъ Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ.

Рѣзная костяная пластинка съ изображеніемъ двухъ фигуръ, итальянской работы XV вѣка, найденная тамъ же.

Кольчуга, найденная въ Шегловкѣ, въ 15 верстахъ отъ Куликова поля.

Два перстня, найденные въ землѣ на Куликовомъ полѣ.

Обломки бусъ, каменныхъ крестиковъ, стеклянныхъ браслетовъ и др. предметовъ изъ городища Старая Рязань, Спасскаго уѣзда, Рязанской губ.

Мѣдная доска съ дверей; на ней изображено золотомъ «Крещеніе Господне» и надпись; работа XII—XIII вв. (оттуда же).

Золотой браслетъ изъ Мамаева урочища Астраханской губ.

Гальванопластическая копія съ рогатины великаго князя Бориса Александровича Тверского (1425—1461). Оригиналъ находится въ Оружейной Палатѣ.

На стѣнѣ:

Копіи съ иконъ московскихъ чудотворцевъ Петра митрополита и Алексѣя митрополита; обѣ иконы съ дѣяніемъ въ 18 клеймахъ, московскихъ царскихъ писемъ XVI вѣка. Оригиналы находятся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

На той же стѣнѣ выше:

Эскизъ картины «Куликовская битва»: работа художника С. А. Коровина.

Отдѣлъ рукописей и книгъ старой печати.

Отдѣлъ рукописей и книгъ старой печати помѣщается во второмъ этажѣ въ центрѣ Музейскаго зданія. Ходъ изъ парадныхъ сѣней по лѣвой лѣстницѣ. Помѣщеніе Отдѣла раздѣлено на Залу занятій и Древлехранилище.

Со всѣми требованіями публика обращается къ дежурному сотруднику и требованія исполняются немедленно. Въ Залѣ занятій соблюдается тишина. Мѣста для занятій за столами указываются дежурнымъ.

Древлехранилище помѣщается на открытой и глубокой эстрадѣ, которая съ Залой занятій соединяется двойной (симметричной) лѣстницей. На эстрадѣ въ пяти въ глубь бѣгущихъ рядахъ установлены 56 шкафовъ, въ коихъ хранятся рукописи и книги старой печати. Къ эстрадѣ, въ глубинѣ ея, примыкаетъ разборная комната, по стѣнамъ установленная полками—для разборки, регистраціи и нумераціи вновь поступающихъ собраній.

Въ настоящее время Отдѣлъ заключаетъ слѣдующія собранія (количество томовъ дано въ круглыхъ суммахъ).

Рукописи:

+Барсова Е. В.	3.000
—Барятинскаго А. И.	300
—Бахрушина А. П.	50
* Вахрамѣева И. А.	1.000
+Забѣлина И. Е.	700
—Купленные въ разное время Музеемъ	3.000
—Соколова М. И.	200
—Суворина А. С.	50
* Уварова А. С.	3.000
* Хлудова А. И.	500
—Черткова А. Д.	500
* Щукина П. И.	1.000

Всего рукописей болѣе 13.000.

Книги старой печати

—Купленные Музеемъ меньшія собранія	800
* Хлудова А. И.	1.000
* Орлова-Давыдова, собрано П. Н. Царскимъ	450
—Черткова А. Д.	700
—Щапова П. П.	1.500

Всего книгъ старопечатныхъ до 5.000.

Собранія, отмѣченныя выше звѣздочками, имѣютъ печатное описаніе, крестикомъ—рукописное, чертой—карточный каталогъ. Остальныя собранія нынѣ спѣшно каталогизуются.

Каталогъ рукописей, какъ имѣющихъ, такъ и не имѣющихъ описанія, составляется по принятой въ Музее американской системѣ. На карточкахъ отмѣчены названія, вѣкъ или годъ, миниатюры и орнаменты рукописей. Подробнѣе о системѣ описанія см. въ отчетѣ Музея за 1913 г. Имѣются спеціальныя каталоги рукописей лицевыхъ и рукописей датированныхъ, а также особый каталогъ для книгъ старой печати.

Перечисленныя собранія рукописей состоятъ почти исключительно изъ памятниковъ кирилловскаго письма и по большей части—русскихъ, но не одинаковыхъ по своему составу. Собраніе Уварова—старѣйшее изъ всѣхъ (такъ какъ въ него вошли старыя собранія П. Н. Царскаго и А. С. Норова), отличается древностью, сохранностью и красотой своихъ рукописей, а по содержанію это собраніе одинаково важно—въ художественномъ, палеографическомъ, историческомъ и литературномъ отношеніяхъ. Собраніе Е. В. Барсова важно прежде всего въ литературномъ отношеніи тщательнымъ подборомъ памятниковъ какъ церковной, такъ и свѣтской письменности. Собраніе А. И. Хлудова важно для изученія языка подборомъ старыхъ литургическихъ текстовъ—русскихъ, болгарскихъ и сербскихъ съ XIII и XIV вѣковъ, а равно для изученія старообрядчества и его особой литературы. Собраніе самого Музея представляетъ особую важность для изслѣдователей рус-

скаго искусства, главнымъ образомъ богатымъ подборомъ памятниковъ миниатюры (болѣе 3.000). Собранія И. А. Вахрамѣева, И. Е. Забѣлина, А. Д. Черткова, П. И. Щукина и др. содержатъ каждое отдѣльные памятники первостепенной важности.

Важнѣйшія рукописи.

Греческая лицевая псалтырь 9-го вѣка (Хлуд. собр. № 129), русская лицевая псалтырь 13-го вѣка (Хлуд. № 3), болгарская лицевая псалтырь 14-го вѣка (Музей № 3752), грузинская лицевая псалтырь 16-го вѣка (Музей № 2886), съ византийской основой и вліяніями итальянскими и восточными, огромная лицевая Годуновская псалтырь около 1600 г. (Ув. № 564), болгарская псалтырь 13-го вѣка съ орнаментами (Норовская, Ув. № 285) и болгарское евангеліе съ орнаментами также 13-го вѣка (Ув. № 289 и Музей № 3178; разрозненные части этой рукописи встрѣтились въ Музеѣ), Благовѣстникъ, или Толкованіе Θεофилакта на Евангеліе отъ Іоанна, болгарскаго письма 1348 г. (Барсовъ, № 115). Огромный лицевой лѣтописный Сводъ 16-го вѣка (Т. I)—работы мастеровъ Грознаго (Музей № 358), Житіе Нифонта лицевое 16-го вѣка, работа мастеровъ митрополита Макарія (Муз. № 340), лицевое житіе Зосимы и Савватія, эпохи Θεодора Іоанновича (Вахрам. № 71), Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ, лицевая 1649 года (Муз. № 332), Козьма Индикопловъ, лицевой, въ спискахъ 15, 16 и 17 вѣка (древнѣйшіе: Ув. № 566, f^o, 1494-го года; Ув. № 60, 4^o, конца 15-го вѣка; Муз. № 1152 f^o, 1553 г.). Александрія лицевая въ спискахъ 17-го и 18-го вѣка (древнѣйшій Забѣлина № 8, f^o). Евангелія лицевыя 15 и 16 вѣковъ, Апостоль лицевой конца 15-го вѣка (Чертк. № 167, f^o). Апокалипсисы лицевыя въ спискахъ 17-го, 18-го и 19-го вѣковъ. Многочисленные лицевыя житія, сборники и другіе памятники тѣхъ же вѣковъ, кончая замѣчательными работами современнаго народнаго миниатюриста Ивана Гавриловича Блинова, который продолжаетъ работать и въ 20-мъ вѣкѣ: въ настоящее время онъ создаетъ по указаніямъ Музея миниатюры къ различнымъ литературнымъ памятникамъ русской старины.

Отдѣлъ старопечатныхъ книгъ заключаетъ въ себѣ четыре знаменитыхъ собранія: Орлова-Давыдова, собран. Царскимъ, Черткова, Шапова и Хлудова. Подъ названіемъ «Меньшихъ» объединены собранія: Долгорукова, Голицына, И. Е. Забѣлина, самого Музея, Рогожина, Соллогуба, Усова, Шодуара и П. И. Щукина.

Важнѣйшія книги старой печати: изъ древнѣйшихъ Кирилловскихъ изданій въ Музеѣ имѣются всѣ извѣстныя Краковскія и Цетинскія, кромѣ Псалтыри Слѣдованной Краковской 1491 г. (извѣстна только по имени), Псалтыри Слѣдованной Цетинской 1495 г. (въ Москвѣ только въ Румянцовскомъ Музеѣ) и молитвенника Цетинскаго 1493-1495 года, коего сохранилось только нѣсколько листовъ въ Петроградской Публичной Библиотекѣ. Среди Венеціанскихъ изданій имѣется рѣдчайшій Служебникъ (Литургіаріонъ) 1527 года (коего еще извѣстны только два экземпляра: въ Петроградской Публичной Библиотекѣ и въ монастырѣ Реметѣ). Изъ русскихъ изданій, кромѣ такихъ извѣстныхъ, какъ первопечатный Апостоль Московскій 1564 года, Пражская Библия Франциска Скорины 1517-19 годовъ, Острожская Библия 1581-82 года, Московская Библия 1663 года (первое вторженіе стила барокко въ Московскій орнаментъ) и др., въ Музеѣ имѣется рѣдчайшая и хорошей сохранности Кормчая Иосифская Москва 1650 г. (Царскій, А. № 168). Имѣется также богатый подборъ Клинцовскихъ и другихъ позднихъ старообрядческихъ изданій.

Въ помѣщеніи Отдѣла періодически устраиваются выставки по языку, палеографіи, миниатюрѣ и исторіи книгопечатанія. Кромѣ того, устраиваются летучія выставки по просьбѣ учреждений, съѣздовъ и специальныхъ экскурсій.

Съ 1920 года въ число рукописныхъ собраній Историческаго Музея включена бывш. Патріаршая Библиотека, составляющая въ настоящее время особый Отдѣлъ Музея, тѣснѣйшимъ образомъ связанный съ Отдѣломъ рукописей и старопечатныхъ книгъ Музея.

Патріаршая Бібліотека получила свое названіе потому, что собрана въ Патріаршій періодъ управленія русской церковью, т.-е. до 1700 г.; XVIII-XIX вв. въ ней совсѣмъ не представлены и если среди нынѣшнихъ ея коллекцій имѣются рукописи XVIII и первой половины XIX вѣка, то онѣ вошли чрезъ позднѣйшія поступленія изъ собраній Воскресенскаго, Новоспаскаго, Донскаго, Симонова монастырей и Успенскаго въ Москвѣ собора, частью же изъ коллекціи Чудова монастыря. Больше другихъ поработалъ для наполненія Бібліотеки рукописями митроп. Макарій, современникъ Ивана Грознаго, и патріархъ Никонъ, другъ Алексѣя Михайловича. Греческое отдѣленіе библіотеки содержитъ 511 кодексовъ, не считая свитковъ; по времени рукописи идутъ съ VI до XVII вѣка включительно (отъ VI-VII вв. имѣется пергаменный фрагментъ на 2 листахъ, за стекломъ). Наиболѣе замѣчательными памятниками въ отношеніи художественной иллюстраціи являются Минологій середины XI вѣка (греч. 183, Влад. 376), два раза издававшійся с помощью свѣтописи, и Метафрастовъ кодексъ житій святыхъ (греч. 9, Влад. 382) 1063 г.; рукописи, строго датированныя, начинаются съ 880 г., къ которому относится Аскетиконъ или Слово о постничествѣ Василія Великаго. По количеству и качеству греческихъ рукописей Патріаршая Бібліотека занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ мірѣ.

Славянское отдѣленіе, съ позднѣйшими поступленіями, заключаетъ 1830 рукописей, начиная съ XI вѣка, съ знаменитаго Святославова Изборника 1073 г. Уступая по количеству книгъ многимъ изъ русскихъ рукописныхъ собраній, по качеству своихъ памятниковъ Патріаршая Бібліотека занимаетъ среди нихъ безспорно первое мѣсто. Только она обладаетъ полными списками Макарьевскихъ Миней, второй Успенской редакціи, которыя сами по себѣ составляютъ цѣлую библіотеку, содержащую рукописныя книги до середины XVI вѣка. Патріаршей Бібліотекѣ принадлежатъ: знаменитая 1-ая Новгородская лѣтопись (слав. 786), Царственная Книга (слав. 149), Никоновская Лѣтопись (слав. 962) съ рисунками, Псковская Палея

1477 г. (слав. 210) съ миниатюрами, Геннадіевская Библия 1499 г.,—первый сводъ книгъ Священнаго Писанія на слав. языкѣ. Отъ XVII вѣка Библіотека содержитъ автографы знаменитыхъ тружениковъ науки: Епифанія Славинецкаго, Симеона Полоцкаго, Сильвестра Медвѣдева, іеродіакона Евфимія, Каріона Истомина, Дмитрія Ростовскаго и др.

Греческое отдѣленіе имѣетъ описаніе всего своего состава на латинскомъ языкѣ: *Accurata codicum graecorum manuscriptorum bibliothecarum mosquensium sanctissimae Synodi notitia et recensio*, ed. Chr. Matthaei, Lipsiae 1805, и на русскомъ: Систематическое описаніе рукописей Московской Синодальной (Патріаршей) Библіотеки, сост. архимандритомъ Владимиромъ, Москва 1894 г. Славянское отдѣленіе Патріаршей Библіотеки описано цѣликомъ, но очень кратко, въ Указателѣ для обозрѣнія Московской Патріаршей Библіотеки, составленномъ архимандритомъ Саввою, Москва 1858 г.; кодексы св. Писанія, творенія отцевъ церкви и книги богослужебныя описаны научно, съ обширными справками и объясненіями, въ работѣ Горскаго и Невоструева: Описаніе славянскихъ рукописей Моск. Синодальной Библіотеки, книги I-VI, Москва 1855-1917; позднѣйшія поступления описаны Н. Поповымъ: вып. 1—Новоспасское собраніе; вып. 2—Симоновское собраніе; Донское собраніе имѣетъ перечень, напеч. Н. Поповымъ въ журналѣ Мин. Народн. Просв. за 1909 г., сентябрь, въ отдѣлѣ Современной Лѣтописи; Воскресенское собраніе описано архим. Амфилохіемъ и издано въ 1876 г. въ Москвѣ; Успенское Собраніе имѣетъ перечень книгъ въ Читеніяхъ Общ. Исторіи и Древн. при Моск. Университетѣ за 1895 г. кн. 3; датированныя рукописи (до 1700 г.) по всѣмъ славянскимъ коллекціямъ Библіотеки указаны въ брошюрѣ, изданной Обществомъ возрожденія художественной Руси и составленной Н. Поповымъ: Списокъ помѣченныхъ годами славянскихъ рукописей, имѣющихъ художественное значеніе, вып. 1. Патріаршее древлехранилище, Москва 1916 г., Синодальная типографія.

При Библіотекѣ имѣется нѣсколько тысячъ русскихъ свитковъ, поступившихъ изъ Московской Консисторіи,

Донского монастыря, Успенскаго Собора и личнаго Архива Патріарховъ; свитки Патріаршіе и Успенскаго Собора снабжены рукописными перечнями, регистрація остальныхъ стоитъ на очереди.

Отдѣлъ Архива Бытовыхъ и Историко-Литературныхъ Матеріаловъ.

Отдѣлъ Архива бытовыхъ и историко-литературныхъ матеріаловъ помѣщается въ верхнемъ этажѣ Музейнаго зданія. Отдѣлъ заключаетъ собраніе рукописныхъ памятниковъ документальныхъ и автографическихъ (въ отличіе отъ Отдѣла Рукописей, сосредоточивающаго въ себѣ памятники «четьи», естественнымъ продолженіемъ коихъ является бібліотека печатныхъ книгъ), представляющихъ богатѣйшій подборъ данныхъ для матеріальной и духовной культуры историческаго бытія Россіи за XVII-XIX ст. и служитъ необходимымъ комментариемъ самихъ вещественныхъ памятниковъ Музея.

Составъ собраннаго въ Отдѣлѣ Архива матеріала слагается изъ разнообразнѣйшихъ документовъ въ собственномъ смыслѣ, имѣющихъ историческій интересъ, фамильныхъ и семейныхъ архивовъ, собранія описей мѣстъ, городовъ, строеній, церквей, монастырей, помѣщичьихъ усадебъ и т. д., коллекцій мемуаровъ и записокъ, собранія писемъ, характерныхъ въ бытовомъ отношеніи, автографовъ, бумагъ русскихъ историческихъ дѣятелей, ученыхъ, писателей и т. п.

Коллекціи Отдѣла образовались путемъ покупокъ самого Музея, единичныхъ даровъ, обширнаго, пользующагося заслуженною извѣстностью собранія П. И. Щукина, а также изъ соотвѣтствующихъ частей, выдѣленныхъ изъ хранящихся въ Музеѣ рукописныхъ собраній А. Д. Черткова, А. И. Бярятинскаго, И. А. Вахрамѣева, И. Е. Забѣлина и Е. В. Барсова. Въ Отдѣлѣ ведутся работы двоякаго рода: а) составляются инвентарныя описи (отмѣчается содержаніе, время, мѣсто и число листовъ документа) и б) алфавитный карточный каталогъ лицъ и важнѣйшихъ предметовъ съ раздѣленіемъ всего матеріала на пять группъ: а) документы

въ собственномъ смыслѣ, б) книги и сборники, в) письма, г) историко-литературные матеріалы и д) рукописные планы и карты. Собранный матеріалъ хранится: сборники и книги—въ обычныхъ шкафахъ библіотечнаго типа; отдѣльные же листы и тетради—въ шкафахъ специально-оборудованныхъ, въ папкахъ по принципу вертикальнаго храненія. При Отдѣлѣ имѣется специальная справочная библіотека.

Библіотека.

(III этажъ, входъ изъ вестибюля по лѣстницѣ направо).

При Историческомъ Музеѣ находится богатѣйшая Библіотека.

Она является не только вспомогательнымъ учрежденіемъ для всѣхъ остальныхъ научныхъ Отдѣловъ Музея, но представляетъ собой и самодовлѣющую его часть (См. введеніе къ Путеводителю).

Библіотека Музея составилаь какъ путемъ покупки, такъ и, главнымъ образомъ, пожертвованій, въ значительномъ числѣ случаевъ—цѣлыми книжными собраніями. Слѣдовательно Музей сохраняетъ не только книгу, но цѣлыя коллекціи, отражающіе личные вкусы и интересы русскихъ книголюбцевъ, почему каждая книжная коллекція сама по себѣ представляетъ культурный и бытовой памятникъ. Такимъ образомъ, Библіотека Историческаго Музея представляетъ богатый матеріалъ не только для исторіи книги, но и для исторіи книжнаго коллекціонированія въ Россіи.

Замѣчательны слѣдующіе принадлежащіе Библіотекѣ собранія (перечисляются въ хронологическомъ порядкѣ ихъ поступленія въ Музей для нагляднаго представленія о постепенномъ ростѣ книжныхъ богатствъ его Библіотеки).

1. Библіотека историка М. Д. Хмырова (1830—1872), заключающая, м. пр., до 300 портфелей съ брошюрами и вырѣзками изъ газетъ и журналовъ по исторіи русской культуры (3.000 т.); приоб. въ 1873 г.

2-3. Библиотеки А. Д. Черткова (1789-1858) и А. Н. Голицына (1830-1911), принесенныя въ даръ въ 1870 г. Московскому Городскому Самоуправленію, а по постановленію Московской Городской Думы отъ 1875 г., переданныя въ 1887 г. на вѣчное храненіе въ Историческій Музей. Библиотека Черткова (70.000 т.) содержитъ лучшее и богатѣйшее собраніе сочиненій о Россіи; особеннаго вниманія заслуживаетъ подборъ иностранныхъ книгъ (съ XVI вѣка) о Россіи, такъ называемая «Rossica». Голицынская коллекція (16.000 т.) представляетъ дополненіе къ Чертковской. Пробѣлы названныхъ Библиотекъ систематически восполнялись путемъ покупокъ на отпускавшіеся городомъ до 1919 г. ежегодно суммы.

4. Библиотека проф. Д. М. Щепкина (1817—1857) съ сочиненіями по языковѣдѣнію, мифологіи и вѣрованіямъ (6.000 т. пожертв.—въ 1885 г.).

5. Великолѣпная по подбору библиотека проф. К. К. Герца (1820—1883) по исторіи восточнаго, античнаго и христіанскаго искусства и археологіи (20.000 т.; приоб. въ 1886 г.).

6. Библиотека извѣстнаго военнаго дѣятеля ген. Н. Н. Муравьева-Карскаго (1794—1866) по военному дѣлу и военной исторіи, а также по французской литературѣ и философіи к. XVIII в. (3.000 т., пожертв. въ 1887 г.).

7. Библиотека ген.-фельдмаршала А. И. Барятинскаго (1815—1879), помимо книгъ по военному дѣлу довольно разнообразная по своему составу и, подобно библиотекѣ Муравьева-Карскаго, весьма характерная для просвѣщеннаго русскаго дворянства въ XVIII—первой половинѣ XIX ст. (68.000 т., передана въ Истор. Музей въ 1887 г.).

8. Библиотека Московскаго коллекціонера П. В. Шапова (ум. въ 1888 г.) съ подборомъ прекрасно сохранившихся книгъ и журналовъ по русской литературѣ до 50 г. г. XIX в., а также старопечатныхъ книгъ, русскихъ и иностранныхъ (72.000 т., пожертв. въ 1888 г.).

9. Библиотека проф. А. А. Котляревскаго (1837—1884) по славяновѣдѣнію, миѳологіи, этнографіи, исторіи литературы (20.000 т.), пожертв. въ 1894 г.

10. Библиотека земскаго дѣятеля Н. С. Стромилова (1842—1894) по вопросамъ мѣстной жизни и исторіи Владимірской губ. (12.000 т., пожертв. въ 1894 г.).

11. Библиотека извѣстнаго московскаго коллекціонера-купца—А. П. Бахрушина (1853—1904), блестящая своимъ внѣшнимъ богатствомъ (роскошными переплетами, дорогими иллюстрированными изданіями), разнообразная по содержанію (по исторіи, археологіи, топографіи Москвы, по исторіи русской литературы, по исторіи искусства, по исторіи костюма и быта и т. д.) (40.000 т., пожертв. въ 1904 г.). Имѣется печатный алфавитный каталогъ.

12. Библиотека другого извѣстнаго коллекціонера, почетнаго члена Историческаго Музея П. И. Щукина (1853—1912), завѣщавшаго Музею, помимо библиотеки, всѣ свои цѣннѣйшія коллекціи по исторіи русскаго быта и искусства. Библиотека состоитъ изъ книгъ по исторіи русскаго, западнаго и восточнаго искусства, въ частности прикладнаго, по исторіи русской и всеобщей литературы и т. д. (40.000 т., пожертв. въ 1905 г.).

13. Библиотека знаменитаго русскаго историка, долголѣтняго руководителя Историческаго Музея И. Е. Забѣлина (1820—1908), цѣннѣйшая подборомъ книгъ по русской исторіи, въ особенности русскаго быта (10.000 т., пожертв. въ 1909 г.) Каталогъ ея печатается.

14. Библиотека проф. С. А. Усова (1827—1886 г.) по исторіи искусства, христіанской археологіи (800 т., пожертв. въ 1909 г.).

15. Библиотека Н. П. и В. Н. Рогожиныхъ (1859—1909 г.), замѣчательная богатымъ подборомъ изданій XVIII и первой половины XIX вѣка и дополняющая собраніе П. В. Шапова, а также содержащая цѣнную коллекцію по русской библиографіи (8.400 т. пожертв. въ 1910 г.).

16. Библиотека прот. П. С. Покровскаго изъ книгъ XVIII и нач. XIX вѣка, по церковной исторіи (600 т., пожертв. въ 1910 г.).

17. Библиотека судебного дѣятеля В. К. Вульфберта, содержащая книги конца XVIII и нач. XIX вѣка, въ частности масонскія, дополняющія собранія П. В. Щапова, В. Н. Рогожина и др. (2.000 т., пожертв. въ 1911 г.).

18. Библиотека А. И. и М. И. Забѣлиныхъ, дочерей И. Е. Забѣлина, гл. об. по русскому театру XIX вѣка и литературѣ (1.548 т., пожертв. въ 1912 г.).

19. Библиотека извѣстнаго журналиста и издателя А. С. Суворина (1834—1912 г.) по исторіи, литературѣ, искусству, особ. по исторіи театра (20.000 т., пожертвованн. въ 1913 г.).

20. Библиотека П. П. Семеновскаго, составл. въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій и заключающая всѣ наиболѣе замѣтныя книги, вышедшія за это время въ Россіи по литературѣ, искусству и исторіи (3.700 т., пожертв. въ 1914 г.).

21. Библиотека И. Х. Колодѣева изъ книгъ, брошюръ, газетъ и журналовъ, гл. обр. провинціальныхъ, по Сѣверу-Западному краю Россіи (700 томовъ, пожертв. въ 1915 г.).

22. Библиотека предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества и Почетнаго члена Историческаго Музея П. С. Уваровой, родивш. въ 1840 г., и ея покойнаго мужа, основателя этого Общества и Россійскаго Историческаго Музея А. С. Уварова (1825 г.—1884 г.) — исключительной, міровой цѣнности по вопросамъ археологіи и искусства. (Передана Историческому Музею въ 1918 г. изъ дома въ Леонтьевскомъ пер. въ Москвѣ и изъ имѣнія «Порѣчье» Можайск. у. Московск. губ.).

23. Библиотека Л. М. Савелова, (р. въ 1868 г.) главн. обр. по русской геральдикѣ (передана въ Историческій Музей въ 1918 г.).

24. Библиотека историка Г. Ф. Карпова (1839—1890) по русской исторіи (пожертв. въ 1919 г.).

25. Библиотека историка Д. И. Иловайского (1832—1920 г.) передана Историческому Музею распоряжением Зам. Нар. Комиссара по Просвещению в 1919 г. (находится в д. бывш. Иловайских, перевозится в Исторический Музей).

26. Библиотека Кирѣевскихъ (убитыхъ в 1918 г.) по русской истории и литературѣ, частью содержащая книги, принадлежавшія знаменитымъ славянофиламъ бр. И. В. и П. В. Кирѣевскимъ (перевезена в Исторический Музей в 1919 г. изъ имѣнія Кирѣевскихъ в Верейск. уѣздѣ, Моск. губ.).

27. Библиотека издателя журнала «Русская Мысль» извѣстнаго переводчика съ польскаго языка В. М. Лаврова (1852—1912 г.) по русской и всеобщей литературѣ и журналистикѣ. (Пожертв. в 1919 г.; перевезена изъ имѣнія бывш. Лавровыхъ Ружскаго уѣзда Моск. губ.).

28. Библиотека извѣстнаго библиофила и издателя Л. Э. Бухгейма (р. в 1880 г.) по истории русской литературы и общественности XIX вѣка—цѣннѣйшее собраніе (пожертвована в 1919 г.).

29. Библиотека Отдѣла историографіи и Музея Всероссійскаго Союза Городовъ, организованная в іюль 1916 г. съ цѣлью составленія отчета о дѣятельности В. С. Г. во время войны. Заключаетъ она какъ печатные, такъ и размноженные на ротаторѣ многочисленные матеріалы, главнымъ образомъ отчетно-докладнаго характера (до 2600 книгъ и 65 папокъ съ размноженными на ротаторѣ матеріалами). Составлены два карточныхъ каталога: алфавитный и предметный (перевезена в Исторический Музей в мартѣ 1919 года).

30. Библиотека Всероссійскаго Земскаго Союза съ матеріалами о дѣятельности Союза какъ за время міровой войны, такъ и японской (3620 названій; существуетъ алфавитный карточный каталогъ. В августѣ 1918 года перевезена в Отдѣлъ историографіи и Музей Всероссійскаго Союза Городовъ и вмѣстѣ съ библиотекой послѣдняго поступила затѣмъ в Исторический Музей).

31. Показательная библіотека—«Бюро по снабженію литературой» при Отдѣлѣ Исторіографіи Музея В. С. Г. изъ разсылавшихся Бюро книгъ (1105 названій). Имѣются два карточныхъ каталога: алфавитный и предметный. Перевезена въ Историческій Музей одновременно съ библіотеками В. С. Г. и В. З. С.

Помимо цѣлыхъ крупныхъ собраній, вошедшихъ въ составъ Библіотеки Россійскаго Историческаго Музея, она продолжаетъ ежегодно пополняться пожертвованіями отдѣльныхъ экземпляровъ и самостоятельной покупкой за послѣдніе годы, особо усиленно, съ тѣхъ поръ, какъ стали отпускаются болѣе значительныя суммы, чѣмъ въ прежнее время. Съ 1918 г. въ Библіотеку стали поступать и книги изъ Государственного Книжнаго Фонда при Отдѣлѣ научныхъ Библіотекъ Наркомпроса. Такимъ путемъ въ Библіотеку поступили части изъ собраній бывш. Олсуфьева, Сологубъ, Новосильцева, Брусилова и др.

Кромѣ перечисленнаго въ Библіотекѣ находятся:

1. Музей имени **Ө. М. Достоевскаго**, собранный и пожертвованный (въ 1906 г.) вдовой писателя **А. Г. Достоевской** (ум. въ 1918 г.), систематически ею же пополнявшійся. Здѣсь находятся собранія сочиненій Достоевскаго, переводы ихъ на иностранныя языки, многочисленные автографы, портреты, любимыя книги и вещи, переписка и др. цѣнные матеріалы. Все собраніе превышаетъ пять тысячъ (5000) №№. Каталогъ Музея былъ составленъ и напечатанъ **А. Г. Достоевской** въ 1906 г. Помѣщается въ Музеѣ въ особой комнатѣ при Библіотекѣ.

2. Собраніе имени **А. С. Грибоѣдова**—небольшая, но цѣнная коллекція изданій Грибоѣдова, его портретовъ, литература о немъ, а также рукописи, въ томъ числѣ извѣстный собственноручный списокъ комедіи «Горе отъ ума» (изданъ Историческимъ Музеемъ въ 1903 г.).

3. Собраніе имени **Н. В. Гоголя**. Въ основѣ коллекціи лежитъ даръ дѣйствительнаго члена Музея проф. **М. Н. Сперанскаго**, который продолжаетъ его пополнять; здѣсь находятся сочиненія Гоголя, переводы

ихъ, обширная литература о немъ, портреты, виды, иллюстраціи къ сочиненіямъ и т. д.

4—6. Витрины съ вещами, портретами и документами И. А. Гончарова, Н. Я. Кетчера, знаменитаго актера М. С. Щепкина.

7. По стѣнамъ Библиотеки развѣшаны вѣнки, возложенные разными делегаціями при открытіи памятника Н. В. Гоголю въ Москвѣ въ 1909 году.

Всего Библиотека Музея со всѣми перечисленными собраніями содержитъ около 1.000.000 т.

Въ Библиотекѣ, какъ и во всѣхъ Отдѣлахъ Музея, проведена карточная система каталогизаціи.

Разработана она такъ, что, составляя сводку (въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ) всѣхъ книгъ Музея, она въ то же время не нарушаетъ цѣльности ни одной изъ упомянутыхъ выше коллекцій.

Для читающей публики устроены также небольшой систематическій карточный каталогъ по основнымъ спеціальностямъ Музея — археологіи, исторіи русскаго искусства и литературы, нумизматикѣ, геральдикѣ, дипломатикѣ и т. д. и, кромѣ того, особые „автокаталоги“ по нѣкоторымъ спеціальностямъ.

Въ помощь занимающимся въ Библиотекѣ образованъ особый Справочный Отдѣлъ библиографическаго характера.

Въ концѣ 1914 года былъ законченъ постройкой и оборудованіемъ новый великолѣпный Читальный Залъ на 438 человекъ въ стилѣ „Ампиръ“.

Обиліемъ свѣта, воздуха, широкими столами, особаго образца абажурами надъ электрическими лампочками создавалась въ немъ уютная обстановка для сосредоточенныхъ научныхъ занятій. Къ сожалѣнію, до настоящаго времени этотъ залъ закрытъ для публики, такъ какъ онъ до сихъ поръ занятъ документами Историко-Революціоннаго Архива, перевезенными въ него еще въ 1917 г. Читающей публикѣ приходится поэтому ютиться въ помѣщеніи самой Библиотеки, чѣмъ создаются большіе неудобства какъ для читателей, такъ и для библиотечныхъ работниковъ. Можно надѣяться, что въ скоромъ времени, за выѣздомъ Архива изъ зданія

4 5731

Историческаго Музея, помѣщеніе новаго Читальнаго зала вновь перейдетъ въ пользованіе Музея.

Нельзя не подчеркнуть крайней тѣсноты въ Библіотекѣ Музея, помѣщеніе которой совершенно не рассчитано на необходимый нормальный приростъ книгъ изъ года въ годъ и теперь уже не можетъ вмѣстить многихъ перешедшихъ къ ней собраній. Шкафами съ книгами заполнены рѣшительно всѣ простѣнки и углы. Рационально размѣстить всѣ свои собранія Библіотека Музея сможетъ лишь тогда, когда будетъ осуществлена завѣтная мечта Музея и къ нему перейдутъ зданія бывш. Городской Думы и бывш. Губернскаго Правленія, соединенные съ Музеемъ проходомъ надъ Иверской часовней. Принципіальное согласіе Наркомпроса на это уже получено. Уже предсѣдателемъ Музея Н. С. Щербатовымъ и архитекторомъ академикомъ Р. И. Клейномъ разработанъ детальный планъ перестройки зданія бывш. Губернскаго Правленія и прилегающихъ къ нему построекъ подъ книгохранилище Музея, огромный читальный залъ и спеціальныя комнаты для научныхъ занятій.

Лишь по осуществленіи задуманнаго плана удастся сдѣлать одну изъ самыхъ богатыхъ книжныхъ сокровищницъ Россіи вполне и рационально доступной для всѣхъ, кто сколько-нибудь интересуется историческимъ прошлымъ своей страны.

Правила пользованія Библіотекой.

Библіотека въ настоящее время открыта для всѣхъ желающихъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10-ти до 3-хъ дня. Книги на домъ не выдаются. Каждый посѣтитель Библіотеки заполняетъ личную карточку, получаетъ свой постоянный № на годъ; на «требовательныхъ листахъ» подаетъ заявленіе о нужныхъ ему для занятій книгахъ. На «контрольныхъ листахъ» дѣлается помѣтка о количествѣ выданныхъ читателю томовъ и объ ихъ возвращеніи. Книги можно оставлять за собой на три дня. Портфели и сумки приносить съ собой въ Библіотеку не допускается.

Филіальное Отдѣленіе Библиотеки.

Съ 1918 г. къ книжнымъ собраніямъ Историческаго Музея присоединена Библиотека Московскаго Археологическаго Общества, въ особомъ зданіи на Берсеневской набережной, д. № 18. Библиотека состоитъ преимущественно изъ книгъ по русской и иностранной археологіи и соприкасающихся съ нею отраслей знанія. Составилась она исключительно путемъ пожертвованій книгъ членами Общества и тѣми учрежденіями, съ которыми Общество состояло въ обмѣнѣ изданіями. Много изданій было принесено въ даръ Библиотекѣ А. С. и П. С. Уваровыми. Въ библиотеку поступили также собранія нѣкоторыхъ умершихъ членовъ Общества, напр. Д. О. Шеппинга, А. В. Васильева и др. Общее число томовъ простирается до 12.000.



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Москва ● 1921.